

Смерть за шторами

Поль Альтер

Романы о докторе Твисте:

1987. La quatrième porte

1988. La mort vous invite

1989. La mort derrière les rideaux

1990. La chambre du fou

1991. La tête du tigre

1991. La septième hypothèse

1993. Le diable de Dartmoor

1994. A 139 pas de la mort

1995. L'image trouble

1995. La malédiction de Barberousse

1996. L'arbre aux doigts tordus

1998. Le cri de la sirène

1998. Meurtre dans un manoir anglais

1999. L'homme qui aimait les nuages

2001. L'allumette sanglante

2001. Le toile de Pénélope

2005. Les larmes de Sibyl

2009. Les meurtres de la salamandre

2010. La corde d'argent

2012. Le voyageur du passé

2013. La tombe indienne

ПОЛЬ АЛЬТЕР

СМЕРТЬ ЗА ШТОРАМИ

2020

УДК 821.133.1

ББК 84 (4Фра)

A58

Paul Halter

La mort derrière les rideaux

Перевод с английского

Николая Баженова

«Семейный пансионат, бесспорно, это — еще и атмосфера Джека Потрошителя. Я не сумел отойти от этой атмосферы. Это роман-загадка эпохи Золотого века. А кроме того, он прекрасно вписывается в исторические реалии. Эта книга напоминает множество других на эту тему. Тут есть Индия, ковер-самолет, факир и, конечно же, бравый полковник. И преступление, совершенное сто лет назад в таких же обстоятельствах и в том же коридоре, где происходит главное преступление. Все элементы — несомненно классические. Но я глубоко погрузился в сюжет и очень доволен».

Из интервью Поля Альтера Ролану Лакурбу

Альтер, Поль

A58 Смерть за шторами : [детективный роман] / Поль Альтер; пер. с англ. – 2020. – 208 с.

УДК 821.133.1

ББК 84 (4Фра)

Джону Дикксону Карру, Агате Кристи,
С.-А. Стееману и всем другим.

(СПИСОК ПЕРСОНАЖЕЙ

Марджори Конвей, девушка, потрепанная жизнью, но едва ли готовая отказаться от риска и романтики.

Уильям Скотт, молодой журналист, настолько же восторженный и предприимчивый, насколько трогательный.

Альфред Леман, иностранец, пианист, холостяк, около тридцати, ночная жизнь которого может скрывать много мерзостей.

Грэм Смит, красивый меланхолик, также около тридцати, имеющий неприятную склонность иногда много говорить и часто ночевать вне дома.

Доктор Харли Стэффорд, врач на пенсии, который, потеряв жену и дочь, ищет утешение в выпивке.

Мисс Вайолет Гарфилд, старая дева, слишком проницательная, чтобы жить долго.

Миссис Корнелия Дрейк, бывшая парикмахерша, потерявшая зрение, но все еще желающая продемонстрировать свое «искусство».

Все перечисленные живут в пансионе на Хокстон-стрит 48.

Мистер и миссис Хадсоны, содержатели семейного пансиона на Хокстон-стрит 48.

Дженет Пэдмор, их молодая прислуга.

Петер Шуйлер, недалекий человек, но с претензиями.

И разумеется:

инспектор **Арчибалд Хёрст**,

и его знаменитый друг, доктор **Алан Твист**.

Инспектор Арчибальд Хёрст дотронулся усталой рукой до покрасневшего лица, спрашивая себя, какого черта он впустил в кабинет эту помешанную даму, да еще несомненно старую деву. Разумеется, не для того, чтобы несколько облегчить жизнь сержанту, долг которого всегда выпроваживать дам не первой молодости, пришедших рассказать очередную историю, порожденную одиночеством и тоской. Тогда ради чего? Доброта, жалость? Нет, и близко нет!

Те, кто его хорошо знали, тотчас заметили бы, что инспектор пребывает в плохом настроении: редкие волосы, обычно тщательно причесанные, мятежно торчали спереди – четкий барометр его состояния.

Он зажег сигару, стараясь придать самое внимательное выражение лицу, обращенному к собеседнице, которая продолжала со всей серьезностью:

– Именно тогда я заметила в его взгляде что-то странное. О! Не могу сказать вам в точности, что именно – сдержанное ликование, отблеск ненависти...

Лицо инспектора прояснилось. Он только что понял, почему его так тянет к этой старой деве. Он с новым интересом взглянул на седые, тщательно причесанные волосы, на розовое лицо, как у девушки, и обратил внимание на этот хитрый взгляд – точная копия его бабушки! В умилении он вспомнил свое детство. Ненадолго, впрочем, поскольку припомнил, что эта бабушка с обескураживающей легкостью разгадывала все, о чем он думал в то время, а это доводило его до бешенства.

– ...такого сорта, – продолжала она. – Понимаю, трудно описать его взгляд, и боюсь, что немного путаюсь в объяснениях, инспектор.

Успокаивающим жестом он пригласил ее продолжать, мысленно вздыхая: на часах было уже 18:15. В кабинете они сидят уже добрых полчаса, но еще не приступили к самому главному.

– И, наконец, то, что я хочу сказать, мистер инспектор, и я не стану прибегать к уловкам: дело, в том, что это лицо готовится совершить убийство!

– Готовит убийство? Но как вы можете быть настолько уверены?

Она наклонилась вперед и понизила голос:

– Видите ли, инспектор, я почти никогда не ошибаюсь в природе людей. Неоднократно проверяла, уж поверьте. Их взгляд – это слуховое окошко, открытое внутрь их настоящей личности. Рано или поздно, глаза их выдают, так как невозможно постоянно скрывать свою главную мысль. О, иногда достаточно лишь пробежавшей искорки, чтобы разгадать, что замышляется под маской. В любом случае, я уверена в том, что касается персоны, о которой говорю: она готовится к убийству.

Инспектор приложил неимоверные усилия, чтобы не рассмеяться. Что за старая болтушка... Если бы было возможно вычислять убийц таким образом, Скотланд-Ярду пришлось бы закрывать лавочку. А он, Арчибальд Хёрст, мог бы пойти и записаться в очередь безработных.

Он тяжело поднял свои двести фунтов и подошел к окну. Задумчиво он смотрел, как ночь опускается на город. Туман сгущался, поглощая и отражая свет. «Нет, дамочка, все не так просто, – сказал он себе. – Убийцы существуют, но их лица остаются в тени. И очень часто речь идет о людях, на которых мы меньше всего подумали бы».

Прелестная семидесятилетняя старушенция нарушила молчание, и лицо ее осветилось легкой улыбкой:

– Вы без сомнения считаете, что я придумщица?

Хёрст развернулся к ней, возмущенно пыхтя:

– О Боже, нет! Стал бы я вас тогда слушать!

– Это справедливо, – согласилась старая дева. – Но я ставлю себя на ваше место. Тем более, что у меня нет никаких доказательств, подтверждающих мое предчувствие. Только его взгляд. Только этот взгляд. Так же, как у молодого Тедди Сельдена за неделю до того, как он убил свою мать...

– Тедди Сельден? Кто такой Тедди Сельден?

Хёрст задал этот вопрос самым заинтересованным тоном. Затем он сделал вид, что внимательно слушает лепет собеседницы, между тем, как его мысли были в другом месте, пока он разглядывал в окно квартал Лондона в этот холодный ноябрьский вечер.

– Это убийство произошло в моей родной деревне – там где я научилась распознавать человеческую природу. Поскольку, видите ли, люди везде одинаковы...

Глазами следя за машинами, расплывчатые огни которых двигались вдоль улицы, инспектор Скотланд-Ярда думал только об одном: прийти домой, сесть за стол, затем – в кровать, в тепло...

– ...пьяница, который притворяется трезвым... женщина, которая обманывает мужа... муж, ревнивый как тигр, который обращается к сопернику преувеличенно елейным тоном... маленький мальчик, который только что стянул леденцы у бакалейщика и беззаботно посвистывает...

«Лишь бы только этим вечером меня не выдернули из постели к какому-нибудь трупу, – думал Хёрст. – Что касается трупа, к счастью, уже давно у меня не было дела, выходящего за рамки обычного. Внимание, Арчибальд! Произносить эти слова – верное средство накаркать себе *эти*

дела, выходящие за рамки обычного, эти особенно запутанные дела... Значит, не думай об этом, не думай...»

– ...фактически можно разбить весь человеческий род на несколько категорий. Возможно, дюжину, не намного больше. То есть, дюжина типов взглядов. Молодой Тедди Сельден в тот день удивил меня. Я никогда до этого не видела такого выражения в чьих-либо глазах, но ужаснулась, просто оказалась в ступоре, не понимая почему. Когда нашли его мать, зарезанную косой, я все еще не могла понять. Я начала сомневаться, когда в сарае нашли его старшую сестру с черепом, расколотым ударом топора. И на этот раз мой разум отказывался принять очевидное. Кто бы мог подозревать этого бедного Тедди, которому едва исполнилось 13 лет? Он был сама невинность. По крайней мере, с виду. Но был этот взгляд. Я принялась тогда украдкой наблюдать за ним...

Поскольку Хёрст непрерывно повторял про себя «не думай об этом», он стал думать об этом еще интенсивнее. Требовалось изменить тактику. Ему надо сосредоточить мысли на чем-нибудь другом... но на чем? Вдруг перед ним возникло лицо его друга Твиста. Доктор Алан Твист, знаменитый криминолог, который всегда приходил на помощь, когда дело оказывалось особенно таинственным...

– ...вся деревня была охвачена ужасом, когда в городском фонтане нашли тело лучшего друга Тедди, сына булочника, все исколотое ножом. Вода была красной от крови. Я больше не медлила, а отправилась сообщить о своих подозрениях полицейскому, ответственному за расследование. Юный Тедди сразу же сознался. Я даже не помню сейчас причину его преступлений... пустяк, какая-то глупость... Ах да! Во время школьного праздника его друг передразнивал его, Тедди, да так удачно, что его мать и сестра хохотали до слез... Но я отвлеклась... Важен этот взгляд Тедди. Этот странный взгляд... то же, что я увиде-

ла у персоны, о которой я вам говорю, взгляд, который ясно говорил: «Я собираюсь убить!»

Хёрст, который повернулся к старой деве и сопровождал ее монолог легкими покачиваниями головы, продолжал думать о своем: «Уже прошло порядочно с тех пор, как я заходил к нему последний раз, к дорогому доктору Твисту. Надо будет забежать. Вижу его, словно он сейчас передо мной: удобно устроился в кресле, окутался облаком дыма и спрашивает меня с улыбкой, как ребенка: «Итак, Хёрст, что у вас за проблема? Что за неразрешимое дело вас терзает?» Представляю, какую мину он состроит, когда я ему скажу, что зашел просто так! Бедняга совсем разочаруется!»

Арчибальд Хёрст заранее радовался этому разочарованию своего знаменитого друга. Но насладиться ему не пришлось, поскольку два часа спустя он обнаружил, что вынужден просить совета по поводу убийства, столь же ужасного, сколь удивительного. Убийство, которое оказалось связанным со вторым, еще более загадочным. Абсурдное убийство, убийство без убийцы, хотя вмешательство преступной руки было доказано официально.

– ...тогда вы понимаете, инспектор, что я не могла поступить никак иначе, чем постучаться в двери Скотланд-Ярда. Эти глаза говорили о преступлении почти так же, как если бы оно уже совершилось.

«Черт побери! – проворчал про себя Хёрст. – Уже половина седьмого! Совсем что ли я рехнулся – сижу и слушаю эту дурацкую историю про взгляды? Должно быть, дама прочитала много детективов. Разоблачающие глаза, глаза убийцы! Какая ерунда! Нужно будет рассказать об этом Твисту. Уверен, он без труда вспомнит название книжки, которая вдохновила эту зануду».

– ...итак, что вы об этом думаете? Сможете добиться ареста?

Хёрст чуть помедлил, затягиваясь сигарой и изображая глубокие размышления.

– Арест? Боюсь, это немного преждевременно, дорогая мадам. Мы едва ли можем надеть кому-то наручники просто на основе подозрений.

– Просто подозрений? Но, мистер инспектор, этот взгляд – самое лучшее доказательство...

– И наконец, – подытожил Хёрст, стараясь сохранять спокойствие, – преступление еще не совершено. Мы не можем арестовать кого-либо просто потому, что, по нашему мнению, он хочет кого-то убить.

– Значит, плох закон! – простонала его собеседница, качая головой от огорчения.

– В этом случае, да, – согласился Хёрст с неким подобием улыбки и демонстративно посмотрел на часы.

– Но мы же не можем просто сидеть, ничего не делая, и ждать, когда он приведет в исполнение свои намерения!

– Увы!..

– Послушайте, хочу вам сказать кое-что, – совершенно серьезно заявила старая дева.

– Что? – спросил Хёрст, едва не добавив «еще».

– Я думаю... Заметьте, что тут я не до конца уверена, поскольку и у моей наблюдательности есть границы... Но фактически у меня создалось впечатление, что этот человек разгадал, что...

С саркастической улыбкой Хёрст перебил ее:

– Вы думаете, что этот человек со странным взглядом прочитал в ваших глазах, что вы разглядели в его взгляде замысел убийства!

Слишком напуганная, чтобы заметить иронию усталого полицейского, она пробормотала:

– Да... Вот именно... И сказать вам правду, я нервничаю. Знать, что под одной крышей с тобой живет некто с желанием убивать, некто, кто, должно быть, видит в тебе пре-

пятствие своим замыслам и кто не постесняется в таком случае устранить и тебя...

Инспектор Хёрст сказал себе, что если он не предпримет мер, все затянется еще на добрых полчаса. Он взял листок бумаги и авторучку, спросил имя и адрес посетительницы и записал их. Она уточнила:

– Это – семейный пансионат...

– В котором скрывается также ваш предполагаемый убийца, да?

– Да.

Молчание.

– Но вы не спрашиваете у меня, о ком речь?

Хёрст успокаивающе улыбнулся, медленно встал и заявил:

– Я приду встретиться с вами, как только представится возможность, и мы продолжим этот разговор, который я считаю очень интересным. К тому же, я люблю наблюдать людей, не имея предубеждений, не составляя заранее мнения, то есть беспристрастно. И в таких случаях инстинкт меня редко обманывает, можно даже сказать – никогда.

Эти слова, казалось, успокоили старую деву, которая простилась, тепло его поблагодарив.

«Не слишком быстро, – вздохнул Хёрст, глядя на закрывшуюся дверь. Но не будем жаловаться – могло быть и хуже. Я еще легко отделался. А завтра она все позабудет».

Его взгляд переместился на листок бумаги, где он записал имя и адрес маленькой дамы.

Пожав плечами, он скатал бумагу в шарик и бросил в мусорную корзину. Затем натянул пальто, нахлобучил шляпу и в прекрасном настроении вышел из кабинета.

– Здесь, – сказал Питер Шуйлер, останавливая машину на узкой улочке.

– Здесь что? – вспылила Марджори Конвей, пренебрежительно глядя на своего спутника, от которого разило спиртом.

– Ну... э-э... – Питер улыбался во все зубы. – Наконец-то мы сможем немного пройтись. Это не повредит вам, моя красавица, не правда ли?

– Уже за полночь, – возразила она, – и я хотела бы вернуться к себе. Я устала и...

Она замолчала. Если подумать, немного свежего воздуха водителю не повредит, если она хочет добраться домой целой и невредимой.

Молча она открыла дверцу и вышла. Питер тут же присоединился к ней. Он обнял ее за талию:

– Итак, дорогая, как вам понравилась эта прогулка с откинутым верхом? Машина – просто чудо, когда за рулем первоклассный водитель, не правда ли?

Марджори не ответила.

«Это гонка по Лондону в полном тумане, эти крутые повороты, визг тормозов – какой кошмар! Но что я делаю здесь с этим типом? – спрашивала она себя уже в который раз. – Прежде всего, мне не нравится его прическа: эти слишком длинные волосы на шее. Затем, у него нет другой темы для разговора: только он сам, то, что он сделал, – хотя он ничего не делал, кроме как жил на средства родителей. А затем эта манера одеваться, этот шелковый платок агрессивной расцветки, костюм с претензией на элегантность. И вершина всего – это невыносимое само-

довольство: короче, «папенькин сынок» во всем своем великолепии!»

С гневом Марджори вспомнила события этого вечера. Правда, начиналось все неплохо. Вначале приглашение ее подруги Франс отпраздновать день рождения. Она спешно подготовилась и отправилась туда, радуясь, что сменил атмосферу и немного развлечется.

Обстановка была расслабляющей. С удовольствием она вновь увидела несколько знакомых лиц. Буфет оказался вполне приличным – где, черт возьми, она сумела все это достать среди дефицита конца сороковых? Было даже настоящее шампанское! Старый фонограф отважно играл джаз, медленные танцы, фокстрот, буги-вуги и даже хороший старый чарльстон. Именно Дэвид возился с радиолой, Дэвид, который потерял ногу где-то в пустынях Ливии, но, казалось, с удовольствием смотрел, как танцуют другие.

Марджори, одна в уголке, хотела подойти к этому молодому человеку, спокойствию которого завидовала, но к нему подседа Франс и стала помогать выбирать пластинки. Эти двое казались настолько поглощенными своей задачей, что Марджори постеснялась стать третьей лишней и осталась, съежившись, в своем кресле, меланхолически уносясь в прошлое – опять! – в это столь близкое прошлое, которое все еще преследовало ее.

Они с Франс познакомились в WAAF.¹ Франс была там медицинской сестрой, а Марджори контролировала один из секторов воздушного пространства около Лондона на одной из станций слежения, сидя в наушниках и отмечая на большой карте полет вражеских самолетов. Напряженные часы в атмосфере крайнего возбуждения, позволяющего преодолеть страх. Обе, каждая на своем месте, приносили пользу, сражаясь как могли, в то время как их друзья, их братья вели беспощадные бои на море и в воздухе...

1 Женская вспомогательная служба военно-воздушных сил – термин существовал с 1939 по 1948.

Когда при всеобщем веселье танцы закончились, парочки направились в буфет. Марджори, ощущая себя не совсем здоровой, почувствовала еще большее отчуждение к тому, что ее окружало, когда вдруг вздрогнула: «Серенада лунного света» в исполнении духовых инструментов оркестра Гленна Миллера. Дорогие, жестокие воспоминания... Нортолт,² ее встреча со Стани во время его короткого отпуска. Станислав, молодой пилот польского эскадрона, который вежливо поклонился ей, приглашая на танец. Она позволила себе увлечься, изменив собственным принципам, очарованная его столь неанглийскими способами ухаживания, этим сдерживаемым жаром, этим огнем, этой жаждой жизни именно в те часы, когда вокруг бродит смерть. Сколько раз они виделись потом? Так мало, но какое это имело значение, раз они любили друг друга. И затем в конце сентября, когда король инспектировал эскадрон Стани, огромная волна бомбардировщиков атаковала и разрушила заводы Спитфайр. Срочный взлет, преследование. Стани сумел сбить одного из них, но враги убили его вблизи от острова Уайт...

Она сидела, погруженная в свои воспоминания, когда к ней подошел Питер. В растерянности она встала, цепляясь за него, как за спасательный круг. Танцевал он хорошо и молча. Почему чуть позже она позволила немного приобнять себя? Человеку, который ей сразу не понравился? Эта музыка, шампанское, одиночество среди всех этих пар, счастливых тем, что они живы? Без сомнения, всего понемногу, и она утратила бдительность. Минутная слабость, которой тот смог воспользоваться.

Он не отходил от нее ни на шаг, даже когда они не танцевали, его неиссякаемые монологи, героем которых был он сам, его победы, галлоны виски, которые он был в состоянии выпить за вечер, подвиги за рулем своего «ягуара». Как

2 Нортолт – исторический город в лондонском районе Илинг, в 11 милях к западу-северо-западу от Чаринг-Кросс.

она смогла остаться бесстрашной под этим потоком глупостей? Почему не осадил, не высмеял его бахвальства? Почему, без труда разгадав его намерения, позволила себя проводить?

Она могла бы сразиться!

– Жаль, что эта война закончилась так рано, – бахвалился Питер, поправляя платок, торчащий из нагрудного кармана. – Через несколько месяцев и я смог бы принять участие в боях. Со мной немцам небо показалось бы с овчинку, можешь мне верить, крошка. Ты видела, на что я способен за рулем этого драндулета, можешь представить, что я творил бы на «Спитфайере». Уж я бы задал им наверху! Жаль...

Марджори пришлось сделать над собой усилие, чтобы не дать пощечину этому слабоумному наглецу. Она сжала зубы, и глаза наполнились слезами. Она снова увидела Джереми. Совсем маленький Джереми, в десять лет, в пятнадцать... двадцатилетний Джереми, ее старший, мертвый брат, защищавший страну в своем «Харриконе» там, «наверху», как сказал этот кретин.

Начиналась «Битва за Англию». Чтобы заменить его, она поступила в WAAF и этим приняла участие в боях. Двумя месяцами позже случилось знакомство со Стани, смерть его, а затем и родителей во время одной из последних бомбардировок столицы. И она осталась совсем одна.

Конечно, жизнь после бури вновь вошла в колею. Однако Марджори все еще не смогла отойти от пережитого. Пока она чувствовала себя полезной, все это еще можно было переносить. Но возвращение к гражданской жизни оказалось тягостным. Пустота, одиночество, руины и больше ничего.

Молча они углублялись в темную улицу. Марджори пробила дрожь, когда она обнаружила, что не знает даже, в каком квартале они находятся. Они снова пошли по Кларк-кентуэлл-роуд, затем повернули налево. Финсбюри? Как

можно быть хоть в чем-то уверенной в этом проклятом тумане, густом как гороховый суп? Она осмотрелась. Мрачные здания громоздили свои фасады; время от времени виднелось освещенное окно – размытое желтоватое пятно за шторами тумана. Питер не проронил ни слова. Он шел прямо с подобием улыбки на губах, очевидно нечувствительный к влажному пронизывающему холоду, тогда как она уже начала дрожать. Рука, которой он поддерживал ее за талию, казалась замороженной. Их шаги, медленные и равномерные, нарушали ночную тишину и подчеркивали странное, пугающее молчание Питера. Почему он больше ничего не говорит? И прежде всего, кто он такой? Она не знала о нем ничего кроме имени: Питер Шуйлер – если только это действительно было его имя... Взвесив ситуацию, она почувствовала как растет страх: час ночи, вокруг ни души на этой темной туманной улице – она оказалась наедине с неизвестным в неизвестном месте.

Бойтся ли она Питера, который на три или четыре года младше нее?

Она украдкой посмотрела на него.

Нет, разумеется нет!

Питер, поймав ее взгляд, повернулся к ней и изобразил улыбку, которая, по его мнению, должна была выглядеть обольстительной. Внезапно он остановился и прижал ее к стене. Марджори почувствовала запах перегара, еще более гадкий, чем эта улыбка.

– Теперь, мой цыпленочек, ты признаешь, что не часто сталкивалась с людьми моей закалки, не правда ли?

«Сейчас играет роль крутого парня, – подумала Марджори. – Можно помереть от смеха».

Внезапно он прижал свои губы к губам девушки. Когда она почувствовала его жадные руки на своей груди, то машинально вlepила ему энергичную пощечину. Питер отпрянул и выпучил изумленные глаза. Он открыл было рот, но Марджори опередила его резким криком:

– Вот тебе за летчиков, несчастный идиот!

И, развернувшись, она широким шагом удалилась, оставив позади остолбеневшего Питера. Через несколько секунд она услышала, как он взвыл:

– Никогда еще женщина не обращалась так со мной, слышишь ты, грязная девка! Никогда! Сейчас узнаешь Питера Шуйлера... Стой сейчас же! Извинений! Я требую извинений! И немедленно!

Не слушая его возмущенных криков, громко звучащих в ночи, Марджори повернула в улицу, отходящую вправо. Впервые за вечер она почувствовала удовлетворение. Наконец-то она вновь стала сама собой. В сущности за свою пассивность, безволие она получила по заслугам. Следовало быть поумнее, чем флиртовать с этим молодым дураком. Ладно, пусть это послужит ему уроком.

Она услышала позади его чеканные шаги. Она развернулась и увидела приближающегося Питера – тот был просто в бешенстве.

– Никогда женщина меня так не оскорбляла! Я требую извинений!

Отбросив остатки вежливости, он схватил ее за воротник и привлек к себе, испепеляя взглядом. Затем грубо встряхнул ее, и Марджори поняла, насколько может быть опасен подобный индивид, когда затронуто его самолюбие, да еще под воздействием винных паров. Вспомнив тайный прием, недавно показанный Джереми, она напрягла мышцы и каблуком со всей силы ударила его в колено. Он согнулся вдвое, крича от боли.

Марджори воспользовалась этим, чтобы сбежать. Она долго бежала, не разбирая дороги и не представляя, куда несут ее ноги. Пришла в себя она в каком-то сквере, тяжело дыша. Увидев в тридцати футах справа портик с нишей, она пошла укрыться туда. Погруженное в темноту это место создавало превосходное убежище. Если присесть на кор-

точки, и прижаться лицом к стене, никто не сможет ее заметить.

Она прислушалась, но не услышала ничего, кроме яростного биения собственного сердца. По всем признакам ей удалось ускользнуть.

Сквер был пуст. Только вход в ближайшее здание был освещен ореолом от одного из уличных фонарей, расположенного приблизительно в сорока ярдах перед Марджори. Она долго оставалась неподвижной, чувствуя как под одежду проникает сырость и холод начинает кусать щеки. Все еще прислушиваясь и съезжившись, она сидела в темноте, не в силах принять решение. Было что-то злое в этом месте, в этом голубоватом отсвете, пронизываемом клочьями тумана. Часы на соседней колокольне пробили час. Звон долго звучал в сквере. Залаяла собака. Затем вновь все стихло.

Она уже собиралась встать, но вдруг увидела, как из двери здания на другой стороне сквера появился женский силуэт, который отбросил на стену живописные тени в отраженном свете. Это была элегантно одетая женщина приблизительно сорока лет. Неизвестная зажгла сигарету, сделала несколько шагов в сторону, словно не желая выходить на свет, а затем встала неподвижно. Сейчас Марджори видела ее с большим трудом. Огонек сигареты периодически становился ярче.

«Она выглядит нетерпеливой и раздраженной, – думала Марджори. – Любовное свидание? Маловероятно, учитывая время и погоду. Что-то, связанное со шпионажем? Стоп, Марджори, не позволяй разыграться воображению. Война закончена. Говорить больше не о чем».

Безмолвно тянулось время. Она не решалась выйти из тайника. Из-за Питера? Нет, он, должно быть, успокоился и вернулся к своему невероятному драндулету. Из-за этой женщины, которая, видя как девушка уходит, могла бы решить, что за ней следят? Нет, любопытная как всегда,

Марджори любой ценой хотела знать, почему эта женщина оказалась там. Ее инстинкт говорил, что что-то должно произойти. Она всегда мечтала пережить какое-нибудь удивительное приключение и быть его героиней. Стараясь унять дрожь от возбуждения и холода, она потирала руки, чтобы согреться, и решила оставаться на месте, позволив воображению разыграться.

Легкий шум заставил ее вздрогнуть. Казалось, он шел с угла улицы, из которой она пришла. С бесконечными предосторожностями она повернулась. Вначале она не увидела ничего. Затем, по мере того, как ее глаза рассматривали зияющий вход на улицу, она разглядела в углу у стены поля шляпы и воротник пальто.

Полная надежд, она удвоила внимание.

Там кто-то был! Шляпа шевельнулась! Да, там кто-то был! Кто-то, наблюдающий за женщиной. Если только это не Питер, продолжающий преследование. Нет, у Питера не было шляпы.

Вдруг тень медленным шагом направилась ко входу в здание. Хотя Марджори напрягла все свое внимание, она не смогла разглядеть неизвестного: поля шляпы загнуты вниз, воротник пальто поднят. Женщина, которая заметила мужчину, пошла ему навстречу.

«Женщина и ее любовник», – разочарованно подумала Марджори.

Она увидела, как они сошлись посреди сквера. Человек, казалось, что-то объяснял ей. Марджори наострила уши, но слышала только невнятный шепот. Женщина опустила голову, словно новость оказалась малоприятной. Продолжая говорить, человек увлек ее ко входу в здание или, точнее, влево от него в маленький проход. Они вошли туда, но дальше не пошли.

Марджори больше не видела женщины, а видела лишь лицо ее спутника, который крепко обнял женщину, даже слишком крепко. Раздался приглушенный стон. Разочаро-

ванная Марджори пожала плечами, затем, видя, как неизвестный действует все активнее, она стыдливо опустила глаза. Открыв их чуть позже, она увидела, как мужчина склонился над женщиной, которая лежала на земле в темном проходе.

Голову затопила теплая волна. Готовая расплакаться, Марджори закрыла лицо руками, досадуя на себя, что оказалась свидетельницей неподобающей сцены.

Вечер оказался катастрофой. Она хотела уйти, убежать, крикнуть о своем разочаровании, об отвращении к жизни, которая для нее наполнена только тоской и печалью.

Она осталась, сдерживая себя и не в силах исчезнуть прежде... прежде, чем они уйдут.

Спустя какое-то время, которое ей показалось разумным, она приоткрыла веки. Человек собирался подняться. Он сделал несколько движений, значения которых Марджори не смогла понять. Но она почти не сомневалась, что он прячет в карман своего пальто какой-то предмет. После чего он вновь нагнулся, чтобы осторожно взять что-то кончиками пальцев, а затем направился к ступеням входной двери здания. Марджори не смогла определить, что это за вещь. Она увидела, но не услышала, как предмет упал, следовательно он не был чем-то тяжелым. Берет, меховая шапка, какой-то лоскут? Затем неизвестный бросил несколько осторожных взглядов вокруг, прежде чем снова отправиться туда, откуда пришел.

Прислушиваясь к его шагам, она смотрела, как он пересекает сквер. По мере того, как он приближался к месту, где пряталась она, у Марджори крепла уверенность, что происходит что-то необычное, но была не в состоянии понять, что именно, настолько она была расстроена. Когда он исчез за углом улицы, она спросила себя, что стало с женщиной. Вернулась ли она в здание, пока Марджори сидела, упорно зажмурившись? Нет-нет... В тишине спящего сквера она услышала бы ее шаги и звук входной двери.

Кроме того, это было бы как-то нелогично, учитывая происшедшее между ней и мужчиной. И Марджори принялась проклинать свой неловкий приступ стыдливости. Оставалась лишь одна возможность: женщина ушла через небольшой проход. Но это также было абсурдно, поскольку она лишь удалилась бы от своего дома. Но, в конце концов, тот факт, что она оттуда вышла, не означает, что она там живет.

Она предавалась размышлениям, когда вновь послышались шаги. Марджори повернулась к улице, в которой исчез мужчина, и увидела, как появился некий силуэт.

«Опять он! – сказала она себе, узнавая неизвестного по одежде. – И зачем, черт побери, он вернулся?»

Медленным шагом он пересек сквер и оказался перед входом в здание. Его взгляд остановился на предмете, брошенном чуть раньше. Человек на секунду остановился, а затем сместился к началу прохода, все еще глядя на землю.

«Но что он делает? – спросила себя Марджори. – Что-то ищет... Он наклоняется. Но что же это за вещь, которую он бросил раньше?»

В этот момент, из двери здания показался еще один силуэт. Марджори, чьи глаза привыкли к полумраку, поняла, что это дама солидного возраста. Она вела на поводке маленькую собачку. Взгляд дамы остановился на той «вещи». Ее четвероногий спутник с любопытством обнюхал предмет, а затем схватил и неистово затряс.

Марджори увидела, как быстро исчез в проходе неизвестный, наблюдающий эту сцену, а затем переключила внимание на даму с собачкой.

– Дай сюда, мой сладкий, отдай мамочке...

Маленькое животное встало на задние лапы и послушно отдало свой трофей хозяйке. Та, казалось, сначала окаменела, а затем тишину улицы нарушил отчаянный крик ужаса.

Не в силах совладать с нервами, Марджори оставила свой наблюдательный пункт и со всех ног бросилась прочь. Пересекая лабиринт извилистых улиц, она поняла, что находится в квартале Шордич, где наконец сумела сориентироваться, с облегчением поняв, что оказалась лишь в десяти минутах от дома.

Чтобы отдышаться, она замедлила шаг и попыталась привести в порядок спутанные мысли. Чем мог быть на самом деле тот «предмет», который заставил даму с собачкой закричать: бесформенной сумочкой или клоком волос? Чем-то безусловно ужасным, иначе она бы не кричала. Что-то ужасное, что мужчина в шляпе и с поднятым воротником бросил на ступени здания. Что-то, что... Ей вспомнился приглушенный стон женщины, когда мужчина обнял ее...

Марджори всеми силами оттолкнула ужасный вывод, к которому пришел мозг. Она вздохнула с облегчением, увидев семейный пансионат, где жила. Узкое и высокое пятиэтажное здание являлось частью ряда домов, окруженных оградой. Входная дверь открывалась слева из крытого прохода, который вел на задний двор.

Марджори жила там уже несколько месяцев на скромные сбережения, оставленные родителями, и небольшую зарплату с последних мест работы. Она редко задерживалась на одной работе более двух месяцев. В ее оправдание следует сказать, что работа эта была неинтересной.

От прошлой жизни у нее не осталось ничего, за исключением металлического сундучка, который ее отец спря-

тал под сводом погребка и который обнаружили неповрежденным среди развалин семейного дома. Содержимое? Несколько ценных мелочей, официальные документы, письма, семейные архивы и фотографии, дорогие воспоминания о счастливых днях. Конечно, она не была единственной, брошенной в эту пропасть испытаний, но она не сумела вновь подняться на склон. Страшило одиночество. Ей хотелось возродиться, любить, быть любимой кем-то, кто способен слушать, понимать и заставить ее забыть ужасные годы. Два неудачных опыта сделали ее подозрительной. Что касается эпизода с Питером Шуйлером, это просто апофеоз!

Возмущение и гнев подействовали на нее как удар хлыстом, и она уверенным шагом прошла под каменной аркой последние ярды до красивых ворот, которые вели в крытый проход, поднялась в подъезд, вставила ключ в замок и осторожно открыла дверь, что не помешало той громко скрипнуть.

Она вошла в небольшой тамбур, обитый панелями из старого дуба и отделенный от коридора двумя плотными вельветовыми шторами, вероятно призванными сдерживать проникновение холода, хотя они постоянно были приоткрыты на ширину руки. Отодвинув их, ощупью прошла в коридор, где царила полная тьма. Прекрасно зная дорогу в свою комнату, расположенную на третьем этаже, она предпочла не зажигать свет, чтобы не вызвать любопытства некоторых обитателей, любящих посплетничать. Она разулась и, крадучись, прошла вдоль коридора тридцать футов до лестницы по правую руку от себя и стала подниматься по ступеням. Поднявшись на второй этаж, она резко остановилась.

Входная дверь только что скрипнула.

Конечно, очень тихо, но этот шум был ей слишком хорошо знаком, чтобы она могла ошибиться. Кто-то вошел

украдкой точно так же, как это только что сделала она. По всей видимости, кто-то из дома, так как надо было иметь ключ чтобы войти.

Кто бы это мог быть? Альфред Леман, пианист? Обычно он возвращался к себе в комнату чуть позже, к трем часам, и намного менее скромно. Уильям Скотт никогда не принимал подобных предосторожностей, а мисс Вайолет Гарфилд не имела обыкновение являться домой в такой час. Как и Корнелия Дрейк. Доктор Стэффорд не выходил никогда. Что касается мистера и миссис Хадсон, владельцев пансионата, они слишком уставали за день, обслуживая жильцов, чтобы думать о развлечениях по будним дням. Так же, как Дженет Пэдмор, молодая горничная.

Оставался Грэм Смит. Удивительный Грэм Смит, который очень часто выходил поздно вечером, а возвращался ранним утром и появлялся только за обедом, если не принимал пищу у себя в комнате. Этот тип наводил на нее ужас, когда впивался в нее своими черными глазами, которые, казалось, видели человека насквозь. Про него знали лишь, что он намеревался зарабатывать на жизнь своим пером.

Марджори пожала плечами, спрашивая себя, почему она задалась такими вопросами, а не подумала сразу о Смите, когда вдруг по телу разлился страх. Потребовалось лишь несколько секунд, чтобы понять, что тут не так: *человек, который только что вошел, не зажег свет!*

Задержав дыхание, она прислушалась.

Тишина.

«Второй раз за вечер, – подумала она пытаясь рассмеяться, – я встречаюсь в темноте с неизвестным. Сейчас это еще точнее, поскольку я вообще ничего не вижу».

Принимать столько предосторожностей при возвращении – это не похоже ни на Грэма Смита, ни на какого-либо другого постояльца за исключением себя самой. Тогда

кто? Вор? У таких людей всегда при себе имеется карманный фонарик. Но не было вообще никакого света, хоть сколь-нибудь слабого.

Полная чернота.

Ее пробрала холодная дрожь, когда она почувствовала, скорее чем услышала, как кто-то очень осторожно поднимается по лестнице.

Она вжалась в стену, затаила дыхание и молила Бога, чтобы тот, кто приближается, ориентируясь, шел ближе к перилам, а не к стене, иначе...

Один шаг, другой, еще один. Теперь он должен оказаться на повороте лестницы. Он находился не больше, чем в дести футах... в трех... Она слышала, как он дышит.

Он был рядом с ней и остановился.

Напуганная до смерти, Марджори спрашивала себя, не слышит ли он ударов ее взволнованного сердца. Она чуть не закричала, когда ткань его одежды задела ее лицо, затем ощутила огромное облегчение, поняв, что он вновь продолжил движение.

Он не пошел на второй пролет лестницы, а направился по коридору к северной стороне, где были только две незанятые комнаты, кладовка и ванная.

Дверь открылась и вновь закрылась. Она без труда узнала комнату, в которую он вошел. Единственная, не закрытая на ключ и запираемая изнутри: ванная. Любопытство победило страх: она осталась на лестничной площадке, прислушиваясь. Чуть позже она услышала характерный шум воды, текущей в умывальнике.

«Что может быть нормальнее, чем зайти в ванную», — успокоилась она.

Некоторое время вода текла, затем с бульканьем раковину слили, Марджори почти ослепил прямоугольник света, который осветил коридор, когда дверь открылась. Она

вперила взгляд в силуэт, который выделялся в свете лампы, но очень быстро все вновь оказалось во тьме.

Дверь вновь бесшумно закрылась, и шаги приблизились. Марджори остро почувствовала, что в коридоре находится сама смерть и она медленно направляется к ней.

В голове возникло смутное видение. Она, наконец, поняла, что именно увидели ее глаза: длинное пальто с поднятым воротником, шляпу с опущенными на лицо полями...

Неизвестный, который оказался в нескольких футах от нее, и тот, кого она видела в сквере, – один и тот же человек!

Кровь застыла у нее в жилах, ноги стали ватными, она вжалась в стену, сознавая неумолимый финал. Но когда она уже готовилась к самому худшему, скрип ступеней показал, что мужчина пошел по лестнице.

Она слушала, как он поднимается. Шум его шагов раздавался у нее в голове, этот шум казался все сильнее, она соскользнула на пол и потеряла сознание.

Когда она пришла в себя, стояла абсолютная тишина. Первой мыслью было, что этот глупый обморок помешал ей узнать, на каком этаже остановился неизвестный. Но прежде всего, был ли этот неизвестный действительно тем, кого она видела в сквере? Оба носили длинное пальто и шляпу темного цвета и были приблизительно одинакового телосложения. Было ли это достаточно, чтобы утверждать, что речь идет о том же самом человеке? Нет, конечно нет.

Марджори улыбнулась: она просто позволила нервам взять верх. В конце концов, ничто не доказывает, что мужчина из сквера убил свою подругу, – возможно, он просто решил разыграть пожилую даму, бросив какой-то предмет, который, впрочем, она и сама не смогла узнать. Оставался вопрос жильца (так как разумно ли предполагать, что чужак проник в дом, чтобы помыться?) – следо-

вательно, это жилец, который, возвращаясь домой к себе, не зажигал свет. Но разве сама она действовала иначе?

Повеселев, она на ощупь двинулась было вверх по лестнице, когда ей пришло в голову, что ради спокойствия следует все-таки заглянуть в ванную. Она двинулась вдоль коридора, все еще на ощупь, остановилась перед второй дверью, вошла и зажгла свет.

«Ничего особенного, – сказала она себе, оглядываясь вокруг, – кажется, все на месте».

Тем не менее, она начала скрупулезный осмотр. В раковине все еще было несколько капель воды, а по мылу видно было, что им недавно пользовались. Здесь мыли руки, это бесспорно, но никаких выводов из этого не следовало. Ванна была чистой и сухой. Никаких следов на плитке. Она открыла туалетный шкафчик и убедилась, что там все в порядке. То же в шкафу. После чего она присела на корточки, чтобы исследовать пол во всех углах и закоулках. Там также ничего необычного. Но что именно она ищет? Она и сама не смогла бы этого сказать.

Она вышла из ванной и направилась в свою комнату на третьем этаже, успокоенная и почти веселая после вечера, так богатого волнениями.

Она разделась, облачилась в пижаму и выглянула в окно, которое выходило на задний двор – малопривлекательное место, окруженное со всех сторон высокими и темными стенами. Слабый свет с улицы через проход, который пронизывал здание, высветил старую, блестящую от влаги мостовую и прозаические помойные баки под навесом.

Марджори задрожала от холода, задернула шторы и усмехнулась про себя: «Темнота и туман, вот и все, моя девочка».

Прежде, чем лечь в постель, она остановилась перед зеркалом, которое отразило ей лицо с правильными чертами,

благородным чуть приоткрытым ртом, в котором видны великолепные зубы, и обрамленное волнистой массой каштановых волос, которые она принялась расчесывать. Марджори улыбнулась своему отражению, провела намоченным пальцем по изгибам бровей, немного более темных, чем ее шевелюра: «А ты совсем не уродина! Жаль, что лишь дураки чувствуют твою привлекательность!»

Она пожала плечами, залезла под одеяло, готовая заснуть, и с удовлетворением вспомнила лицо Шуйлера после того, как вlepила ему пощечину и привела в чувство. Она собралась уже погрузиться в освежающий сон, когда назойливая мысль заставила ее вздрогнуть. Она забыла кое-что проверить в ванной. «Ты же не собираешься возвращаться туда, Марджори!» – сказала она себе. Но убеждения оказались напрасны. Сдавшись, она выпрыгнула из постели, рассердившись сама на себя, накинула пеньюар и спустилась на второй этаж, мысленно обзывая себя трижды идиоткой. «Ты больна, бедняжка, тебя нужно срочно лечить!» – думала она, заходя в ванную.

Она подошла прямо к умывальнику и схватила единственную вещь, что забыла осмотреть: полотенце, которым, по-видимому, только что пользовались. «Ты просто нелепа, просто смешна, – она внимательно всмотрелась в ткань: – Давайте посмотрим, полотенца для рук редко остаются чистыми к вечеру». И тут ее лицо стало белым, как снег.

Эти грязные пятна... обычный человек не придал бы им никакого значения, но зная то, что знала она... При виде красноватых следов на ткани она замерла от ужаса.

– Итак, мой друг, что за проблема вас мучает? – спросил доктор Алан Твист.

Прежде чем ответить, инспектор Арчибальд Хёрст задумчиво посмотрел на своего визави. Этот мужчина в элегантном домашнем пиджаке удобно устроился в просторном кресле и с наслаждением курил трубку. Уже не первой молодости, высокий и худой, со спокойной и доброжелательной улыбкой, – ничто не выдавало в нем знаменитого криминолога, каковым он был на самом деле. Под сидящей и немного непослушной шевелюрой виднелось приятное лицо, тронутое тонкими морщинами (такие называют милыми), детские губы, украшенные великолепными рыжими усами без единого седого волоса, и ясные голубые глаза, которые с живостью глядели из-за стекол пенсне с тонким черным шелковым шнурком.

«Я знал, что он задаст мне этот вопрос, – проворчал про себя Хёрст. – Впрочем я уверен, он знает, почему я пришел: разумеется он уже прочитал дневные газеты». Инспектор тщательно выбрал слова, прежде чем заговорить:

– Я подумал о вас вчера вечером и сказал себе, что вот уже порядочное время, как мы не виделись. (Это была истинная правда). И вот я здесь, чтобы узнать ваши новости... Как поживаете?

– Спасибо, замечательно. С учетом возраста жаловаться не на что. Но что именно заставило вас подумать обо мне? – спросил он, поворачивая длинное тело по направлению к кухне, где начал шуметь чайник. Выпьете чаю со мной?

– Охотно. Я так и не согрелся с утра или, точнее, с ночи... Мне сообщили кое-что... Что заставило вспомнить о вас? О! Как бы вам объяснить?

Пока Твист суетился на кухне, Хёрст рассказал ему о своей вчерашней беседе с женщиной, пришедшей сообщать ему о своих опасениях.

– ...и я вас уверяю, она твердо верила в свою историю о специфическом взгляде людей. Она говорила с такой серьезностью, что я с трудом удерживался от смеха. Бедняга, если бы она знала, сколько подобных рассказов мы в Ярде слышим ежедневно!

– И что вы собираетесь с этим делать? – спросил Твист, разливая чай.

Массивное тело Хёрста подскочило от возмущения, к великой скорби несчастного кресла.

– Вы шутите, Твист, скажите, что вы просто шутите! Если бы надо было проверять свидетельства всех этих болтливых старух, нам нужно было бы увеличить штат раз в десять. К тому же, я у нее вежливо спросил имя и адрес, на этом все и закончилось. У меня хватило терпения выслушивать ее более получаса, что, по-моему, граничит с подвигом. У нас есть дела поважнее.

– А именно?

Хёрст воспользовался этим неожиданным поворотом разговора. Он принял равнодушный и беззаботный вид и неторопливо зажег сигару:

– Ну, есть несколько дел... Да вот, например, ужасное утреннее убийство.

Твист бесстрастно слушал, однако внимательный наблюдатель не преминул бы заметить озорной блеск за стеклами пенсне.

– Вы, без сомнения, говорите о том, что произошло на Рэднор-сквер и из чего «Дейли Экспресс» раздула целую историю...

- Да, – мрачно подтвердил Хёрст.
- Я там даже прочитал ваше имя.
- Действительно, меня вытащили из постели в два часа.

Твист пристально посмотрел на друга, который упрямо глядел в пол.

– И вам хотелось бы выслушать мое скромное мнение, не так ли?

– Я... ну, раз уж об этом зашла речь... Твист, вы же не думаете, что я пришел к вам из-за этого?

– Как вы могли такое подумать, Арчибальд! – возвел глаза к небу Твист, улыбаясь украдкой.

– Заметьте, прежде всего, что это довольно банальное дело...

– «Банальное», в самом деле? – переспросил Твист. – Убивают, затем скальпируют женщину и бросают ужасный трофей на ступени здания – и вы называете это банальным? Вам всегда удастся удивить меня, мой добрый друг.

– Я не это имел в виду. Жест убийцы очень странен, это факт, но наконец-то у нас вполне рациональное дело: нет ни убийцы, проходящего сквозь стену, ни невидимки, ни крылатого создания...

– Это правда, у вас просто талант находить подобные дела...

– Скажите еще, что я их специально ищу! – вспыхнул Хёрст, отталкивая чашку и не обращая внимания на Твиста, который приобрел привычку (спасительную для дорогой посуды, доставшейся ему от бабушки) использовать более дешевые и прочные чашки, когда приходил его вспыльчивый друг. – Мы знакомы уже давно, и вы прекрасно знаете, что стоит произойти невероятному событию, как мне всегда достаются эти проклятые «невозможные» преступления. – Он яростно шлепнул ладонью по основательно поредевшей шевелюре. – Вы видите, как мало волос у меня осталось? Именно эти дела я должен благодарить за

свою плешивость. Если так будет продолжаться, я скоро совсем облысею.

– О Боже! Куча людей прекрасно себя при этом чувствует. Не жалуйтесь. Подумайте об этой даме, которая потеряла все свои волосы единым махом, – сказал Твист, успокаивая гостя. – Пейте чай, он вас согреет. И попробуйте эти прелестные маленькие кексы.

Инспектор не заставил себя упрашивать, а доктор Твист наслаждался чаем, пока его друг не пришел в себя настолько, что смог рассказать свою историю.

– Итак, я вас слушаю. Факты, ничего кроме фактов.

– Почти все есть в газетах, – вздохнул Хёрст. – Возможно, за исключением того факта, что некая вдова Джоанн Пил – свидетельница – вышла прогулять своего песика, потому что тому явно не терпелось. Рэднор-сквер находится в Финсбюри. Единственная улица, ведущая туда, расположена как раз напротив здания, о котором идет речь. Когда мадам Пил вышла со своей собакой, была почти половина второго. Она сразу же увидела что-то лежащее на ступенях у входной двери. Она решила, что это парик. Собака схватила его и отдала хозяйке. Та взяла его в руки, почувствовала, что вещь теплая и липкая, все поняла и пришла в такой ужас... ну, вы представляете. И закричала.

Вскоре после двух часов я был на месте. Жертва лежала на спине в начале маленького прохода в здании в восемнадцати или двадцати футах от места, где лежал скальп. Заколота в спину, мгновенная смерть, по мнению судебного эксперта. Убийца нанес лишь один смертельный удар, а затем снял скальп с жертвы подобно краснокожим и бросил его на ступени здания.

– Скальп был еще теплым, в то время как вечер выдался прохладным: следовательно, убийство было совершенно практически только что, – заметил доктор Твист. – Выйди Джоанн Пил несколькими минутами раньше, и она за-

стала бы убийцу за работой. Поэтому мы можем считать, что убийца и тот, кто снял скальп и бросил его на ступени, – один и тот же человек.

Хёрст пожал плечами:

– Очевидно! Несмотря на обстоятельства, труп опознала на месте эта же дама. Речь идет о женщине сорока одного года: Салли Джексон, замужем, жила на пятом этаже здания. Мы пошли уведомить мужа, который странно долго не отвечал на наши звонки. Он казался совершенно заторможенным...

– Крепко спал?

– Да. Но как вам сказать?.. У нас создалось впечатление, что мы имеем дело с лунатиком. Он впустил нас и тут же рухнул в кресло. Новость, казалось, ошеломила его, но все-таки не вырвала из оцепенения.

– Если я вас правильно понимаю, вы считаете, что он – убийца и что весьма плохо играет роль человека, которого только что вырвали из глубокого сна?

– Я об этом подумал, это правда, и мы, разумеется, осмотрели квартиру, впрочем напрасно. Нет, я не думаю, что он виновен. Степенный мужчина, хорошо обеспеченный, директор отделения банка, безоблачный брак. Не в силах объяснить, чем вызвано столь ужасное преступление, эта дикость. По его мнению, это могут быть лишь действия сумасшедшего, сексуального маньяка. – Хёрст не секунду замолчал, а потом добавил: – И считаю, он не ошибается, поскольку как иначе объяснить подобное?

– Тут я с вами не согласен. Я мог бы легко дать вам десяток мотивов для столь удивительного убийства, не включающих безумие. Этот мужчина, например: если он собирался избавиться от жены, не хватило ли у него ума придать своему деянию вид преступления маньяка или садиста, чтобы отвести подозрения от себя?

– О, мы об этом подумали! Пока Джексона допросили лишь предварительно. Мы его еще послушаем. Я совершенно не отбросил гипотезы об убийце-муже, не думайте!

Твист задумчиво встал и взглянул в окно, демонстрирующее угнетающий вид города, укутанного в одеяние из тумана. Еще не было и половины четвертого, а Биг Бен уже растворился во мгле.

– Вернемся к фактам: миссис Пил никого не увидела в сквере?

– То-то и оно! – ответил Хёрст. – Она заметила *кого-то*. Когда она закричала, то увидела по другую сторону сквера, как в улицу вбежала какая-то тень. Она не готова поклясться, но считает, что это скорее молодая женщина – по походке. Речь может идти, конечно, об убийце или о другом свидетеле. Поэтому я настоятельно попросил вдову Пил ничего не говорить журналистам, которые не преминули бы раздуть из всего этого целый спектакль и отпугнуть этого человека, чье свидетельство я очень хотел бы услышать.

Мы не нашли никаких улик ни около жертвы, ни в других местах, и нет орудия преступления, которое, по мнению эксперта, представляет собой длинное и тонкое лезвие. Теперь вы знаете об этом столько же, сколько я. Эй! Твист, вы меня слушаете?

Детектив, который казался поглощенным созерцанием движения на улице, просто кивнул. Его худой силуэт выделялся на фоне окна, в то время как из трубки вверх поднималась голубая лента дыма. За стеклами пенсне глаза горели явным интересом.

– И почему, черт возьми, – снова бросил Хёрст, – убийца бросил скальп перед входом в здание? Впрочем, я спрашиваю себя, стоит ли придавать столько значения этому жесту, который, возможно, вообще ничего не значит.

– Значит, будьте уверены. Всегда есть значение в каждом жесте, а главным образом, в тех, которые кажутся наиболее абсурдными.

Внезапно Алан Твист развернулся и долго задумчиво смотрел на внушительного полицейского, и в глазах его блеснула хитринка. Затем он подошел к письменному бюро, открыл ящик и достал оттуда колоду карт.

– Давайте немного погадаем!

Ошеломленно разинув рот и сомневаясь в рассудке детектива, который не имел обыкновение прибегать к подобной практике при расследовании, Хёрст смотрел, как тот раскладывает карты на столе. После чего, Твист закрыл глаза и обхватил голову кончиками пальцев, чтобы лучше сконцентрироваться.

– Скажите, друг мой, вы уверены, что с вами все в порядке?

– Молчите! Читать карты не просто, нужна особая сосредоточенность. Всё, полагаю, я готов!

Он вновь открыл глаза и стал внимательно рассматривать карты, лежащие перед ним.

– Речь идет о женщине, довольно молодой женщине...

– Но, черт побери! О чем вы...

– Ее глаза увидели что-то ужасное, что-то, что она не может держать в себе...

Между кустистыми бровями Хёрста углубилась морщина, инспектор был явно заинтригован и спросил, обращаясь, похоже, к картам:

– Женщина, которая якобы увидела, как произошло убийство?

– Совсем недавнее убийство, – продолжал Твист, не отрывая взгляда от карт. – Особо гнусное убийство. Она видела его своими глазами.

Словно картина осветилась, и Хёрст зашептал другу:

– Это – наша удивительная свидетельница! Молодая женщина, которая убежала по улице!

– Она не замужем, ей приблизительно двадцать пять лет. Она стройная и на нее приятно посмотреть... На ней темно-зеленый костюм... Она... О! Я больше почти ничего не вижу...

– Имя! Попытайтесь узнать имя! – воскликнул возбужденный Хёрст, переводя взгляд то на карты, то на доктора Твиста.

Тот нахмурился:

– Мар-джо-ри. Марджо-ри. Марджо...

– Марджори, это мы поняли! Фамилия! Нам нужна фамилия!

– Вей... Вей... Ком... Ком... вей...

Раздался звонок от входной двери.

Твист тяжело вздохнул, потряс головой и с трудом проговорил:

– Какая жалость, у меня оно было на кончике языка. Я вымотан, Хёрст, дорогой друг, пойдите и посмотрите, кто звонит, прошу вас.

Инспектор вскочил, весь кипя и пылая, и пошел с очевидным намерением высказать все, что он думает, несчастному посетителю, который только что лишил его главной информации.

Но когда он вернулся, сопровождаемый девушкой, одетой в зеленый костюм, то смог лишь оцепенело пробормотать:

– Ее зовут Марджори Конвей, и она хочет с вами поговорить.

– Я по рекомендации Франс Мартен, – сказала Марджори, нервно теребя замок сумочки. – Она – моя лучшая подруга и посоветовала мне прийти к вам.

– Вы поступили совершенно верно, мисс, – успокоил ее доктор Твист. – Но пожалуйста, садитесь.

– Полагаю, – сказал Хёрст с широкой улыбкой, – у вас есть что рассказать нам об убийстве на Рэднор-сквер, не так ли?

– Но как вы узнали?

– В моей профессии, – поведал полицейский, – я часто вынужден догадываться о том, что думают люди, о том, что у них в голове. Инспектор Арчибальд Хёрст из Скотланд-Ярда, – добавил он с поклоном, весьма довольный впечатлением, которое произвел на девушку.

В глазах Марджори вспыхнула паника, и девушка пробормотала:

– Я не смыкала глаз всю ночь, не зная, что делать... Пойти в полицию? Конечно, я знала, что мой долг рассказать о том, что видела той ночью. Но с другой стороны, я не могла этого сделать, не рассказав о... и я не знаю, может быть, это только мое воображение...

– Вы можете полностью нам доверять, – заверил ее Твист, дружелюбно улыбаясь. – Мой друг Хёрст – одна из лучших ищеек Ярда, – тут наш герой, выпятив грудь, попытался принять скромный вид, – и, когда надо, может хранить тайны.

Успокоенная Марджори рассказала им о своем ночном приключении до момента, когда она убежала из сквера в весь дух.

– Невероятно, – заметил Хёрст, когда она закончила. – Невероятно... Страшно жаль, что вы не можете уточнить для нас описание убийцы. Даже цвет его одежды?

– Увы, нет! В любом случае, что-то очень темное. Мне хочется сказать, что его пальто было черным, но я не уверена.

– Длинное пальто темного оттенка, шляпа с опущенными на глаза полями, это действительно немного, – процедил Хёрст. – То есть, лица его вы не видели. Но вы должны все-таки дать нам хотя бы общее описание этого человека, его телосложения, походки!

– Ну, ни большой, ни маленький, в этом я уверена. Не толстый. Пальто было довольно просторным, я не могла бы вам сказать, был ли он тонким или... (ее взгляд остановился на полицейском и она покраснела) или немного полным.

– Вы говорите «он», но вы уверены, что это мужчина?

Удивленная Марджори задумалась и неуверенно сказала:

– Создалось впечатление, что это мужчина. Но я, конечно, не могу быть уверена.

Хёрст глубоко вздохнул (Твист называл это «выпустить пар»).

– Значит, ни карлик ни слон. Прекрасно. Давайте резюмируем: чуть позже часа Салли Джексон выходит из дома. Все ее поведение говорит, что она кого-то ждет. Чуть позже вы замечаете присутствие на углу улицы неизвестного, который наблюдает оттуда уже какое-то время, но не более десяти минут, так как вы пришли этой же дорогой примерно в час и его там не было. Затем он входит в сквер, и женщина идет ему навстречу. Мы можем из этого заключить, что он – именно тот человек, которого она ждала.

– Не обязательно, – вмешался Твист. – Миссис Джексон могла подумать, что это именно тот человек, и пошла ему навстречу, а затем оказалась лицом к лицу с кем-то, кого

не знала и кто якобы принес ей новости от того, кого она ждала. Что вы на это скажете, мисс Конвей?

– Да, это возможно.

– Конечно же, это был именно тот! – отрезал Хёрст, – поскольку она не испугалась, а пошла за ним до начала прохода. И то, что вы приняли за объятие, таковым и было, но тут же последовал удар кинжалом. И очень досадно, что в этот момент вы закрыли глаза, так как якобы поняли, к чему у них идет. Затем мужчина поднялся и, без сомнения, вытер нож, прежде чем убрать. Он взял снятый скальп и бросил его перед входом в здание. Наконец, он сделал вид, что уходит туда, откуда пришел. А затем вернулся на место преступления для того, чтобы забрать компрометирующий предмет. Вы даже увидели, как он наклонился к месту, где лежал труп.

– Да, но не знаю, подобрал ли он что-то или нет, так как в этот момент мое внимание сосредоточилось на женщине, выводившей собаку.

Повисло молчание. Хёрст позволил своей сигаре погаснуть.

– Мы обшарили весь тот угол с лупой. Ничего, ни малейших улик. Следовательно, он смог найти то, что забыл или потерял. Платок, портфель, ключи?

Марджори печально пожала плечами.

Хёрст начал потеть. Он чуть ослабил узел на галстуке и вытер лоб тыльной стороной ладони.

– С учетом того, что нам повезло иметь свидетеля, сидящего, как можно выразиться, в первом ряду, нельзя сказать, что мы сильно продвинулись. Короче говоря, мы не продвинулись ни на дюйм и личность убийцы осталась такой же загадкой.

– Для вас... может быть... – начала было Марджори, собираясь с духом.

Хёрст быстро переглянулся с доктором Твистом и обратился к девушке:

– То есть, у вас есть какие-то мысли относительно...

Марджори молча кивнула.

– Но вы сказали нам, что даже мельком не видели его лица!

– Это так. Но... но я думаю, что знаю, где он живет.

Хёрст просто окаменел:

– *Вы знаете, где он живет?*

Раскрыв рот, мужчины слушали рассказ Марджори о ее возвращении в семейный пансионат.

Хёрст несколько раз кивнул и задумчиво спросил:

– Вы уверены, что эти следы на полотенце были кровью?

– Это беспокоило меня всю ночь. И я действительно не понимаю, чем другим это могло быть. В любом случае, это не губная помада.

– Кровь, – повторил Хёрст, – ладно, допустим. Но любой обитатель дома мог запачкаться в крови по многим причинам и оставить эти следы на полотенце!

Внезапная надежда осветила его нахмуренное лицо. Он открыл было рот, чтобы спросить, но Марджори, которая, казалось, прочла его мысли, опередила его:

– Нет, инспектор, у меня не хватило присутствия духа, чтобы унести его с собой; и в настоящее время полотенце, должно быть, уже выстирали. Полотенца для рук меняют два раза в день.

Несчастный полицейский агрессивно наклонил голову, но красивые глаза девушки смотрели на него так виновато и искренне, что он сдержался.

– Это было бы слишком удачно, – сказал он как можно спокойнее. – Вы – свидетель убийства, и оказывается, что убийца живет с вами под одной крышей! Что вы об этом думаете, Твист?

Посасывая мундштук трубки, детектив, казалось, задумался.

– Мы уже встречали и более удивительные совпадения. Я просто еще об этом не говорил. Между прочим, где расположен ваш семейный пансионат?

– Хокстон-стрит, 48.

– То есть в 600-х ярдах от Рэднор-сквер. Действительно, просто не знаю, что и думать. Человек, который возвращается к себе домой украдкой и полной темноте... И вы говорите, на нем была та же одежда, что и на убийце?

– Да, хотя я видела его только долю секунды при его выходе из ванной. Мне действительно показалось, что передо мной мужчина из сквера. (Марджори огорченно посмотрела на детективов). Я понимаю, что это описание может подойти к любому индивиду в пальто и фетровой шляпе, разгуливающему по ночам...

– Как вы сами прекрасно сформулировали, – простонал полицейский.

– Вы сделали всё, что могли, мисс, – вмешался доктор Твист. – Несмотря на вполне понятный страх, вы не поддались панике. И мы не можем упрекать вас в том, что сработала естественная стыдливость, не так ли, дорогой Хёрст? Хорошо. Вы могли бы нам сейчас рассказать об обитателях дома – владельцах, жильцах, слугах, и на каком этаже и в какой комнате каждый живет.

Марджори чуть задумалась и начала:

– Второй этаж после отъезда двух арендаторов пустует. Хадсоны, бездетная пара, которой принадлежит пансионат, живут на третьем. Мистеру Хадсону, должно быть, около сорока, и, клянусь, о нем немного можно сказать, разве что он довольно симпатичен, активен и эффективен. Миссис Хадсон – немного робкая женщина с хорошим характером, внимательная к жильцам. Она немного моложе мужа, как мне кажется. Именно этих людей я вижу каждый день, но похоже, что в итоге знаю о них мало. Им помогает только молодая девушка, а следовательно, у

них почти не остается времени на болтовню. Моя комната, как я вам уже сказала, также находится на этом этаже, как и комната мисс Вайолет Гарфилд...

– Ваша подруга, полагаю? – спросил полицейский, доставая записную книжку.

Марджори впервые за все время улыбнулась:

– Не совсем... Мы, конечно, видимся с ней, но это – старая дева. Она все время рассказывает нам какие-то истории. Не злословит – просто болтушка!

– Я знаю этот тип, – улыбнулся Хёрст.

– На четвертом этаже – Альфред Леман. Это – музыкант, играет на пианино где-то в Сохо. Название никак не запомню. Нет, оно вспоминается, но всегда потом. Убежденный холостяк, следит за собой. Всегда одет с иголочки.

Соседнюю комнату занимает Харли Стэффорд, врач на пенсии. Потерял жену и дочь во время Блицкрига и, как я понимаю, поэтому пьет. Никогда не пьян, но каждый вечер выпивши.

И все еще на том же этаже – журналист, Уильям Скотт. Он... он думает только о своей работе, своих репортажах...

Алану Твисту показалось, что в этой последней фразе послышалась нотка сожаления; он украдкой взглянул на девушку и увидел, что ее щечки порозовели.

– Да, – сказал он мягко, – кажется, я знаю этого молодого человека.

– Следовательно, остается последний этаж, – заторопилась Марджори. – Там комната Дженет Пэдмор, симпатичной малышки. Ей, должно быть, двадцать. Робкая, очень добросовестная и проворная. Рядом комната миссис Корнелии Дрейк. Она – бывшая парикмахерша.

– Ушла на заслуженный отдых, – констатировал Хёрст.

– Нет. Она совсем не старая, а закрыла салон, потому что ослепла.

– Ослепла! Слепой парикмахер! – воскликнул Хёрст, оживляясь.

– Она очень любила свою профессию и до сих пор жалеет, что не может работать. Утверждает, что все еще чувствует себя способной трудиться, несмотря на слепоту. Но хотя постоянно твердит об этом, она не сумела убедить ни одного мужчину, ни женщину доверить ей свою шевелюру. Если придете в пансионат, увидите, что она вам предложит...

– Спасибо, у меня свой парикмахер, – поспешил уточнить полицейский, нервно откашливаясь. – Друг, который очень огорчится, узнав, что чьи-то другие руки занимают моими волосами. Но если подумать, не была ли именно она вашим таинственным незнакомцем, который возвращался домой в темноте? Слепым, как известно, свет не нужен.

Марджори энергично покачала головой.

– У нее нет привычки возвращаться в подобное время и еще меньше – носить мужскую одежду. К тому же, у нее намного более громкие шаги и она не открывает дверь так тихо. Повторяю, человек, который проник в ту ночь в пансионат, принимал все меры предосторожности, чтобы его не заметили. О! Если бы я так глупо не упала в обморок, когда он начал подниматься по лестнице в свою комнату... Мы бы, по крайней мере, знали, на каком этаже...

– Не корите себя, – сказал доктор Твист. – Вы уже и так молодец, что не закричали. Немногие...

– Очень хорошо, давайте подведем итог, – перебил Хёрст. – На третьем вы сами, Хадсоны, мисс Вайолет...

– Подождите, остался еще один! На последнем этаже. Тот чудак!

Тон девушки удивил детективов. Они бесстрастно уставились на нее, ожидая продолжения.

– Его зовут Грэм Смит, ему лет 30–35. Многим нравится этот тип. Темные волосы и брови, черные глаза, которые рассматривают вас пристально и нагло, оставаясь совершенно непроницаемыми. Неприятный... – добавила она с легкой дрожью отвращения. – Целыми днями сидит в своей комнате и выходит только вечером, если не сказать ночью.

– И чем зарабатывает на жизнь эта ночная птица?

– Точно не известно. Он считает себя писателем... В любом случае, он не печатает на машинке, если вы понимаете, что я имею в виду.

Хёрст задумчиво прикусил губу, а затем спросил:

– Знаете ли вы о нем еще что-нибудь?

– Нет, ничего не приходит в голову. Он никогда не заговаривает со мной, если не вынужден. «Добрый день», «добрый вечер», – вот и все.

– А с другими жильцами?

– Немного с доктором Стэффордом, но в целом ограничивается самым минимумом.

Хёрст несколько раз молча покачал головой с таким видом, который свидетельствовал, что он в замешательстве. Твист пришел на помощь и приятным голосом обратился к Марджори, которая совсем не огорчилась, что меняет собеседника:

– Я бы очень хотел, чтобы вы рассказали нам о сегодняшнем дне, о поведении жильцов, которых встречали, и о всех необычных событиях, случившихся в последнее время, – пусть самых незначительных.

– Главным образом, самых незначительных, – подчеркнул Хёрст с авторитетным и умным видом, который восхитил его друга, чьи глаза хитро сверкнули.

– Давайте посмотрим, – сказала Марджори, невидящими глазами уставившись на впечатляющую библиотеку, которая занимала часть стены. – Как я уже говорила, я про-

вела бессонную ночь, но это не помешало мне позавтракать в обычное время. Присутствовала миссис Дрейк, мисс Гарфилд, доктор Стэффорд, как всегда... Да! Нас обслуживал именно мистер Хадсон! Обычно по утрам нас за столом обслуживает его жена. Она пришла лишь немного позднее, около десяти часов. Теперь, когда я об этом думаю, она выглядела немного утомленной. По-моему, ей следует отдохнуть, сменить обстановку (взгляд Марджори затуманился). Да, вот именно, сменить обстановку, это всем пошло бы на пользу. В этом доме царит странная атмосфера, словно сам воздух какой-то нездоровый. Временами у меня создается впечатление, что я живу среди странных людей, одни более странные, другие менее, и иногда даже спрашиваю себя, уж не странная ли я сама. Ночное приключение волновало меня все утро. Больше не в силах оставаться там, я вышла и не возвращаясь до ланча. Я бродила по городу до двух часов, когда встретила Франс Мартен...

Сделав над собой усилие, Алан Твист вспомнил об ужасном деле «Барбаросса»,³ с которым оказался связан Этьен Мартен, муж Франс. Особо трудное дело, ряд необъяснимых убийств, которые, очевидно, могло совершить только сверхъестественное создание. И однако, Бог свидетель, окончательное объяснение оказалось таким простым!

– ...и я рассказала ей то, что увидела в сквере. Она показала мне газету, которую только что купила... и я поняла. Я стала свидетельницей убийства... и какого убийства! Именно тогда она рассказала мне о вас, доктор Твист. Кажется, ее муж вам чем-то обязан. Вы не дали ему совершить ошибку в прошлом году...

Доктор Твист молча кивнул. Хёрста, который, встав, мерил салон шагами, держа руки за спиной, начало раз-

3 См. роман Поля Альтера «Проклятье Барбароссы»

дражать направление, которое принял разговор. Он вновь уселся в кресло и заявил:

– Давайте не отвлекаться. Хорошо... В каком-то смысле хорошо, что вы не пошли в Ярд. Ваше свидетельство относительно самого убийства не дает нам ничего, если не считать, что убийца носил пальто и шляпу. Что касается того, что я назвал бы «второй частью» вашего вечера, нет ничего существенного, ничего, оправдывающего вмешательство полиции.

Марджори хотела возразить, но инспектор жестом остановил ее.

– Я не говорю, что не принимаю всерьез ваш рассказ, но давайте признаем: такое совпадение было бы слишком. С другой стороны, давайте предположим, что один из жильцов является убийцей на Рэднор-сквер, – приход полицейского в пансионат заставит его удвоить осторожность и мы потеряем последний шанс его изобличить.

– Это так, – согласился доктор Твист. – Кроме того, я думаю, что даже более скромное вмешательство под видом агента в штатском, выдающего себя за нового жильца, показалось бы ему столь же подозрительным.

– Но тогда, – заволновалась Марджори, – как же нам действовать?

Хёрст открыл записную книжку и просмотрел список жильцов.

– Приступить к скрытому изучению этого маленького мирка. И в то же время вы, со своей стороны, также тайно наблюдаете за ними. Убийца, если он там, должен быть настороже. Без сомнения, его поведение ощутимо отличается от обычного. Например, новый интерес к газетам. Возможно также, что один из жильцов упомянет об убийстве и каждый выскажет свое мнение... в том числе и убийца. И это может оказаться очень поучительным.

– Понимаю, – ответила Марджори. – Можете на меня положиться.

Твист, от которого не укрылся азартный блеск в глазах девушки, предостерег:

– Но самое главное: не проявляйте активность! Не меняйте ничего в своем поведении! Конечно, он не знает о вашем существовании – в качестве свидетеля, я имею в виду, – но не забывайте, что он настороже. Малейшее изменение в вашем поведении может показаться ему подозрительным. А индивид такого типа не стесняется сметать препятствия, которые стоят у него на пути.

– Я смогу быть сдержанной, не беспокойтесь.

Как раз, когда она произносила эти слова, что-то промелькнуло у нее в голове. Но она напрасно обращалась к своей памяти, она не смогла вспомнить некую мелочь о некоем человеке, мелочь, которая, как она была уверена, имела особое значение и очевидную связь с этим делом.

– Я предлагаю вам, – закончил Хёрст вставая, – встретиться с нами здесь... скажем... через четыре дня. Мы обсудим ситуацию. К тому времени, надеюсь, удастся собрать нужные сведения. А если неожиданно случится некое необычное событие, тотчас бегите в Ярд.

Марджори простилась с детективами, поблагодарила их и обещала быть бдительной и осторожной. Доктор Твист проводил ее.

Вернувшись, он увидел полицейского, склоненного над столом и явно собирающегося изучать карты, которые он разложил так же, как сам Твист до приезда Марджори.

– Давайте посмотрим, что они нам откроют, – сказал Хёрст, делая несколько магнетических пассов над картами.

– Послушайте, – вздохнул немного смущенный Твист, я должен вам...

– Молчите! Мне нужно сконцентрироваться! Ага! Вот оно!.. Я вижу силуэт мужчины лет тридцати. Он испускает

плохие, злые волны, Кто он? Тайна. На его лице, большое Х, которое размывается, превращаясь в Г, а затем С... как Грэм Смит!

– Значит, по-вашему, наш человек – Грэм Смит? Послушайте, Хёрст, если я...

Инспектор внезапно повернулся к Твисту:

– По крайней мере, это в настоящий момент наш подозреваемый номер один. – Он резко смешал карты. – Наш подозреваемый номер один согласно свидетельству мисс Конвей, *а не свидетельству карт!*

Он вернулся в кресло, зажег сигару, а затем голосом, звенящим от возмущения, изрек:

– Я жду ваших объяснений. Так как вы же не считаете, будто я хоть на секунду поверил в ваши фокусы. Хотя лучше ничего не говорите, позвольте мне восстановить факты. Непосредственно перед моим приходом Франс Мартен предупреждает вас по телефону о приходе своей подруги мисс Конвей и сообщает в общих чертах о том, что ее мучает. В то время, как я излагал вам дело на Рэднорсквер, вы смотрели в окно, ожидая ее прихода. Вашему наметанному глазу не составило большого труда определять эту девушку, что и позволило вам ее описать.

Твист восхищенно улыбнулся.

– Вам всегда удастся меня удивить, дорогой Холмс. Это – истинная правда.

Чувствительный к этому сравнению Хёрст, лицо которого раскраснелось больше обычного, не смог подавить забавный жест – любопытную смесь реального самодовольства и притворной скромности. Затем он пожал плечами, словно уже давно не было сомнений в точности всех его выводов.

– Давайте поговорим о серьезных вещах, Твист, если позволите, и скажите, что вы думаете обо всем этом. Как

по-вашему: убийца – один из обитателей дома на Хокстон-стрит, 48?

Твист сконцентрировал внимание на струйке дыма, выходящей из трубки.

– Если опираться на логику, я сказал бы, что шансов мало, очень мало. – На лбу его появилась морщина недовольства. – Но не знаю... этот человек, принимающий тысячу предосторожностей, чтобы вернуться домой и отправляющийся в ванную, чтобы быстро вымыться... мне это не нравится!

Хёрст мрачно добавил:

– Мне также. Хотя и не могу сказать почему.

Он вытащил записную книжку и громко прочел:

Второй этаж. Ванная и две свободные комнаты.

Третий этаж. Мистер и миссис Хадсон, мисс Марджори Конвей, мисс Вайолет Гарфилд.

Четвертый этаж. Альфред Леман, пианист в Сохо; Харли Стэффорд, удалившийся на покой врач; Уильям Скотт, журналист.

Пятый этаж. Миссис Корнелия Дрейк, ослепшая парикмахерша; Дженет Пэдмор, симпатичная малышка и Грэм Смит, так называемый писатель.

Задумчиво нахмутив лоб, он пристально взгляделся в записи и пробормотал:

– Что-то тут есть, черт побери! Что-то перед самым моим носом, но я этого не вижу!

– Заколота и скальпирована! – заявил Уильям Скотт, только что завладевший газетой. – Это лишний раз подтверждает то, что я не устаю повторять: «Лондон – самый опасный город на свете!»

«Наконец-то», – сказала себе Марджори, подавив вздох облегчения. На протяжении всей трапезы она с нетерпением ждала, когда кто-нибудь затронет волнующую ее тему. Она украдкой оглядела жильцов.

Из глубины своего кресла доктор Стэффорд изобразил разочарованную гримасу и лихорадочно протянул руку к бокалу с виски, которое выпил с неискренним равнодушием, присущим закоренелому алкоголику. Это был мужчина с седеющими волосами, лицом с красными прожилками, худой, но сильнее, чем казался с виду. Вопреки возрасту выглядел он хорошо. Рядом с ним Альфред Леман, мужчина лет тридцати, нервно приглаживал рукой свои черные волосы. Хорошо сложен, а лицо отличается тонкими чертами и приветливой улыбкой с ямочками на щеках. Погруженная в приятное блаженство, Корнелия Дрейк пристально смотрела прямо перед собой, и именно эта неподвижность голубых глаз выдавала ее недуг. Мягкий свет одного из настенных светильников падал на ее золотую шевелюру, окружающую все еще миловидное лицо. Немного дальше, в углу гостиной, пожилая, но все еще бодрая мисс Гарфилд заламывала руки, словно во власти какой-то тайной муки. Ее поведение, так контрастирующее с традиционной общительностью, заинтриговало Марджори, которая увидела, как мистер Хадсон приблизился к старой деве с явным беспокойством:

- Что-то не так, мисс Гарфилд?
- Ничего, пустяки.
- Еще немного чая?
- Нет, нет, благодарю вас, мистер Хадсон.

Тот повернулся и встретил взгляд жены, которая сделала ему знак, что лучше оставить даму в покое. Блондинка, немного надутые губки – миссис Хадсон была весьма привлекательна.

– Невероятно! Какая отвага! – воскликнул Уильям Скотт, динамичный репортер, который вновь погрузился в чтение газеты и, казалось, просто упивался отчетом об ужасном происшествии. – И нужно же было мне взять на этот день выходной, именно сегодня! – пожаловался он, досадуя на эту неудачу, лишившую его возможности самому сделать подобный репортаж.

– Скальпировать женщину! – воскликнула миссис Дрейк звонким голосом, полным возмущения: – Не может быть преступления подлее!

– Слова истинного парикмахера! – возразил молодой Скотт. – Для вас потерять все волосы, причем сразу – это и есть самое худшее. В некотором смысле я разделяю ваше мнение, но вообще-то нахожу этот способ довольно оригинальным...

– Приятного вечера! – сухо произнес Альфред Леман, вставая.

Сопровождаемый удивленными взглядами он пересек гостиную и вышел, не добавив ни слова.

Посреди общего изумления, Уильям виновато поднес палец к губам, как нашкодивший ребенок:

– Наверное, я допустил оплошность...

– И не вы один, – вздохнула бывшая парикмахерша. – Но мне еще непростительнее, чем вам, поскольку люди моей профессии хорошо знают, до какой степени чувствительны к мельчайшим намекам люди, которые носят парик.

Марджори, которая продолжала следить за лицами жильцов, закрыла глаза, рассерженная на собственную память, которая предала ее несколькими часами раньше у доктора Твиста и помешала вспомнить то, что могло иметь отношение к делу: момент, когда обнаружили, что столь милостивый Альфред Леман носит парик. Это произошло несколько недель тому назад. Фактически значение имел не сам эпизод, но то, что последовало за ним: странная история, которую рассказал им Грэм Смит – тот человек, который практически никогда не разговаривал с другими жильцами. Грэм Смит, который сегодняшним вечером не спустился на обед, в чем, собственно, не было ничего исключительного. Марджори вновь открыла глаза, призывая себя к бдительности. В конце концов, главный подозреваемый не обязательно является виновным.

– Вы что-то задумались, мистер Хадсон, – заметил Уильям. – У вас есть какие-то мысли по поводу этого убийства?

Мистер Хадсон ответил не сразу. В чертах этого сорокалетнего мужчины не было ничего выдающегося: шатен, правильные черты, почти постоянная улыбка, но не сейчас. Когда он сжимал губы, то, казалось, страдает от каких-то неприятностей.

– Что касается самого убийства – произнес он после некоторого размышления, – сказать по сути почти нечего. Но эти волосы... (Его глаза обежали слушателей) Не могу не подумать... кое о чем, случившемся здесь... не так давно.

Последовало несколько одобрительных жестов, но его супруга возмутилась:

– Ты намекаешь на глупую историю, которую нам рассказал мистер Смит? Это абсурдно!

– Ты его защищаешь? – спросил Джерри Хадсон очень спокойным голосом, в то время как его руки сжали ручку чайника.

Под взглядом мужа миссис Хадсон опустила голову:

– Нет, конечно...

На помощь пришла Корнелия Дрейк:

– Я на вашей стороне, миссис Хадсон. Не вижу связи между этим гнусным убийством и мистером Смитом.

– Я не сказал, что имеется связь! – запротестовал, улыбаясь, мистер Хадсон. – Просто это убийство заставило меня подумать о той истории, вот и всё!

Доктор Стэффорд, казалось, вышел из оцепенения:

– Бесплезно преуменьшать некоторое сходство между той историей и преступлением. Я нахожу это довольно странным. Я сразу вспомнил о ней, когда читал газету. Я не говорю, кто убийца, но...

– Но вы об этом думаете, – коварно подсказал Уильям, запуская пальцы в свои рыжие волосы.

Харли Стэффорд опустошил бокал и не спеша зажег сигарету. Он устремил взгляд – в котором уже читалось некоторое злоупотребление выпивкой, – на молодого журналиста:

– Если честно, Скотт, что сами вы думаете об этой ночной птице, которая дрыхнет весь день?

– У нас нет почти ничего общего, но лично мне его упрекнуть не в чем. Вы спрашиваете у меня, что я о нем думаю? Что ж, я частично разделяю ваше мнение: он заставляет меня думать о ночной птице, хищной птице – чем-то между хищником и грифом.

Стэффорд продолжал тем же тоном:

– Он считает себя писателем. Вы видели его имя где-либо еще, кроме как на двери его комнаты? На журнале, романе?

– Кажется, он немного занимался журналистикой сразу после войны, – ответил Уильям без большой уверенности.

– Тогда я задаюсь вопросом: на что он живет?

Повисло неловкое молчание. Стэффорд важно изрек:

– Он хитер как лиса. Как-то вечером, когда он собирался выходить – было около десяти – я спросил у него, ищет

ли он вдохновения в ночной жизни Лондона. И знаете, что он мне ответил? Держу пари, не угадаете: его нью-йоркский издатель поручил ему изучить жизнь лондонских низов!

– Что касается меня, я нахожу странным, – усмехнулся Уильям, – именно эту его потребность изолироваться, часто принимать пищу в своей комнате...

– Как, например, сегодня вечером, – подчеркнула Марджори, которая тут же пожалела о своих словах.

Все взгляды устремились на нее, и она покраснела до корней волос.

– Что вы хотите этим сказать, мисс Конвей? – спросила миссис Дрейк, устремляя на нее пустой взгляд.

Марджори не ответила.

– По тону вашего голоса, – продолжала слепая, – я поняла, что вы на что-то намекаете, не так ли? Впрочем, с самого утра вы какая-то не такая, как всегда. Я чувствую что вы – как бы это сказать, несколько напряжены...

Вошла Дженет убирать со стола, и разговор зашел о другом. Марджори испытала огромное облегчение: неубедительное объяснение, которое она собиралась дать, только еще больше ухудшило бы ситуацию.

Некоторое время спустя Марджори вернулась к себе в комнату, осыпая себя упреками. Оставалось лишь надеяться, что убийца не из домочадцев, а иначе ее дни сочтены. Она вела себя очень неловко. В течение часа девушка предавалась мрачным мыслям, как вдруг в дверь постучали.

– Да? – ответила она, резко поднимаясь с кровати, куда бросилась полностью одетая.

В дверном проеме появилась улыбающаяся голова Уильяма – Билла для своих:

– Такая красивая девушка скучает совсем одна в своей комнате... я такого не потерплю.

– Кто вам сказал, что я скучаю? – возразила Марджори гордо поднимая подбородок.

– Что, черт побери, вы тогда делали?

– Размышляла. Да, вот именно, размышляла!

– О происшествии на Рэднор-сквер, не правда ли? – лукаво спросил Уильям.

– Разумеется нет, – солгала она. – У меня есть и другие заботы, представьте себе. Но что за ветер занес вас сюда? Приглашение на обед?

– Нет, но его можно было бы сделать, если бы вы, наконец, его приняли.

– Я над этим подумаю, – ответила она тоном знатной дамы.

– Помните, вы как-то сказали мне, что интересуетесь моей коллекцией детективов? Ну так вот, я готов позволить вам рыться в моих сокровищах. Имейте в виду, что это исключение: вы – одна из немногих, удостоенных этой привилегии.

Удивленная Марджори долго смотрела на молодого человека, спрашивая себя о причине такого интереса к ней. Не потому, что до этого дня существовала антипатия, и не потому, что он ее игнорировал – у него всегда был для нее маленький комплимент или же легкое поддразнивание, чтобы ее расшевелить, – но он никогда не позволял ей заходить к себе в комнату. Если подумать, он совсем не плох, этот молодой человек. Конечно, в нем не было ничего от главного героя киномелодрам – но она как раз не любила тот тип. Чуть слишком круглое лицо с веснушками, но прямой взгляд голубых честных, с хитринкой глаз заслонял все остальное.

Через минуту они уже поднялись на следующий этаж и рассматривали книги в многообещающих цветных об-

ложках: «Дом палача», «Смерть в облаках», «Три гроба». Помимо детективов имелись многочисленные отчеты о знаменитых преступлениях. Но стеллажи, хотя и вместительные, не сумели принять все эти труды, и книги лежали почти везде.

– Впечатляюще! – восхищенно констатировала Марджори. – Но я считаю, что ваши литературные вкусы... скажем... очень специфически ориентированы.

– Я это признаю, – ответил Уильям не без гордости. – Но это вынужденно: не забывайте, я все-таки веду в газете колонку критики детективов. Впрочем, (он посмотрел на нее в упор), мне кажется, что это вам по душе?

– Действительно, и сознаюсь, что не могу устоять. Сразу предупреждаю, я не выйду отсюда, не облегчив вашу коллекцию на несколько экземпляров.

Уильям ничего не ответил, а подошел к окну и погрузился в созерцание ночи.

– Преступление – обаятельная штука, – заявил он наконец.

– Прошу прощения?

– Обаятельная штука – вот что я сказал. Я не говорю о сведении счетов между бандитами или хулиганье, которое выхватывает нож по любому поводу. Я думаю об идеальных преступлениях, которые являются плодом зрелого, серьезного, хорошо обдуманного плана, когда рассмотрены и проанализированы все варианты и ничего не оставлено на волю случая. Такие убийства – шедевры, задуманные настоящими художниками, если не сказать талантами.

Марджори удивилась не только высказыванию, но и тону журналиста. Она задумчиво посмотрела на своего компаньона, облокотившегося на подоконник, – видны были лишь мощные плечи и огненно-рыжие волосы.

– Вы говорите о романах? – спросила она, и по ее тону видно было, что она ожидает утвердительного ответа.

– Конечно нет!

Молчание.

– О да, – продолжала она уже не так уверенно. – Понимаю, что вы хотите сказать. Вы сравниваете размышление преступника с тем... с тем, как генерал разрабатывает план сражения или... когда ученый... или еще... но такие вещи существуют только в романах!

– Отнюдь! – возразил он, поворачиваясь, чтобы устремить на нее пронизывающий взгляд. – Такие вещи, о которых вы говорите, существуют, конечно. Чтобы в этом убедиться, достаточно лишь принять во внимание количество нераскрытых преступлений.

– Да, именно на уликах держится...

– И когда начинаешь изучать преступников этого типа, – продолжил Уильям, тихо приближаясь к ней, – убеждаешься, что это совершенно обычные люди, люди, чье окружение готово поклясться, что они выше всяких подозрений. Одним словом, они могут быть кем угодно!

– Да, да...

Приблизившись к ней на шесть футов, он остановился и улыбнулся такой странной улыбкой, что у Марджори мороз прошел по коже. Она чуть отступила и уперлась спиной в стеллаж.

– Например, возьмем убийство в прошлую ночь, ту женщину, которую закололи, а затем с нее сняли скальп. Что вы об этом думаете? О каком типе преступления идет речь?

– Гм... преступление садиста, сексуального маньяка...

– Конечно нет, дорогая. Своеобразие убийства явно указывает на размышление, а следовательно план. План, составленный умным человеком, – добавил он с напыщенностью, – умным... таким как я, например!

«Это он! – с ужасом подумала Марджори. – Чтение сделало его сумасшедшим. Надо попытаться добраться до двери!»

Должно быть, Уильям прочитал ее мысли, так как с угрожающим видом загородил дорогу. Повисло тяжелое молчание, закончившееся взрывом смеха.

– Ха-ха-ха! Вы уверены, что убийца – это я! И не спорьте!

Успокоенная в одном, но взбешенная другим, Марджори кивнула.

– Простите мне эту маленькую шутку, но весь вечер вы казались настолько настороже, как будто опасались кого-то. Кого-то в доме.

Марджори вздрогнула. Что в сущности она знала?

– Кстати, как поживает доктор Твист? Я видел, как вы заходили к нему во второй половине дня.

На сей раз она капитулировала. Она упала на единственный в комнате стул и выложила репортеру все, свидетельницей чего оказалась в прошлую ночь.

– ...но во имя Неба, – взмолилась она, – держите это при себе!

– Слово скаута, не бойтесь.

– Но вы за мной следили?

Эта мысль, похоже, позабавила Уильяма:

– Нет, я был у друга, который живет прямо напротив доктора Твиста. Он очень хорошо отозвался об одной прохожей девушке, я присоединился к нему у окна и выяснил, что предмет его восхищения – вы.

Марджори пожала плечами, машинально поправила волосы и возразила:

– Все это, похоже, вас не слишком волнует.

– Одно из двух, – сказал Уильям, загибая пальцы. – Или эпизод в ванной – чистое совпадение, и в этом случае беспокоиться не о чем, или же наш неизвестный – действительно убийца с Рэднор-сквер. И в этом случае (он скрипил губы) нужно признать очевидное: убийца среди нас!

– Вы хотите, чтобы я не спала еще одну ночь!

– С некоторой точки зрения, я сказал бы, что это желательно, поскольку вам следует быть настороже круглые сутки. О, вот еще: попытайтесь быть немного сдержаннее, естественнее. Даже миссис Дрейк, несмотря на недуг, заметила, что вы не в своей тарелке. Но, слава Богу, Смита там не было!

– Значит, вы тоже считаете, что это он?

– Если речь идет об одном из нас, я, не колеблясь, отвечу да. Главным образом, из-за того, что мы о нем знаем. Сейчас я рекомендую вам прислушаться к тому, что вам сказал доктор Твист. Давайте подождем результатов полицейского расследования. Если в жизни этого Смита есть что-то подозрительное, они обязательно обнаружат.

Хотя это было высказано спокойным и уверенным тоном, слова эти несколько не ободрили Марджори. Два больших испуганных глаза с надеждой смотрели на молодого человека, который по-отечески успокаивал:

– Не переживайте, ваш друг Билл сумеет позаботиться о вас.

Марджори хотелось вернуться к себе в комнату, но в голове у нее смешалось столько мыслей, что она проскочила на цокольный этаж.

Она повернула обратно и увидела, как из гостиной вышла мисс Вайолет Гарфилд. Женщина повернулась, тщательно закрыла за собой дверь и пошла навстречу. Она молча смотрела на девушку, но не произносила ни слова. Это молчание показалось Марджори удивительным. Особенно со стороны мисс Гарфилд. Столь же удивительным был ее взгляд, лишенный обычной хитринки. Обе молча поднялись на третий этаж, где располагались их комнаты.

Мисс Гарфилд положила ладонь на ручку двери и замялась. Вдруг Марджори охватило нехорошее предчувствие, хотя она не могла определить, чего именно. Она взглянула вдоль коридора, оклеенного бледно-желтыми обоями с рассыпанными по ним фиалками. Слабое освещение от двух матовых шаров падало на дверные панели, искрилось серебром в волосах старой девы и подчеркивало ее морщины.

Наконец пожилая дама заговорила:

– Будьте осторожны, дитя мое, очень осторожны!

– Но, – опешила Марджори, – о чем вы говорите?

Подняв на девушку очень выразительные глаза, мисс Гарфилд, прежде чем зайти в свою комнату, изрекла:

– Вы прекрасно знаете, что я хочу сказать, – не играйте с огнем!

Замерев как статуя, Марджори услышала как ключ в замке повернулся дважды. Она чувствовала, как глаза наполнились слезами, бросилась в свою комнату и тоже заперлась.

Приготовив стол для завтрашней утренней трапезы, миссис Хадсон погасила свет в гостиной. Она прошла на кухню, где обнаружила мужа за столом: он с задумчивым видом курил сигарету. Он слегка кивнул ей, раздавил окурок в пепельнице и встал.

– Прости пожалуйста, – сказал он, – я вспылil и...

Положив голову на плечо мужа, Эллен Хадсон вздохнула:

– Умоляю, дорогой, это я виновата, если ты забыл... Но уверяю тебя, я ни секунды не думаю о нем... Я просто посчитала абсурдом говорить о связи между этим ужасным убийством и фактом, что однажды он вырвал волосы у некой женщины. Если бы ты знал, как я жалею... просто тем вечером я потеряла голову... нужно ему сказать...

– О нет! Для него возвращение равнялось бы триумфу! Оно придало бы ему важность, каковой он не заслуживает. Надо облить его презрением. Если он уедет, это будет по доброй воле!

Эллен Хадсон не ответила.

– Не переживай, дорогая. Все забыто. Клянусь тебе. У меня самая красивая и самая нежная из женщин, а я – самый счастливый из мужей.

– Ты действительно так считаешь? – спросила она, глядя его по затылку.

Джерри Хадсон чуть отодвинулся, чтобы посмотреть в глаза жены:

– Моих слов не достаточно, миссис Хадсон? Вам нужны более ощутимые доказательства?

Миссис Хадсон покраснела, улыбнулась и опустила веки:

– Я очень устала сегодня... Кстати, благодарю тебя за то, что этим утром обслуживал гостей за завтраком, я действительно была не в форме и...

Джерри Хадсон жестом остановил ее и с серьезным видом посоветовал:

– Если ты устала, нужно быстрее лечь... я приду.

Усевшись за стол, который выполнял также функцию бюро, Грэм Смит внимательно читал газету. Единственная статья, привлекавшая его внимание, касалась убийства на Рэднор-сквер, и было ясно, что у полиции в настоящий момент не было и намека на след преступника.

Возможный наблюдатель затруднился бы определить выражение на его лице. Во всяком случае в странном блеске глаз за полуприкрытыми веками не было ничего успокаивающего.

Крупный и худощавый мужчина с удлинённым лицом, впалыми щеками, тонкими губами и густыми бровями. Чуть матовый цвет кожи, чуть вьющиеся черные волосы.

Прочитав и перечитав заметку, он спокойным жестом закрыл газету и зажег сигарету. Затем уселся у окна, откуда виднелся задний двор, где было трудно что-нибудь различить из-за темноты, и он мысленно представил Рэднор-сквер. Некоторое время он оставался неподвижным, задумавшись с сигаретой во рту.

Несколько раз он встряхнул головой с беспокойным видом, а затем вернулся за стол. Он открыл ящик, достал маленький черный блокнот и некоторое время просто держал в руке, прежде чем открыть. Затем стал методично переворачивать страницы по одной. На губах появилось подобие улыбки, которая расширялась по мере того, как продолжалось чтение. Когда он встретил имя Салли Джексон, написанное заглавными буквами, то остановился. Улыбка превратилась в неприятный оскал. После длинной паузы он пожал плечами и, взяв карандаш, перечеркнул имя жертвы крест-накрест.

В то же время Корнелия Дрэйк слышала, как ее часы прозвонили десять. Стоя у туалетного столика, она разглаживала на манекене парик, который только что достала из шкафа. Ее руки перебирали густые золотистые волосы. Она испытывала подобный момент счастья почти каждый вечер, вспоминая те времена, когда ее руки порхали над головами клиентов... живых.

Множество клиентов поручали ей сделать прическу, доверяясь ее очень тонкому и совершенному мастерству. Особенно трудно было угодить миссис Бенсон, которая почти каждый раз требовала новую прическу.

Миссис Бенсон, миссис Сара Бенсон...

Это имя эхом отдалось в ушах Корнелии Дрэйк, и ее руки слегка задрожали. В то время глаза уже неоднократно ее подводили, но она всегда умела закончить стрижку и завивку, и никто ничего не замечал. До того момента, когда миссис Бенсон... При этом воспоминании миссис Дрэйк даже показалось, что манекен заговорил:

– ...и джентльмен заважничал. Я не собиралась там оставаться... Да, немного побольше слева, открывая лоб... Да, так хорошо, миссис Дрэйк... Вы же прекрасно знаете, что они – просто большие мальчишки: дай им палец и...

– Да, да, как я вас понимаю, миссис Бенсон...

– Как бы то ни было, я решила положить конец его претензиям. Я имею в виду – незамедлительно. Да, вот так, прекрасно, я считаю, это подчеркивает линию моей шеи... но осторожнее! Вы мне... А-а-а!!!

Тогда она совершила непростительную ошибку, объяснив, по какой причине слегка порезала кожу клиентки: все дело в слабеющем зрении, а в результате резкого движения миссис Бенсон, оказалась задета мочка уха.

Слух о происшедшем распространился со скоростью порохового заряда, причем значительно преувеличенный (говорили о потоках крови), и клиенты перестали к ней ходить, называя ее «слепой парикмахершей». Это было

суровое испытание, к которому в следующем месяце добавилась смерть мужа в результате несчастного случая. Тем не менее, продажа салона и хорошее наследство обеспечили ей мирное будущее. Время все лечит. Она приняла свою слепоту, но мечтала о бывшей профессии, о своем искусстве, о шевелюрах клиенток, которые ее умелые руки лепили по своей воле.

На неподвижном манекене покорные волосы снова обретали жизнь под пальцами миссис Дрейк, которая вновь улыбалась, погруженная в свою мечту.

Съежившись под одеялами, широко открыв глаза в темноте, Марджори вспоминала многочисленные просчеты за день. У нее было тяжелое чувство, что ее разоблачили. Миссис Гарфилд дала ей понять, что знает все. Миссис Дрейк без обиняков заявила, что находит ее поведение необычным... причем при всех! Нет... Грэм Смит отсутствовал. К счастью. Оставалось лишь молить, чтобы убийца – если предположить, что он действительно один из них – и жилец с пятого этажа был одним и тем же человеком.

Больше же всего ее унижало ее признание Уильяму Скотту. Не то, чтобы она ему совсем не доверяла (хотя в какой-то момент ему удалось посеять в ней сомнения, ну и тип!) – но это признание оказалось слишком спонтанным. Она должна была бы заставить его помучиться, упрашивать, прежде чем снизойти после некоторых колебаний и рассказать то, свидетелем чего оказалась. Ее собственное расследование началось хуже некуда. Не только нет никакого продвижения вперед, но... Хотя да!.. Она вспомнила о той сцене, которая разыгралась несколько недель назад и которая, в этом она была убеждена, имела отношение к убийству. Был конец августа или начало сентября. Марджори снова ясно увидела момент, когда Альфред Леман потерял свой парик.

Вечер был не по сезону прохладным, и мистер Хадсон развел огонь в камине. Присутствовали все жильцы, что случалось редко. Удивленные тем, что их сегодня так много, они молчали, а дождь барабанил по мостовой. Альфред Леман, чей круиз на Багамские острова был аннулирован в последний момент, метался как лев в клетке. Он расхаживал перед камином, скрестив руки на груди. Его крайнее волнение, казалось, веселило Грэма Смита, который следил за ним насмешливым взглядом.

– Осень приближается большими шагами, – внезапно заявил он, нарушая повисшее молчание. – Так что нет ничего отрадного... в Лондоне.

Тот факт, что Грэм Смит взял слово первый, вызвал некоторое удивление. Но то, что он добавил, не удивило никого:

– Конечно, в тропиках это время года легко переносимо и даже очень приятно... Центральная Америка кажется мне одним из мест...

– Остановитесь, прошу вас! – вспыхнул Альфред Леман, бешено хватая себя за волосы. – Ваши едва завуалированные намеки самого низкого...

Он не закончил фразы, поняв, что, в порыве гнева сорвал с головы парик и показалась голая голова с жалкими пучками словно выщипанных волос. Видя изумленные взгляды, направленные на его череп, он покраснел и промямлил:

– Гм, ничего страшного. Не беспокойтесь. Это – парик... просто парик.

Великий соблазнитель оказался лыс. Повисло молчание, нарушаемое слабым хихиканьем. Ужасно смутившись, Альфред Леман повернулся и вышел. После чего Грэм Смит стал хохотать, уже никак не сдерживаясь. Он резко остановился, без сомнения осознав неуместность своего веселья и почувствовав себя обязанным объяснить. И после

множества колебаний, он капитулировал под настойчивыми взглядами аудитории и рассказал очень странную историю:

– Довольно давно со мной произошел случай, гордиться которым я едва ли могу. Но мне тогда было лишь около шестнадцати – возраст, когда даешь волю воображению, не слишком раздумывая о последствиях своих поступков. Увидев голову Лемана, я не смог не вспомнить об этом случае... но давайте начнем с начала.

Моей матери не слишком повезло с мужьями. Первый бросил ее после рождения моей сестры – сводной сестры. Что касается второго, моего отца, он умер от болезни легких, когда мне было три года. А затем... Конечно, жизнь не баловала ее спутниками, но она была такой наивной... В результате мы жили одним днем, перебиваясь редкими контрактами, которые ей удавалось заключить, так как она была актрисой. В то время, когда происходили эти события, она приобрела некоторую известность – в своей среде, по крайней мере – и мы начали жить достойно, если я могу так выразиться.

Грэм Смит сделал паузу и устремил взгляд куда-то вдаль.

– У нее были очень красивые волосы, черные как эбеновое дерево, которые спадали шелковыми волнами ей на плечи, когда она их распускала. Действительно, это было лучшее, что у нее имелось. Если я говорю об этом так подробно, то потому, что это имеет значение.

Мы снимали меблированный коттедж в маленькой деревеньке около Эпсوما. Диане, моей сестре, еще не исполнилось двадцати. Ближайший к нам дом занимала некая миссис... ее имя постоянно ускользает... Ах да! Миссис Крошоу, которая имела ту же профессию, что и у вас, миссис Дрейк. Моя мать регулярно ходила к ней делать прическу. В это время ее пригласил директор мюзик-холла на специфическую роль. Этот тип, директор-режиссер, а при случае и актер, имел талант к постановке и решил ста-

вить спектакли, вдохновляясь Древней историей. Мою мать, которая тогда была без контракта, взяли в основном из-за красоты ее шевелюры. Первая роль была из сказки «Тысяча и одна ночь». Она была Дуньязадой, сестрой Шахразады, и должна была развлекать султана, пока Шахразада рассказывала свои сказки... но вы же это знаете, не правда ли? Представляете сцену: на первом плане султан, лежащий на ложе посреди подушек, а в ногах у него – Дуньязада со своей чудесной шевелюрой, которая отливает разными цветами под огнем софитов. Это был триумф! Во втором спектакле усердно работали над древнегреческим шедевром: «Фрина перед судьями».⁴

4 Фрина (др.-греч. Φρύνη, ок. 390 до н. э., – ок. 330 до н. э.) – афинская гетера, натурщица Праксителя и Апеллеса.

Обосновалась в Афинах и стала гетерой. Прославилась как обладательница идеальной фигуры. В молодости была натурщицей и любовницей скульптора Праксителя, в зрелые годы вдохновила живописца Апеллеса (видимо, она очень долго сохраняла красоту и лица, и тела). Плутарх пишет: «Фрина говорила, будучи уже в преклонных летах, что она получала самую высокую цену от своих поклонников именно за репутацию».

«Афродита Книдская» (350–330 годы до н. э.) была самой знаменитой статуей богини любви во времена античности. Пракситель впервые дерзнул изобразить её полностью обнажённой. Оригинал не сохранился, существуют повторы и копии.

Согласно рассказам античных авторов, Пракситель ваял богиню со своей возлюбленной Фрины. Это было кощунством. Её отвергнутый поклонник Евфий (Евтиас) обвинил гетеру в безбожии, в введении новых культов и в кощунстве (340 год до н.э.). Защитником гетеры выступил знаменитый оратор Гиперид, также возлюбленный Фрины. Увидев, что его речь не производит на суд особого впечатления, он сдёрнул с Фрины её одежды (по другим текстам, обнажив только до пояса, или одежды сбросила сама Фрина по знаку защитника). Красота Фрины произвела такое впечатление на судей, что её оправдали – ведь согласно греческим представлениям о прекрасном, столь совершенное тело не могло скрывать несовершенную душу (концепция калокагии).

В аудитории началось движение. Доктор Стэффорд, казалось, вышел из апатии. Мисс Вайолет Гарфилд чуть вздрогнула, но продолжала следить за рассказом. Миссис Дрейк внимала со страстью с того момента, как Грэм Смит заговорил о волосах своей матери. Мистер Хадсон слушал бесстрастно, его немного стеснительная жена сидела рядом с ним. Уильям Скотт, которого удивила необычная словоохотливость жильца с пятого этажа, скромно изучал реакции остальных.

– Дамы, не бойтесь за свои целомудренные уши, – продолжил Грэм Смит с той иронической улыбкой, которая так пугала Марджори. – Режиссер искусно решил эту слегка сомнительную сцену. Но что объяснять – я просто расскажу о декорациях и костюмах. Слева толпа, справа судьи, и между ними Фрина и ее защитник. Когда вместо слов адвокат решает представить судьям субъект преступления и расстегивает тунику обвиняемой, она (моя мать) одним движением срывает ленту на прическе, одновременно выдергивая большие булавки, которые ее поддерживали; гибкое движение головой и шелковая скатерть волос рассыпается по ее плечам, падая до края медленно соскальзывающей туники. Свет гаснет и занавес закрывается. Затем свет зажигается вновь к большому удовольствию зрителей, но занавес открывается только перед судьями, замершими в восхищении. Фрина остается скрытой занавесом – в действительности она уходит со сцены, – пока суд голосует за ее оправдание. Она возвращается только для финала, единодушно приветствуемая публикой.

Все билеты на последующие спектакли были распроданы. Был даже один зритель в первом ряду, который приходил регулярно – без сомнения, в надежде на небольшое опоздание при закрытии занавеса и выключении света.

Доктор Стэффорд и Уильям Скотт старательно отводили взгляды, чтобы не засмеяться и еще больше не сму-

щать мисс Гарфилд. Грэм Смит казался очень довольным реакцией, которую вызвал его рассказ:

– Как говорится, бог любит троицу, и вновь выбрали библейский сюжет: «Самсон и Далила». Моя мать, разумеется, играла Далилу. Самсона играл здоровяк, надевший парик, который эта дрянь Далила должна была сорвать с него во время сна. Нет смысла вам напоминать.

Лицо Грэма Смита внезапно омрачилось:

– И вот теперь все пошло не так. Директор вручил моей матери флакон препарата, который должен был позволить эффективнее завивать волосы щипцами. Это дело мать поручила миссис Крошоу в самый день премьеры. Дорогая мама отправилась к своему парикмахеру, обуреваемая нехорошими предчувствиями и очень раздраженная тем, что придется укладывать волосы, но не в силах протестовать: режиссер хотел, чтобы у нее была прическа той эпохи, и она смирилась. Она вернулась домой в неопишное состояние: ее волосы напоминали сожженные водоросли! У нас был шок. Это была катастрофа, катастрофа! К счастью, голова оказалась сожжена только до уровня ушей: на коже не было следов от ожогов. Что случилось? Миссис Крошоу ошиблась флаконом? Она клялась, что нет, что, если и была ошибка, виноват тот, кто дал флакон. Разумеется, директор снял с себя всю ответственность и переложил вину на парикмахера. Но та была категорична: она ничего неправильного не сделала и точка! Тем временем моя мать оказалась без работы, надо было на что-то жить. Опасаясь неприятной шумихи, директор дал ей довольно великодушную компенсацию. Это позволило как-то пережить шок. Да. Но потом? И моя сестра, которая продолжала учиться... Мы находились в затруднительном положении.

Я был, что называется, в бешенстве. Ужасно злился на миссис Крошоу. Я был в таком гневе, что просто не мог спать. Мама, мама и ее прекрасные волосы! Через несколько

дней в два или три ночи я додумался до решения, которое посчитал гениальным. Я отомщу за мать. Тотчас же я отправился к нашей соседке, разбудил ее и срезал волосы! На следующий день я больше не гордился собой, так как мать и сестра умирали со стыда, а миссис Крошоу хотела подать жалобу.

– Но, судя по всему, – заметила миссис Дрейк, – ваша мать могла бы действовать так же!

Смит опустил голову, прежде чем ответить:

– Дело, в том, что ситуация не совсем такая же. Миссис Крошоу боролась, когда я беспощадно кромсал ее волосы карающими ножницами, и я ее поранил, не желая того. Раны были не слишком серьезные, но... Что бы там ни было, мать решила срочно исчезнуть. Мы уехали глубокой ночью через четыре или пять дней после моего досадного подвига, никому ничего не сказав. Перебираясь в Лондоне из одного отеля в другой, она решила переменить обстановку. Таким образом, мы погрузились на «Уайт стар», плывущий в США. Но неудачи преследовали нас, так как судно потерпело кораблекрушение. Я оказался одним из немногих выживших. Матери и сестре не повезло.

Когда я сказал вам, что не очень гордился собой, я думал, главным образом, о трагических последствиях стрижки волос у миссис Крошоу.

Харли Стэффорд не спал. Как обычно, сон не шел к нему. Он редко засыпал до двух часов и сбивался со счета от количества выпитых рюмок. Его разум начинал затуманиваться, но именно тогда с особой ясностью всплывали воспоминания.

Развалившись в кресле, ноги на табурете, он пристально смотрел на фотографию в рамке, стоящую на бюро.

Какими они были красивыми...

Его взгляд наткнулся на пустую бутылку рядом с рукой, затем переместился на шкаф. Он захотел было встать, но передумал, чтобы вновь взглянуть в два лица, которые улыбались ему из позолоченной рамки: девушка и женщина, весна на рассвете жизни и лето в ее апогее. Он сфотографировал их, когда они сидели на старой скамье в глубине сада под цветущим вишневым деревом.

Почему, Господи, нельзя их вернуть? Почему?

Он был уже не первой молодости, когда встретил Линнет, в том возрасте, когда вполне мог окончить жизнь в шкуре старого холостяка. Судьба же решила иначе и поместила на его пути женщину, о которой он понял, лишь увидев ее, что только она может быть *его* женой. Они поженились весной через три недели после первой встречи. Безоблачное счастье и появление ангела: Бесси.

Его взгляд вернулся к шкафу, и на этот раз он встал. На верхней полке стояло несколько бутылок виски. Он протянул дрожащую руку, чтобы схватить одну из них, и вернулся в кресло, спрашивая себя, почему он пошел не сразу и почему человек его возраста должен лишаться последнего удовольствия, которое жизнь еще может ему предложить. В священном молчании он наполнил бокал пахучей жидкостью.

Как Бесси была похожа на свою мать! Это было просто поразительно! Та же нежность во взгляде, та же длинная и блестящая шевелюра... Они были так красивы... Почему их не вернуть, Господи, почему?

Он залпом опустошил бокал. Его глаза остекленели, на виске вздулась вена. Картина, вначале далекая, призрачная, едва видимая, но после нового глотка виски, шум силен усилился, сопровождаемый мрачным, назойливым, непрерывным гудением, которое опасно приближалось. Затем грохот бомб... полный мрак. Почва проваливалась под ногами... Это был конец, небытие...

До него доносилась суматоха голосов, он пытался говорить, кричать... Напрасно! Он едва мог дышать, зажатый под крупной балкой. Прошло несколько часов, пока его освободили. Как только он смог стоять на ногах, то лихорадочно стал бродить среди того, что еще осталось от его дома, безнадежно роясь в развалинах. «Быстрее, быстрее! – кричал он спасателям. Они где-то там, они должны быть там! Поторопитесь, они еще живы» Кто-то поднял дверь, покрытую кусками штукатурки и все увидели массу кудрявых волос среди обломков. Линнет или Бесси? Он бросился туда и расчистил мусор, срывая кожу на руках. Это была Линнет. Она не шевелилась, не дышала. Под нею, в ее объятьях лежала Бесси. Тоже мертвая.

Харли Стэффорд вышел из оцепенения, но у него перед глазами все еще стоял их дом, который стальные птицы превратили в обломки штукатурки, и шелковая масса красивых темно-русых волос, которые его руки никогда больше не приласкают.

На следующий день, в среду, Марджори из окна своей комнаты смотрела, как падают первые снежные хлопья. Было пять часов, и она все еще не решила, должна ли посвятить инспектора в экстравагантный рассказ Грэма Смита. Поскольку она все время думала об этой истории и не сомневалась, что та связана с убийством на Рэднор-сквер, она провела беспокойную ночь. Но теперь середь бела дня былая уверенность пропала.

Эта ночь со вторника прошла абсолютно нормально – до такой степени, что она начала сомневаться в присутствии убийцы в пансионате. Она не могла сказать, утешала ли ее эта мысль или разочаровывала. Конечно, ощущение скрытой опасности изматывало, но роль внештатного детектива ей очень даже нравилась.

Глядя на задний двор, который постепенно начал покрываться слоем снега, она подумала об Уильяме Скотте, которого еще не видела днем. На ланче присутствовали все, кроме него. Наверняка он занят расследованием убийства. Она увидит его вечером. Если он собирается действовать в одиночку, то он ее плохо знает. Но если призадуматься, сегодня произошло кое-что необычное: поведение мисс Вайолет Гарфилд. Всю еду она молчала и выглядела озабоченнее, чем накануне. Что могло до такой степени взволновать старую деву?

Вечером часы в гостиной пробили половину шестого, не нарушив глубокого сна миссис Корнелии Дрэйк, чье медленное и спокойное дыхание слышалось из кресла, где она свернулась. Сумерки заполнили просторную комнату тенями. Но снежные хлопья, которые танцевали за окнами, добавляли новую жизнь в спящую гостиную.

Дверь, выходящая в коридор, тихо открылась и в щели появилась голова мисс Вайолет Гарфилд. Она задержала взгляд на миссис Дрейк, чуть задумалась и вошла. На цыпочках направилась к телефону, не теряя из виду спящую леди в кресле. Она сняла трубку, глубоко вздохнула и потребовала соединить ее со Скотланд-Ярдом. Ожидание показалось ей бесконечным, как и звонки в трубке.

Занятая тем, что плотно прижимала трубку к уху и прислушивалась, мисс Гарфилд не заметила, как приоткрылись дверь, через которую она только что вошла.

– Алло! Скотланд-Ярд? Я хочу поговорить с инспектором Арчибальдом Хёрстом... Мое имя? Да конечно, мисс Вайолет Гарфилд... Очень хорошо, жду.

Хотя эти слова были сказаны очень тихо, ни одно из них не ускользнуло от фигуры, которая стояла у порога чуть в стороне, молчаливая и неподвижная. Станный блеск зажегся в ее глазах, и с усиленным вниманием она слушала, что говорит мисс Гарфилд.

– Нет на месте? Очень жаль. Могли бы вы передать ему?.. Очень хорошо, тогда скажите ему, чтобы он пришел повидать меня, как только сможет... Мисс Гарфилд, да... Дом 48 по Хокстон-стрит. Бесконечно благодарна.

Дверь вновь бесшумно закрылась. Мисс Гарфилд повесила трубку и вздохнула. Взглянув на спящую слепую, она посмотрела в окно и стала рассеянно рассматривать дорогу, понемногу исчезающую под снегом.

Неожиданно из кухни появилась миссис Хадсон. Она подошла к мисс Гарфилд, глянула на миссис Дрейк и очень тихо сказала:

– Уже спит! Обычно в это время такого с ней не случается.
– Снег, без сомнения, – лаконично ответила мисс Гарфилд.
– Кстати о снеге, надеюсь, вы не собираетесь сегодня гулять, как обычно, – это было бы крайне неосторожно!

Мисс Гарфилд повернулась к хозяйке дома и восхитилась этим милым личиком, окруженным локонами.

– Вы действительно очень красивы, дитя мое, – ласково сказала она.

– О, спасибо, мисс Гарфилд! – смешалась Эллен Хадсон. – А вы хитрая, да? Поскольку мне кажется, вы все-таки собираетесь выйти?

– Вы прекрасно знаете, что между шестью и половиной седьмого я выхожу проветриться при любой погоде. Сегодня не исключение...

– Но ведь это неразумно, мисс Гарфилд. Так легко поскользнуться и подвернуть ногу.

Старая дева взглянула на часы и послала миссис Хадсон любезную улыбку.

– Не беспокойтесь, я буду очень осторожна. Кстати, если за это время придут и будут спрашивать меня, пусть подождут.

– Очень хорошо, – ответила заинтригованная миссис Хадсон.

– До скорого свидания, – бросила мисс Гарфилд, удаляясь.

Застыв, миссис Хадсон задумчиво посмотрела на миссис Дрейк, которая продолжала крепко спать, а затем вернулась на кухню. Ее муж с раздражением рылся в ящике буфета.

– Что такое, дорогой?

– Ничего. Почти ничего. Сегодня кое-кому придется пить такой же чай, как и остальным. «Улун» кончился.

– Но это невозможно! Мисс Гарфилд пьет только его! Ты это прекрасно знаешь! Уверена, ей совсем не понравится, если...

– Но ты же не думаешь, что я выйду в такую погоду только для того, чтобы эта старая карга могла наслаждаться

своим обычным чаем, – перебил ее Джерри Хадсон. – От одного раза не умрет. Наш превосходен.

– Ты же знаешь, что у Дженет сегодня свободна вторая половина дня... то есть ты считаешь, что это я должна...

– Нет, конечно, но мне просто кажется, что отсутствие любимого чая мисс Гарфилд не приведет к национальной катастрофе и что на этот раз мы могли бы... Хорошо, твоя взяла, я иду.

– Ты самый лучший из мужей! – воскликнула она, одаривая его ангельской улыбкой.

В шесть часов, выходя из своей комнаты, мистер Хадсон увидел, как за поворотом в коридоре исчезла мисс Гарфилд. Он слушал как затихают ее шаги, а затем понял, что кто-то еще спускается по лестнице сверху. Дойдя до середины лестничной клетки, он заметил Грэма Смита, который, как и он, был одет для улицы.

– Собираетесь выйти подышать, мистер Хадсон? – сказал он с улыбкой, которая удивительно раздражала его визави.

– Да, – сухо ответил хозяин дома, делая каменное лицо.

Не говоря больше ни слова, Грэм Смит продолжил свой путь. Мистер Хадсон сжал зубы и немного подождал, а затем спустился по лестнице сам. Только он вышел в коридор, как прозвенел звонок.

«Кто еще?» – подумал он, чувствуя как закипает гнев.

Он открыл дверь. На пороге стоял светловолосый молодой человек, одетый в элегантное пальто, белое от снега, и держащий в руке букет роз.

– Здесь живет мисс Конвей? – спросил незнакомец.

– Да. Она вас ожидает?

– Не совсем... Но я очень хотел бы ее видеть.

– Не стойте на пороге, – сказал мистер Хадсон, раздвигая шторы за маленьким тамбуром.

В этот момент отворилась дверь в глубине коридора и появилась миссис Хадсон, быстро направившаяся к ним.

– Дорогая, позволь представить тебе друга мисс Конвей, мистера... мистера?..

– Шуйлер, Питер Шуйлер, – представился вошедший, откашлявшись.

При виде роз миссис Хадсон улыбнулась и посмотрела на лицо посетителя, который казался смущенным.

– Вы... вы хорошо знаете мисс Конвей? – робко спросил он.

Мистер и миссис Хадсон обменялись удивленными взглядами.

– Мы – владельцы пансионата, – степенно заявила Эллен Хадсон. – Мы в хороших отношениях с мисс Конвей, но, тем не менее, не знакомы близко. Но если вы нам объясните, что вас беспокоит, мы, возможно, сможем вам помочь.

Питер Шуйлер, который еще секунду назад ни за что на свете не стал бы признаваться, оказался сражен красотой миссис Хадсон. К собственному удивлению, он рассказал про весь свой вечер с Марджори, изменив, впрочем, некоторые сцены в свою пользу.

– И вот я тут с этими розами, – закончил он с немного смущенной улыбкой, сознавая комизм положения.

– Если я правильно поняла, – сказала, улыбаясь, миссис Хадсон, – вы опасаетесь холодного приема со стороны мисс Конвей?

– Да, именно.

– Итак, что мы можем сделать, дорогой?

Все еще в пальто, мистер Хадсон ненадолго задумался, а глаза его уставились на фотографию, украшающую стену коридора справа за тамбуром.

– Джерри, я с тобой разговариваю. Вернись на землю!

– Это – очень хорошая фотография, превосходного качества, – заявил заинтригованный Питер, приближаясь. – Я сам занимаюсь фотографированием и кое-что в этом понимаю. Семейный портрет?

– Да, – ответил мистер Хадсон, – это наши прадед и прабабка.

– Ваши прадед и прабабка? – повторил удивленный Питер.

– Мы с мужем – троюродные брат и сестра, – объяснила миссис Хадсон. – Это не помешало нам сочетаться браком, – добавила она, глядя на супруга. – Напротив, именно обнаружив нашу родственную связь...

– Ты утомляешь мистера Шуйлера, дорогая. Я уверен, его больше заинтересовало бы то, что случилось с нашей прабабкой. Ее убили здесь, в этом коридоре, прямо за вами.

Питер резко повернулся и уставился на тяжелые вельветовые шторы.

– Да, именно там, – продолжал мистер Хадсон, на которого с упреком взидала жена. – На пороге. По крайней мере, так считали в начале расследования. Так как фактически было доказано, что никто не мог совершить этого убийства.

– Но смотрите, по определению, убийство требует вмешательства еще кого-то помимо жертвы!

– Я вам повторяю: было совершенно четко доказано, что никто не мог его совершить!

– По вашему виду понимаю, что у вас есть что-то новенькое! – сказал доктор Твист, открывая дверь инспектору Хёрсту.

– В настоящий момент ничего относительно жильцов пансионата на Хокстон-стрит, 48, но у меня есть кое-что, что вас наверняка заинтересует.

– О чем речь?

– Секундочку, дайте дух перевести после всех моих дел, – ответил Хёрст, сладострастно лелеющий эти крайне редкие моменты, когда он мог заставить друга изнемогать от нетерпения.

Удобно усевшись, он раскрыл папку, которую принес с собой.

– Сразу предупрежу, это никак не связано с убийством на Рэднор-сквер. Но имеется прямая связь с пансионатом на Хокстон-стрит, который в то время еще не был пансионатом. Стены этого дома стали свидетелями очень странного убийства, которое, впрочем, так никогда и не было раскрыто. Что-то вроде убийства в запертой комнате...

Твист наострил уши, и глаза его заблестели.

– Неразрешимая загадка, как увидите. Действие происходит в 1879 году... да, это не вчерашнее событие. Дом тогда занимали полковник Оливер Хадсон с супругой – прадед и прабабка мистера Хадсона.

– Держу пари, именно Бриггс раскопал все это!

– Действительно. От него ничего не ускользает. Настоящая энциклопедия! Продолжаю. Было шесть часов, когда миссис Хадсон пошла провожать своего учителя музыки –

некоего Ли Харпера – до улицы. Полковник оказался в коридоре перед тамбуром в обществе друга, Годфри Стока, отставного офицера, старше его на несколько лет. Но сначала мне нужно рассказать о расположении. Ворота открываются в проход длиной тридцать футов, ведущий на задний двор. Входная дверь расположена слева в середине этого прохода. Там нет больше ничего кроме этой двери и окна, защищенного железной решеткой. Переступив порог, оказываешься в небольшом тамбуре, отделенном от коридора вельветовыми шторами.

Миссис Хадсон была на улице с Ли Харпером, когда подошел его друг, Стив Доддж, – тоже музыкант. Назначив время следующего урока фортепьяно, она пошла к себе. Харпер и Доддж видели, как она вошла в проход. Полковник и Годфри Сток собирались открыть входную дверь. Шторы раздвигаются, появляется миссис Хадсон, она делает шаг, другой и падает на пол с ножом между лопатками! Хадсон и Сток бросаются вперед, чтобы задержать убийцу. Харпер и Доддж все еще стоят на тротуаре и утверждают, что за миссис Хадсон никто не шел. Следовательно, убийца убежал задним двором – по крайней мере, так они подумали. Они тут же отправляются туда и находят там Джеймса, сына Хадсона, в обществе горничной. Они также говорят, что никого не видели...

– Гм! – произнес доктор Твист, зажигая трубку. – Убийца, который исчезает как по волшебству. Если только у него в этом деле не было соучастника, – либо муж с другом, либо учитель музыки и другой музыкант, либо сын Хадсона и молодая горничная. Но в данном случае их поведение абсурдно! Для них было бы разумнее кого-то увидеть!

– Вы сами это сказали. Кроме того, никто из них не двигался. Полицейские вначале предположили, что убийца оставался в тамбуре, прячась за одной из штор, когда оба

мужчины бросились наружу. Хадсон и Сток пылко заявили, что это абсолютно невозможно. Они не могли не заметить чужака.

– А через зарешеченное окно?

– Немыслимо, решетка закреплена в стене, а оружие преступления не могло пройти сквозь ячейки из кованой стали.

– В какую комнату ведет это окно?

– В кладовку, туда, где стоит пианино.

– Был там кто-нибудь в тот момент?

– Мисс Дженнифер, дочь Хадсона, которая страдала от легкого недуга. Я этого не отметил, но уверен, что Бриггс мне об этом сообщил.

– И никто не слышал ничего подозрительного?

– Нет... хотя да! В тот самый момент, когда Хадсон и Сток собрались открывать входную дверь, раздался сильный грохот на лестничной клетке. Они на это тогда не обратили внимания, увидев как рухнула миссис Хадсон, и бросились к ней, как вы понимаете. А дело было в коллекции холодного оружия, принадлежащей полковнику: там от стены отошла опора, на которой все держалось. Потом после проверки выяснилось, что не хватает одного экспоната... того, что торчал из спины миссис Хадсон. (Хёрст почесал затылок и вернул на место непослушную прядь). Любопытно, очень любопытно, что весь этот арсенал резко падает в тот самый момент (на несколько секунд раньше)... а один из экспонатов впирается в спину жертвы... У вас есть какие-нибудь мысли, Твист?

– Никаких, – вздохнул детектив. – Если мы в чем и уверены, это в том, что преступление было подготовлено. В настоящий момент ничего больше сказать мы не можем. Надо было бы зайти туда, чтобы составить представление, и притом необходимо, чтобы не было переделок.

– Возможно, у нас будет случай в этом убедиться, – улыбнулся Хёрст.

Он закрыл папку и взял сигару. Чиркнул спичкой, но вдруг застыл.

– Что с вами, Хёрст? Нашли решение тайны?

Рассеянно бросив спичку в пепельницу, инспектор сунул руку во внутренний карман пиджака и достал записную книжку. Он быстро просмотрел страницы, затем вспыхнул:

– Ради Бога! Ради Бога! Вы только взгляните, Твист!

Доктор Твист наклонился и увидел список жильцов пансионата:

– Что такое? Это же наши подозреваемые?

– Вот! – воскликнул Хёрст, лихорадочного тыча пальцем в имя Вайолет Гарфилд.

– Я все еще не понимаю... Ее разыскивает полиция?

– Да вспоминайте же, – выдохнул полицейский, – вчера после полудня я рассказывал вам об одной помешанной старухе, которая утверждала, что некто, живущий с ней под одной крышей, собирается совершить убийство – она прочла это в его взгляде.

– Да, вы даже записали ее имя и адрес...

– На листке, который тотчас же бросил в корзину... Это она, Твист, это она! Мисс Вайолет Гарфилд, Хокстон-стрит, 48!

Лицо Твиста опечалилось.

– Успокойтесь, Хёрст. Она пришла в Ярд в понедельник вечером, так?

– Да, – ответил полицейский, вытирая лоб. – В шесть часов. Всего за несколько часов до убийства на Рэднор-стрит...

– ...и у нас определенные причины полагать, что виновник живет под одной крышей с мисс Гарфилд.

– Но тогда мы схватим этого человека!

Звонок телефона заставил их вздрогнуть. Твист встал и поднял трубку:

– Алло... А! Добрый вечер, Бриггс... Да, он здесь, сейчас передам. Это вас, Хёрст.

Телефонный разговор был кратким. Хёрст повесил трубку с каменным лицом, но затем улыбнулся:

– Мисс Гарфилд звонила мне в Ярд. Просила приехать к ней как можно быстрее.

Мужчины быстро посмотрели друг на друга и бросились надевать пальто.

– Невероятно! – воскликнул Питер Шуйлер, когда мистер Хадсон закончил рассказ, который, за исключением незначительных деталей, совпадал с рассказом инспектора Хёрста доктору Твисту. – А эта коллекция оружия все еще существует?

– Мне кажется, – задумался мистер Хадсон, – она должна быть на чердаке, не так ли, дорогая?

Повернувшись за подтверждением к жене, он не увидел никого. Питер, захваченный рассказом, также не заметил исчезновения миссис Хадсон. Джерри Хадсон пожал плечами, направился по коридору к двери кухни и открыл ее:

– Эллен...

– Ведь нужно, чтобы кто-то занялся едой, не так ли? – ответила она. – Уже почти половина седьмого.

– Да, конечно. Я поднимусь с мистером Шуйлером к мисс Конвей. Мы попробуем уладить это дело... – он закрыл дверь и добавил, подмигнув Питеру, шедшему рядом, – по-мужски...

– Заметьте, – сказал Питер, глядя на букет роз, который не выпускал, я не имею привычки просить помощи в делах такого рода, совсем нет... если вы понимаете, что я хочу сказать.

– Абсолютно, дружище.

– Но в данном случае ситуация несколько деликатная... Мисс Конвей – подруга моих друзей... наконец, у меня репутация джентльмена, которую хотелось бы сохранить.

– Это абсолютно естественно, – согласился мистер Хадсон, останавливаясь перед лестничной клеткой. – Я неплохо знаю мисс Конвей. Девушка с темпераментом...

– О! Не то слово!

– ... но если мы правильно возьмемся за дело...

Мистер Хадсон задумчиво поднес палец к губам, призывая к молчанию.

– У вас есть мысли, как к этому подойти? – прошептал Питер.

– Да, но дайте подумать. Давайте так, вы скажете, что...

Джерри Хадсона прервали часы, которые начали бить половину седьмого. Одновременно послышался скрип входной двери.

– Нет покоя даже на минутку, – проворчал мистер Хадсон, указывая молодому человеку на лестницу.

Питер стал быстро подниматься, а мистер Хадсон, идущий за ним по пятам, неожиданно воскликнул:

– Черт побери! Я совершенно забыл про чай...

На этот шум дверь кухни открылась и показалась миссис Хадсон, явно собирающаяся что-то сказать и уже открывшая для этого рот. Ее взгляд был направлен в другой конец коридора. Джерри также уставился в том направлении. Обе половины штор натянулись... Чьи-то руки ухватились за них... Чье-то лицо показалось в щели между шторами... мертвенно-бледное лицо с закатившимися глазами и искаженное страшной мукой.

– Мисс Гарфилд! – воскликнула потрясенная миссис Хадсон. – Что...

Старая дева неуверенно сделала шаг, другой и рухнула ничком в коридор.

Из спины торчала рукоятка кинжала.

Миссис Хадсон первой преодолела десяток футов до несчастной. Она опустилась на корточки, чтобы проверить пульс, и покачала головой:

– Нет, ничего не сделать, она умерла.

Мужчины посмотрели на шторы маленького тамбура, и Джерри Хадсон резким движением раздернул их: никого. Он открыл дверь и осторожно взглянул налево и направо, прежде чем выйти.

– Джерри! – закричала миссис Хадсон, поднося руки к горлу. – Это безумство! Если он еще там, он тебя...

– Свет! – крикнул он, пока Питер тоже выходил за порог.

Внезапно вспыхнувшая лампа над дверью осветила сумрак сводчатого прохода.

– Он убежал, – констатировал Питер, не скрывая облегчения.

– Не будем терять ни минуты! – воскликнул мистер Хадсон, устремляясь к улице.

Он остановился в конце прохода, внимательно всматриваясь в землю.

– Снег прекратился, – заметил Питер ему в спину, – мы сможем пойти по его следу. Смотрите...

Он замолчал, увидев на заснеженном тротуаре следы ног. Они были частыми и вели к началу крытого прохода, где и исчезали.

– Шаги мисс Гарфилд, по всей видимости, – озадаченно констатировал мистер Хадсон. – А других нет...

Оба одновременно повернулись в направлении заднего двора.

– С этой стороны тоже ничего нет, – задумчиво добавил Джерри Хадсон.

– Тогда, – пробормотал его компаньон, – он в ловушке!

Они снова прошли по проходу в маленький двор. Хотя было очень темно, света над входной дверью оказалось достаточно, чтобы они увидели девственно чистую снежную поверхность.

Они замерли, ежась от холода, и поглядели друг на друга, словно не в силах поверить в увиденное.

– Черт побери, но это невозможно! – воскликнул Питер, поднимая взгляд на каменный свод, тянувшийся до другого конца прохода. – Не улетел же он!

– Подождите, – сказал мистер Хадсон, – ее без сомнения закололи на улице, и она сумела войти в проход...

Они молча вернулись по своим следам и вновь изучили очень четкие отпечатки ног мисс Гарфилд вдоль тротуара. В этот момент, они заметили машину, которая медленно двигалась вдоль улицы и остановилась около них. Из нее вышло двое мужчин: один – очень высокий и худой, а второй – значительно толще. Этот последний обратился к ним уверенным тоном:

– Это Хокстон-стрит, 48?

– Да, – осторожно ответил мистер Хадсон. – А вы кто?

Лицо мужчины расплылось в широкой улыбке:

– Инспектор Арчибальд Хёрст из Скотланд-Ярда. Мы хотели бы поговорить с некой...

– Полиция! – воскликнул Питер. – Слава Богу! Но как вы успели узнать?

– Узнать что? – рявкнул Хёрст. – Только не говорите, что произошло убийство!

– Да, всего лишь пять минут тому назад, – пробормотал Питер. – Мы ищем убийцу, но следов нет...

– Тихо! Кто убит! Где? Как?

– Старая дева, которую зовут... мисс... мисс Гарфилд, правильно, мистер Хадсон?

– Мисс Гарфилд только что убита? – поперхнулся полицейский. – Это... Но... Твист, скажите мне, что это неправда!

Несколько секунд спустя доктор Твист и Хёрст оказались перед трупом, выслушивая объяснения свидетелей. После чего вернулись на улицу, чтобы изучить следы ног. Они проследовали вдоль них по тротуару футов сто до перекрестка, где следы смешались с другими.

– Но ее не могли заколоть здесь! – гремел Хёрст. – Как вы хотите, чтобы она с ножом в спине дошла до дома? Это невозможно! Впрочем, вы, как и я, видели, что следы идут равномерно, как шаги человека, идущего абсолютно нормально!

– Ее не могли ударить, когда она шла вдоль тротуара, – вмешался Твист, который повернул обратно и внимательно рассматривал снег вокруг следов жертвы.

Ничего, абсолютно ничего, ни малейших намеков.

Высокие фасады из красного кирпича и черные решетки, которые их защищали, тянулись вдоль тихой улицы, кое-где блестя отраженным светом. Под темным небом снег украсил окрестности, как именинный пирог, накрыл белой шапкой почтовый ящик напротив зияющего начала прохода к дому номер 48 по Хокстон-стрит. Следы туфель мисс Гарфилд были очень четкими и шли по середине тротуара, окруженные девственным снегом – за исключением, конечно, шагов свидетелей и обоих детективов. Не было никаких следов на узкой полоске приблизительно в три фута, которая отделяла дома от оград. Заснеженную мостовую нарушали только смазанные следы шин, но они находились по меньшей мере в десяти футах от следов, оставленных жертвой.

– Ясно, – повторил Твист, – что ее не могли ударить на перекрестке. При такой ране, она не смогла бы пройти больше ста футов, да и следы слишком ровные. И, как

свидетельствует снег, никто к ней не приближался до начала прохода.

– Это сама очевидность, – пробормотал Хёрст. – Ладно, вы, молодой человек, охраняйте место преступления до приезда полицейских. Никто не должен сюда приближаться.

Питер был слишком потрясен, чтобы обижаться на приказ инспектора. В крытом проходе Хёрст остановился перед маленьким окном, расположенным в десяти футах левее входной двери. Он со значением посмотрел на Твиста.

Разгадав его мысли, мистер Хадсон заметил:

– Как видите, на окне решетка, она приварена и ее не открыть.

– Скажите мне, мистер Хадсон, – Хёрст бросил на него хитрый взгляд, который в других обстоятельствах заставил бы Твиста улыбнуться, – в той комнате нет ли пианино?

– Есть, но им уже давно не пользуются, – мистер Хадсон удивленно воззрился на полицейского. – Но как вы узнали?

Хёрст улыбнулся:

– Мы к этому вернемся. Вы удивитесь, узнав, что...

– В самом деле кажется, что орудие преступления не могло бы пройти через эту решетку, – перебил его доктор Твист, подошедший к окну. – Видите, ромбическая металлическая решетка оставляет свободными лишь около двух дюймов. Гарда кинжала гораздо больше. Убедитесь сами...

Затем трое мужчин вышли на задний двор. Детективы молча покачали головой, глядя на нетронутый снег. Твист сделал несколько шагов, затем развернулся к проходу чтобы рассмотреть окрестности. Слева от него шла стена высотой около десяти футов, которая продолжала проход и выходила во двор соседнего здания – ее покрывал слой совершенно девственного снега. Первым проемом справа была дверь – приблизительно в десяти футах.

– Там сейчас кладовка, – уточнил Джерри, который проследил взгляд Твиста.

Тот поднял голову к трем окнам на разных этажах выше свода прохода.

– *À priori*,⁵ – заметил он, – снег на подоконниках не тронут. Во всяком случае, на втором этаже. Надо будет проверить остальные.

– О! – проворчал Хёрст, – вы думаете, что убийца мог спуститься по веревке и затем убежать той же дорогой...

– Нужно иметь полностью извращенный ум, чтобы выполнить такой маневр! – воскликнул мистер Хадсон.

– Мы видели, как убийцы проделывают и более экстравагантные вещи, – важным тоном возразил Арчибальд Хёрст.

В половине восьмого Твист с Хёрстом встретились в гостиной, где инспектор расположил свой штаб. Снаружи суетились полицейские, изучая следы и ища улики. Жителям пансионата было велено сидеть в своих комнатах, куда Хадсон разнес еду. На переключке отсутствовали только Уильям Скотт и Грэм Смит.

– Итак, я закончил, – произнес невысокий мужчина, бодро входя в гостиную. – Пока всё.

– Не слишком рано? – пробормотал Хёрст, возвращая на место непослушную прядь, постоянно норовящую упасть ему на лоб. – Мы слушаем вас, Лоусон, и сделайте милость: избавьте нас от медицинского жаргона. Заранее спасибо.

– Вы в прекрасном настроении, как я вижу, – широко улыбнулся судебный врач. – Хорошо. Тогда вот: смерть вызвана ударом кинжала, и добавлю, что тот, который нашли в спине жертвы, действительно, согласно моим выводам, является орудием преступления.

– Кроме шуток!

– Позволю напомнить, Хёрст, что в делах такого рода вы постоянно требуете от меня точности. Поэтому я решил

5 *Априори*, на первый взгляд (*фр.*).

впредь разговаривать с вами только официально. Все говорит, что удар был нанесен правой рукой, скорее горизонтально, и...

– Следовательно, мы имеем дело с правой?

– Да. И, разумеется, не очень высоким. Хотя, возможно, это слишком сильное утверждение. Но, полагаю, вы хотите знать, главным образом, умерла ли жертва сразу, не правда ли?

– Да, – ответил Хёрст, едва сдерживая раздражение.

Судебный врач улыбнулся и сделал паузу, прежде чем продолжать:

– Не в силах утверждать это с полной уверенностью, скажу все-таки, что смерть была почти мгновенной. Не исключено, что жертва могла сделать несколько шагов, но, во всяком случае, не в нормальном ритме, осмелюсь утверждать.

– Сколько?

– Прошу прощения?

– Сколько шагов она смогла еще сделать после удара?

– Это очень трудно сказать, были уже случаи, когда, например, императрица Австрии, заколотая итальянским анархистом в Женеве в 1898 году, дошла до...

– Забудьте про императрицу Австрии! То, чего я у вас прошу, это *максимальное* расстояние, которое она могла пройти!

– Не более десяти футов, это официально.

Хёрст тяжело задышал и посмотрел на Твиста, который о чем-то размышлял, закрыв глаза, а затем снова обратился к доктору Лоусону:

– Заметили ли вы цепочку следов на тротуаре?

– Ту, которая заинтересовала стольких ваших людей? Да, кажется, это жертва...

– Более, чем вероятно. У нас скоро будет подтверждение.

Лоусон коротко усмехнулся и едко заметил:

– В любом случае исключено, что в тот момент у нее в спине торчал кинжал.

Как только он ушел, появился молодой полицейский в форме.

– Ничего шеф, совсем ничего, – сказал он, растирая замерзшие руки. – Ничего на заднем дворе, ничего на подоконниках, которые вы попросили проверить, ничего на улице. Следы на тротуаре действительно старушкины.

– Но это невозможно! – воскликнул Хёрст, наливаясь кровью. – Должны быть какие-то следы! Мы же не имеем дела с крылатым убийцей! Между прочим, вам не пришло в голову взглянуть на следы шин на мостовой? Возможно, они скрыли следы убийцы!

– Они были оставлены до: сверху лежит тонкая пленка снега в отличие от следов жертвы, которые очень четкие. Согласно нашим сведениям, снег прекратился как раз перед половиной седьмого. Что касается орудия преступления, тоже никаких следов – я имею в виду, отпечатков.

– Прекратите острить и продолжайте работу.

Молодой полицейский не смог подавить вздох, прежде чем развернуться и выйти. Когда он исчез, повисло напряженное молчание, нарушаемое лишь тяжелым дыханием Хёрста.

– Это невозможно, Твист, вы меня слышите: не-возмож-но! И открывайте глаза, черт побери. Спать он тут собрался!

– Попробуйте успокоиться, мой друг, сейчас не время терять хладнокровие.

– Легко сказать! Надо иметь стальные нервы, чтобы сохранять спокойствие в подобной ситуации. Как у вас!

– Хотя мы еще об этом не говорили, но уверен, вы не преминете сопоставить это убийство с тем, совершенным в викторианские времена, о котором вы мне поведали недавно. Обстоятельства в точности подобны обстоятель-

ствам данного убийства. Правда, в том случае об исчезновении убийцы говорят свидетели, расположенные по обе стороны прохода, а в этом – снег. Но за исключением этой детали, факты совпадают, как если бы история повторилась.

– Это правда, согласен, – вздохнул Хёрст, вытаскивая из кармана большой платок в клетку, которым вытер потный лоб. – Какое-то безумие. Давайте пока оставим это. Сейчас главное, по-моему, понять, как ушел наш убийца. Мы теперь уверены, что он не убежал по улице или через задний двор. Следовательно, остается коридор!

Твист вздрогнул так, что чуть не уронил пенсне:

– Значит, вы считаете, что Хадсон и Шуйлер лгали?

– Нет, разумеется нет. Тем более, что они не были знакомы до этого вечера, как я понял. Я скорее верю, что они стали жертвами трюка. Прежде всего, надо бы их снова допросить.

Твист выразил согласие движением век и сосредоточил взгляд на кольцах дыма, которые посылал к потолку.

– По крайней мере, мы знаем о мотиве преступления. Ясно, что мисс Гарфилд устранили, потому что она узнала убийцу, ответственного также (по всей видимости) за убийство на Рэднор-стрит. Между прочим, она говорила о мужчине или женщине?

– Нет, – проворчал Хёрст, сжимая кулаки. – Она говорила о некоем «лице». Когда я думаю, что она хотела мне назвать имя, а я заставил ее замолчать, чтобы поскорее от нее избавиться, мне хочется волосы на себе рвать!

– Это ничего не даст, – устало заметил Твист.

Хёрст с силой прочистил горло, прежде чем подошел к двери и резко ее распахнул:

– Джонсон, найдите мне Хадсона и светловолосого молодого человека!

– Это самое малое, что я мог сделать, – говорил Питер сахарным тоном, обращаясь к Марджори, которая бесстрастно ставила розы в вазу. – Знаете, обычно я переносу спиртное лучше. Возможно, не стоило мешать виски с шампанским? Честно, не знаю, что на меня нашло, но я не отстану, пока вы не простите моего возмутительного поведения!

Марджори, хотя и обожала розы, чуть не швырнула их ему в голову. «Только что убили бедную мисс Гарфилд, а этот идиот переживает о своей неудаче и лезет из кожи вон, чтобы снова меня завоевать!»

– Послушайте, Питер, меня очень тронул ваш приход, но не *вам* следует извиняться! *Именно* я дала волю рукам, а следовательно, только меня и нужно винить.

– Ну нет! – возразил Питер, хотя колено у него все еще болело. – Вы действовали совершенно правильно. Именно противоположное отношение с вашей стороны меня разочаровало бы.

«Какой лицемер!» – подумала Марджори, спрашивая себя, как бы поскорее все это закончить.

Он сел перед ней и посмотрел с такой неестественной улыбкой, что у Марджори мурашки побежали по спине.

– Согласились бы вы поужинать со мной?

Марджори почувствовала, что сейчас выйдет из себя. И испытала огромное облегчение, услышав, как кто-то стучит в дверь.

– Да, входите! – крикнула она.

Появился полицейский и обратился к Питеру:

– Вас хочет видеть инспектор. Он в салоне.

– Очень хорошо, иду, – ответил Питер явно нехотя.

На пороге он столкнулся с Уильямом Скоттом, который ворвался в комнату Марджори с лицом, красным от возбуждения.

– Кто это? – спросил он у Марджори, как только они остались в комнате одни, причем таким обвинительным тоном, словно она совершила худшее из преступлений.

– Питер Шуйлер.

– Что! Тот тип, который хотел вас изнасиловать прошлым вечером!

– Ну, не преувеличивайте!

– И что он делал здесь? – продолжал Уильям тем же тоном.

Когда она ему объяснила, он погрозил пальцем:

– Если этот тип еще раз тронет хоть волосок на вашей голове, *хоть один*, я размажу его в кашу!

– Я бы сказала, что вы ревнивы! – улыбнулась Марджори.

Немного смутившись, Уильям покраснел, да так, что на лице проступили веснушки. Опустив голову, он провел ладонью по своей полыхающей шевелюре и посмотрел девушке прямо в глаза:

– С этого момента вам необходимо удвоить осторожность. Видели, что произошло с мисс Гарфилд?

– Думаете, ее убили потому, что она что-то знала?

– Это больше, чем вероятно. Ее странное поведение не ускользнуло ни от кого, а главное – от убийцы, который не отступит ни перед чем, как вы, надеюсь, теперь хорошо понимаете.

Марджори побледнела и закрыла лицо руками. По щекам потекли слезы.

– О, Боже! А я только начала верить, что увиденное мною в ванной было лишь совпадением...

– Полагаю, теперь ситуация абсолютно ясна, – сказал Уильям, подавляя сильное желание обнять девушку. – Тот,

кто скальпировал Салли Джексон, убил и мисс Гарфилд. В семейном пансионате скрывается убийца.

Повисло молчание, и постепенно присутствие убийцы стало ощущаться все более явно, словно он находился в этой же комнате.

Марджори вытерла слезы и высморкалась. Уильям протянул ей свою пачку сигарет, и после короткого колебания она взяла одну.

– Я только что прибыл, – заявил молодой репортер. – Эти дураки полицейские тут же отправили меня в мою комнату. Кажется, с ними доктор Твист...

– Да. Он попросил меня сделать вид, словно мы с ним не знакомы, и сказал, что поговорит со мной позже.

– Между прочим, узнали что-нибудь за сегодня?

– Нет, я не выходила из комнаты всю вторую половину дня. Ланч прошел абсолютно банально, но мисс Гарфилд выглядела более обеспокоенной и измученной, чем вчера вечером... А вы? Наверное, провели свое расследование смерти Салли Джексон?

– Да, но безрезультатно.

– Было чуть позже шести, когда я пошел открывать дверь мистеру Шуйлеру, – заявил Джерри Хадсон. – Я в этом тем более уверен, что надел пальто и перчатки, чтобы выйти купить чай. И мы не выходили из коридора до прихода мисс Гарфилд ровно в шесть тридцать. Мы слышали бой часов.

– Точно, – подтвердил Питер. – И за исключением мистера, миссис Хадсон и меня самого, там никого не было. Ни в коридоре ни в маленьком тамбуре. Мы стояли непосредственно перед шторами.

– А вы, миссис Хадсон, – Хёрст сверился с записной книжкой, – вы в шесть тридцать вернулись на кухню?

– Да, примерно так.

Доктор Твист посмотрел на приоткрытые шторы. Он подошел к ним, раздвинул, затем открыл входную дверь, которая громко закрипела.

– Если бы кто-то за это время зашел и прятался за шторами, вы бы непременно услышали, как открылась дверь...

– Конечно! – согласился Питер. – Кроме того, я стоял лицом к тамбуру вот здесь, а отсюда прекрасно видно пространство между шторами. Невозможно не заметить, как открывается дверь.

Доктор Твист встал рядом с Питером – там, где на полу белел контур обведенного мелом тела, которое только что унесли, затем утвердительно кивнул. Хёрст повернулся, внимательно оглядывая коридор. Через тридцать футов он упирался в дверь кухни. Другая дверь, что вела в гостиную, оказывалась слева – как раз напротив лестницы. Других проемов не было.

– Значит, около шести тридцати, – продолжил читать записи инспектор, – вы направились в кухню.

– Именно так, – подтвердил мистер Хадсон. – Я хотел узнать, чем занимается жена, и она мне ответила, что готовкой.

– Это заняло не более десяти секунд, – поспешил уточнить Питер, – и мы не покидали коридора.

– А потом? – спросил Хёрст.

– Потом, – Питер несколько замялся, – мы немного поговорили, приблизительно минуту, но все время оставались на том же месте, то есть перед лестницей.

– О чем вы говорили?

– Э-э... о моем друге, мисс Конвей.

Хёрст бросил на Твиста быстрый взгляд, а затем продолжал:

– Часы пробили половину седьмого, и в этот момент вы услышали, как открылась входная дверь?

– Да, – подтвердил Хадсон, – а так как мы хотели избежать любых разговоров с мисс Гарфилд, то прошли на лестницу...

– Как вы узнали в тот момент, что это мисс Гарфилд?

– Это просто: она всегда возвращается в это время. Каждый вечер (и это с тех пор как она стала жить у нас в пансионате) она гуляет с шести до половины седьмого. И всегда очень точно.

– Наверное, все в курсе этой ее привычки?

– Конечно.

– Гм! – промычал Хёрст, делая пометку. – Полезно знать. Ладно. Следовательно, вы поднялись на лестницу...

– Нет-нет! Мистер Шуйлер едва успел подняться на пару-тройку ступеней, а я шел непосредственно позади него, когда вспомнил про чай...

– Какой чай?

На этот раз именно Эллен дала объяснения. Джерри Хадсон продолжал:

– Я повернулся и увидел, как открылась дверь кухни. Это была жена...

– Да, – перебила миссис Хадсон. – Я хотела напомнить ему про чай для мисс Гарфилд. Поэтому открыла дверь и сразу заметила нечто странное в тамбуре. Шторы были натянуты, за них цеплялись две руки... появилось ее лицо... она двинулась вперед, а затем осела.

Джерри кивнул, подтверждая.

Повисло молчание.

– Убийца вполне мог находиться в проходе с шести часов, – сказал доктор Твист. – Сразу после того, как вы вошли, мистер Шуйлер. Или позже. Но не намного позже, иначе мы заметили бы следы его ног на снегу. Давайте скажем – между шестью и половиной седьмого, самое позднее. Встает вопрос...

– ...куда он делся, – продолжал, Хёрст, вытирая пот, каплями выступивший на висках от усиленных размышлений. – Подождите! Когда вы вышли чтобы преследовать убийцу...

– Он не прятался за шторой, – перебил его Джерри. – Это точно. Тамбур имеет размеры приблизительно пять футов на шесть и не содержит никакого тайника, как сами можете видеть.

– Но, в проходе... вы не посмотрели вверх? Он мог схватиться за какой-нибудь крюк, закрепленный под сводом! И ему было достаточно подождать, когда вы выбежите из прохода, чтобы исчезнуть, *вернувшись в дом!*

– Я бы это увидел, – убежденно заявил Питер.

– Я тоже, – согласился мистер Хадсон.

– Вы забываете одну вещь, инспектор, – спокойно сказала миссис Хадсон, – ведь я осталась стоять на пороге.

Хёрст в полном отчаянии замотал головой:

– Тогда это невозможно. Абсолютно невозможно!

– Что особо поражает, – заметил Питер, приближаясь к старой фотографии, – это преступление как две капли воды похоже на убийство супруги полковника Хадсона... Мы как раз его обсуждали.

Доктор Твист кашлянул, слегка подтолкнув локтем Хёрста, и воскликнул:

– Такое же преступление! О чем вы говорите?

Когда Джерри Хадсон объяснил детективам то, что они уже знали, Твист, в свою очередь, подошел к фотографии. Полковник Хадсон был мужчиной около пятидесяти лет, мощного сложения, со строгим лицом, украшенным внушительными усами. У его жены, намного моложе него, были те же волосы и та же улыбка, что и у Эллен. Не будучи стопроцентным, сходство было бесспорным.

– Таким образом, это – ваши прадед и прабабка... для вас обоих, – заметил Твист, обращаясь к Хадсонам.

Пара подтвердила это, но тут Питер заволновался:

– Но это совпадение преступлений вас совсем не удивляет!

– О! Напротив! – ответил Твист, поблескивая глазами за стеклами пенсне. – Когда преступление повторяется в том же месте и практически в таких же обстоятельствах, речь уже не идет о *совпадении*.

– Что вы хотите сказать? Вы же не думаете, что действует тот же убийца? То преступление произошло около трех четвертей века назад...

Твист не ответил. Он повернулся к Хадсону:

– Ваши жильцы знали эту старую историю?

– Да, мы говорили об этом... так, между прочим, правда, Эллен?

– Да. Но это было довольно давно. Мисс Конвей еще не жила у нас.

Заложив руки за спину, Твист сделал несколько шагов и заметил:

– И то убийство так и не было раскрыто...

– Нет, – вздохнула Эллен Хадсон вздыхая. – Но...

– Но?

– Это преступление было чрезвычайным уже само по себе, но было и кое-что еще... Я не знала своего прадеда, мне все рассказала бабушка Элинор, его дочь...

– Дорогая, ты же не собираешься рассказывать нам об этом индусе! Ты прекрасно знаешь, что полковник начал заговариваться после смерти жены.

– Мы вас слушаем, – отрезал Хёрст.

– Наш пращур, – начала Эллен Хадсон, – как легко видеть по этой фотографии, был нелегкого характера. Крайне ревнив... немного как ты, дорогой.

Сделавшись красным, как рак, Джерри Хадсон запротестовал:

– Я никогда не поднимал на тебя руку, хотя следовало бы!

– Слава богу, ты совсем на него не похож. Мне другого и не надо!

– Позволь все-таки тебе заметить, что...

Хёрст в корне пресек этот диспут:

– Значит, у полковника был тяжелый характер. Дальше...

– Когда он был в Индии (полагаю, он еще не был знаком с будущей женой), то влюбился в местную девушку. Он, должно быть, был сильно влюблен, так как, когда застал ее с местным парнем в обстоятельствах, которые не оставляли никаких сомнений в природе их отношений, то избил его палкой и очень жестоко. Тот парень не умер, но его левая рука оказалась раздроблена и одна из ног отказывалась служить. Неприятное дело, которое могло стоить нашему горячему предку очень дорого. Без сомнения, ему дали нагоняй. Но он был бравым молодым офицером, отмеченным своими командирами, и они не дали хода этой печальной истории. С того времени индус, который мог владеть только правой рукой, постоянно показывался на глаза полковнику, вооруженный кинжалом, и угрожал: «До самой смерти этот клинок будет преследовать тебя и принесет тебе несчастье!»

Он получил еще одну взбучку, на этот раз без свидетелей, и больше наш прадед о нем не слыхал. Тем временем он помирился с той девушкой. Однажды вечером он услышал, как она кричит из маленькой комнаты, где умывалась, просто задернув шторы. Он увидел, как она высунула голову в щель между шторами, а затем упала замертво с кинжалом в спине. Он бросился в комнатку, но там никого не было. Слуховое окно, которое выходило в сад, оказалось приоткрыто. Но ни одной живой души. Убийца сбежал так быстро, словно у него был ковер-самолет!

– *Словно у него был ковер-самолет*, – повторил Хёрст, четко выговаривая каждый слог. – Если я правильно понимаю, следует предположить, что через многие годы этот индус отправился в Англию *со своим ковром-самолетом*, чтобы заколоть жену полковника и этим отомстить ему, а затем убежал *на своем ковре-самолете*.

– Послушайте, инспектор, я вам просто повторяю рассказ моей бабушки. И не понимаю, зачем бы ей придумывать эту историю.

– А полиция была в курсе всего этого?

– Нет, не думаю. Мой прадед хранил эту тайну до последних месяцев жизни, когда начал разговаривать во сне. Он всегда повторял одну и ту же фразу...

– Короче, свихнулся, – сказал мистер Хадсон с легкой улыбкой.

– А что конкретно он говорил? – спросил Хёрст.

Эллен Хадсон чуть замялась, прежде чем ответить:

– «Смерть... смерть за шторами». Это стало настоящим кошмаром, он не мог больше спать. Спускался в коридор и показывал на шторы перед тамбуром: «Он там... позади... со своим ножом...» Понятно, что там никого не было. Кризисы усиливались, нужно было его лечить. Под напором детей он кончил тем, что рассказал свою странную историю.

Повисло продолжительное молчание, которое нарушил Твист, обращаясь к миссис Хадсон:

– Ваша бабушка присутствовала во время убийства своей матери?

– Да, она была в кладовке, то есть в небольшом помещении, окно которого выходит в крытый проход и в котором всегда стояло пианино. Но она не смогла сильно помочь в расследовании – у нее очень слабое зрение.

– Она ладила со своим отцом?

– Да, насколько я знаю. Но не ее брат. Однажды полковник его сильно избил за то, что застал с горничной... В общем, на поправку ушло много времени.

– Речь идет о той же персоне, с которой он находился в заднем дворе во время убийства?

– Да, кажется.

В этот момент открылась входная дверь, и вошел полицейский, к которому тут же обратился Хёрст:

– Значит, на орудии преступления никаких следов?

– Нет, абсолютно. Убийца работал в перчатках. Но я спрашиваю себя, где он взял этот кинжал. Вы, разумеется заметили, это совсем не та модель с коротким...

– Дорогой! – воскликнула Эллен Хадсон. – Кинжал?... Не тот ли это...

Мистер Хадсон замер на несколько секунд, прежде чем заговорить:

– Черт побери! Мне действительно кажется, что да! – Под вопросительными взглядами детективов, он объяснил: – Знаете, речь идет о коллекции холодного оружия, оставшейся от полковника Хадсона...

– Той, что висела на лестнице и упала во время старого убийства? – спросил Хёрст, откидывая непослушную прядь волос со лба.

– Да. Мы сохранили ее, она должна быть на чердаке.

– Том, – рявкнул инспектор, обращаясь к полицейскому, – быстро принесите орудие преступления!

– Сейчас, но я ничего не обещаю, ребята уже собрались уезжать...

– Живо, черт побери!

Молодой полицейский вернулся менее, чем через минуту. Хёрст вырвал у него из рук кинжал, завернутый в ткань.

Все внимательно рассмотрели то, что видели чуть раньше в спине старой девы. Это было оружие с длинным, острым и хорошо сбалансированным лезвием, перламутровой рукояткой и гардой, покрытой тонкой чеканкой.

– Мне кажется, – неуверенно заявил мистер Хадсон, – что именно этот кинжал убил нашу прабабку. Он хранился в семье...

– Боже! – задрожала его супруга, – полагаю, ты прав. Но самое простое – пойти взглянуть на щите. Я помню место, где находилось орудие преступления. Если его там не окажется...

– Прекрасно, – согласился Хёрст, – давайте пойдем, – его взгляд остановился на Питере: – Мы вас больше не задерживаем, молодой человек. Можете вернуться к себе.

– Но...

– Мы скоро дадим вам подписать ваши показания.

Тон инспектора был категоричен; Питер Шуйлер, попрощавшись, ушел с гордым видом.

Когда они поднялись на пятый этаж, Хёрст пыхтел, как тюлень. В коридор выходили четыре двери; три из них заслуживали это наименование, а четвертая скорее напоминала грубую театральную декорацию. Именно к ней направились пришедшие. Мистер Хадсон открыл дверь и включил рубильник. Загоревшаяся голая лампочка осветила кучи коробок, сундуков и различной мебели, сложенные почти до потолка. Хадсон начал поиски под внимательным взглядом доктора Твиста, пока Хёрст пытался восстановить дыхание, выпуская изо рта клубы пара в холодный воздух. Потребовалось меньше минуты, чтобы Джерри Хадсон нашел, что искал. Между двумя столами, накрытыми пыльными покрывалами, стоял большой де-

ревянный щит, заполненный потускневшими клинками. Эллен Хадсон подошла к мужу. После короткого осмотра они обменялись взглядами, а затем повернулись к полицейским:

– Его там больше нет, – заявила миссис Хадсон, указывая на пустое место в середине щита, где торчали два пустых гвоздя.

– Солидная коллекция, – заметил Твист с видом знатока, с удовольствием рассматривая около тридцати кинжалов различной формы и размеров. – Полковник Хадсон, должно быть, был экспертом.

– Да, без сомнения, – согласилась миссис Хадсон. – Кажется, он ею очень дорожил. Между тем весь арсенал перенесли на последний этаж и, наконец, поместили сюда. Но моя тетя не решилась продать коллекцию, несмотря на ужас, который она ей внушала.

– Я ее понимаю, – сказал Твист, который не прекратил рассматривать различные экспонаты. – Замечательно, абсолютно замечательно. У вас тут прямо-таки небольшое состояние...

Хёрст начал волноваться:

– Мы удаляемся от темы, дружище. Мы не в музее.

– Простите, – вмешался мистер Хадсон, – вы не думаете, что можно было метнуть кинжал в мисс Гарфилд из окна или даже из машины, с улицы...

– Представьте себе, мистер Хадсон, – заметил Хёрст выпячивая грудь, – мы об этом уже думали. Только вот: следы шин на дороге были оставлены *до того*, как прошла мисс Гарфилд: их покрывала тонкая пленка снега. Что касается гипотезы об убийце, стоящем за окном на улице, следует рассмотреть только последний дом до прохода, так как судебный врач утверждает, что после удара жертва не могла сделать более десяти шагов. И даже это маловероятно: после удара следы должны были бы отличаться-

ся. Однако этого не произошло: как вы прекрасно видели, они совершенно одинаковы. Мисс Гарфилд закололи в проходе; ударили ли рукой или метнули кинжал, это ничего не меняет. Вопрос остается: *как убийца убежал?*

– Шаги... Регулярность шагов, – задумчиво прошептал мистер Хадсон. – А если...

– Что вы хотите сказать?

– Ничего, пустяки... это было бы слишком абсурдно.

– Послушай, дорогой, если у тебя есть какая-то мысль, ты должен рассказать!

– Нет, это в самом деле смешно...

– Полагаю, – тихо заметил Твист, – вы думаете, что мисс Гарфилд могли заколоть, а она этого не заметила? Известны прецеденты...

Мистер Хадсон выразительно поморщился:

– Да, я так и подумал, но это неправдоподобно.

Твист повернулся к Хёрсту:

– Неправдоподобно... это так, но не невозможно. Я хочу сослаться на убийство императрицы Австрии, которая...

– Больше не напоминайте мне об этой тетке! – взорвался Хёрст.

– Не скажите такого при австрийцах, – посоветовал Твист. – Это была выдающаяся женщина, красавица. Но для подобной гипотезы все же необходимо, чтобы убийца смог приблизиться к своей жертве. Это приводит нас к перекрестку, где ее следы смешиваются с другими. А это, должен признать, мне кажется слишком далеко... Но все-таки думается...

Прищурившись, детектив глядел в центр щита, где было пустое место.

– Закончите фразу, Твист, черт побери. Сейчас не время играть в загадки!

– Так как мы знаем, *откуда* убийца взял оружие, мы знаем также – даже можем быть уверены – *где* он живет!

За этими словами последовало долгое молчание. Мистер Хадсон серьезно кивнул, но его жена воскликнула:

– Что! Вы хотите сказать, что кто-то *отсюда* убил бедную мисс Гарфилд.

Доктор Твист посмотрел на лицо молодой женщины, бледность которой еще усилилась от мертвенно-бледного света лампочки.

– Следует признать очевидность, мадам: можно ли представить, чтобы человек, чуждый этому дому, поднялся сюда, чтобы взять кинжал? Но не только это: сходство между убийством мисс Гарфилд и убийством вашей прабабки не может быть простой случайностью. Я не углубляюсь пока в причину, по которой убийца придал своему преступлению сходство с убийством жены полковника, но в любом случае ясно, что он знал об этой старой истории...

– О Боже! – вздохнула миссис Хадсон.

– Но тогда, – сказал ее муж, – он, разумеется, должен был понять способ, каким исчез убийца нашей прабабки!

Хёрст пожал плечами:

– Очевидно.

– То есть, – продолжал мистер Хадсон, – это рассчитанное преступление...

– Его не так уж трудно было рассчитать, – заметил Хёрст, – поскольку мисс Гарфилд совершала прогулку каждый вечер в один и тот же час. У него было время подготовить свой удар.

Лицо Твиста покрылось многочисленными морщинами.

– Что-то не сходится. Наш друг мог знать о привычке мисс Гарфилд, но он не мог предусмотреть приход мистера Шуйлера и то, что он останется в коридоре с вами, мистер Хадсон, до возвращения мисс Гарфилд, – короче, что будут свидетели в коридоре, как и в старом деле. И еще меньше он мог предвидеть то, что снег прекратится в шесть двадцать пять. Так как именно этот девственный снег, по-

видимому, доказывает, что он – не убийца, и заменяет, так сказать, свидетельства учителя музыки и его друга, а также свидетельства сына Хадсона и маленькой горничной. Одним словом, джентльмены, преступление не могло быть запланированным.

– Но это же не подлежит сомнению! – воскликнул Хёрст. – Даже если предположить, что сходство между обоими преступлениями не простое совпадение, убийство такого рода – не импровизация!

– Абсолютно согласен с вами, мой друг, но подчеркиваю, что оно не запланировано. Это невозможно.

Полицейский недоверчиво посмотрел на Твиста:

– Вы сами-то понимаете, что говорите? Вы разделяете мое мнение и поддерживаете противоположное!

– Знаю, Хёрст, это абсурдно. И однако же...

– Тогда остается одно: убийца подготовил удар и ожидал благоприятных обстоятельств!

– И, заметив, что каждый элемент на своем месте, он спокойно поднялся на чердак поискать кинжал? Или еще лучше: он постоянно носил с собой этот здоровенный кинжал? Нет, Хёрст, вашу гипотезу нужно отбросить. Имеется другое объяснение, я уверен, даже если оно кажется невозможным. Мы пока не подошли близко к решению этой невозможности. Давайте оставим пока ее в покое и сконцентрируем свое внимание на подозреваемых. Только два из них в момент преступления были снаружи, это так?

– Мы не видели Скотта с завтрака, – сказал мистер Хадсон. – Что касается Смита...

– Да?

– Ну, я встретил его на лестнице в шесть часов. Он, должно быть, вышел через несколько секунд после мисс Гарфилд. Господин Шуйлер, вероятно, должен был его заметить...

– И его все еще нет, – сказал Хёрст с красноречивой улыбкой. – Но у нас еще будет время его спросить. Следова-

тельно, во время преступления все другие жильцы были в своих комнатах?

– Да... наверное, – подтвердила миссис Хадсон. – За исключением миссис Дрейк, которая спала в гостиной.

– Да, это правда, я ее забыл, – Хёрст задумался. – С какого времени она была там?

– С четырех часов, – ответила миссис Хадсон и рассказала о своем последнем разговоре с мисс Гарфилд вскоре после половины шестого.

– Хорошо, – кивнул Хёрст, когда она закончила. – А теперь я хотел бы заглянуть в кладовку, где стоит пианино.

Хёрст открыл окно и принялся рассматривать решетку, которая его закрывала.

– Промежутки между перекладинами слишком узки, – заметил доктор Твист с легкой улыбкой. – Я вам это уже говорил.

Хёрст, поглощенный своими мыслями, сделал ему знак помолчать.

– Давайте предположим, – сказал он некоторое время спустя, – что оружие находится на внешнем краю окна... Убийца продевает руку сквозь решетку, мисс Гарфилд приближается...

– Но позвольте, мой друг, как, по вашему, он воткнул кинжал ей в спину? Его невозможно метнуть в таких условиях! И даже если старушка приблизилась и подставила спину (что абсурдно), вы прекрасно видите, что окно слишком высоко по отношению к земле! Напоминаю, удар не был нанесен сверху вниз.

– Вы правы, – пробормотал Хёрст, – реализовать все это очень трудно.

Вновь закрыв окно, он оглядел маленькую комнату. Имелось пианино и кучи коробок, заполненных различными предметами. Твист подошел к музыкальному инструменту, открыл крышку и решительно взял аккорд, который заставил вздрогнуть всех, в том числе и его самого.

– Ему требуется серьезная настройка, – заявил он, словно разбирался в этом вопросе.

– Нет, тут уже ничего не сделать, – произнес мистер Хадсон, грустно глядя на старый музыкальный инструмент. – Господин Леман утверждает, что он уже отдал Богу душу.

Твист посмотрел на миссис Хадсон:

– Именно на этом пианино учились играть ваша прабабка?

Женщина кивнула:

– Кажется, она очень любила музыку. Но способностей у ней было маловато, хотя она брала много уроков. А вот ее дочь, моя бабушка, обладала очень ловкими пальцами и хорошо чувствовала музыку...

– Это нормально, – пробурчал мистер Хадсон, пожимая плечами, – Хорошо известно, что слепые очень музыкальны.

– Что? Она была слепой! – удивился Хёрст.

– Нет, не совсем, – сказала миссис Хадсон. – Но у нее было очень, очень слабое зрение. Впрочем, если бы не это, она могла бы увидеть, каким образом была убита ее мать, так как во время драмы находилась перед этим окном.

Чуть позже Твист с Хёрстом оказались в комнате Марджори, которая все еще находилась в обществе Билла Скотта. Девушка поспешила признаться, что все рассказала репортеру, а затем поведала им странную историю Грэма Смита. После чего детективы, уступив настоятельным просьбам молодых людей, рассказали об обстоятельствах трагедии.

– И надеюсь, мистер Скотт, – сказал Хёрст в заключении, – вы сможете придержать свой язык. Надеюсь ради вашего же блага.

– Не беспокойтесь, инспектор, – вмешалась Марджори, – он мне это обещал.

– Вижу, вы не знаете журналистов. Повторяю, Скотт, скажете хоть слово в вашей газете и...

– Но могу же я хоть просто порассуждать об убийстве, которое произошло под моей собственной крышей! Иначе мой патрон укажет мне на дверь!

– Вы прекрасно понимаете, что я хочу сказать, – звонко произнес Хёрст, сдерживая гнев. – Старая дама убита одним или несколькими неизвестными и точка!

– Какая жалость! – простонал Уильям. – У меня уже придумано громкое название: *«Убийца на ковре-самолете»*. О чем задумались, инспектор?

– Я думаю о том, – повторил полицейский с недоброй улыбкой, что вы приближаетесь к голове пелетона...

– Пелетона! Какого пелетона?

– Группы подозреваемых. Добавлю, что вы – человек в этом доме, лучше всего подходящий, чтобы совершить подобное убийство. Ведь вы – журналист, специализирующийся на уголовных преступлениях...

– Бесспорно, – с гордостью ответил Уильям.

– И я собираюсь проверить одну теорию. Где вы были в шесть тридцать?

– Послушайте, инспектор, вы же не серьезно, надеюсь?

– Отвечайте на вопрос!

– Но... Я... Но это же абсурдно! Все же не собираетесь подозревать невинного репортера? Какая у меня может быть причина, чтобы...

– Достаточно! – отрезал доктор Твист. – Сейчас действительно не тот момент, чтобы ссориться, как мальчишки. – Затем более спокойным тоном добавил: – Расскажите нам, что вы думаете об этом преступлении, мистер Скотт, и о странном признании Грэма Смита.

– Да, я нахожу это странным и абсолютно непохожим на него. Он по своей природе не очень словоохотлив... Я действительно не понимаю, как относиться к его признаниям. К тому же, невозможно не связать это с убийством на Рэднор-сквер, такие совпадения...

– В этом деле вообще много совпадений, – перебил его взбешенный Хёрст. – Слишком много. А я не верю в совпадения!

– Между прочим, – внезапно вступила Марджори, – вы исследовали проход? Возможно, есть тайный ход! Или еще лучше: адская машинка, мечущая кинжал, когда человек оказывается на пороге дома. Это объяснило бы оба убийства...

– Увы, мисс, – чуть улыбнулся Хёрст. – Мои люди, образно говоря, исследовали с лупой каждый камень, но ничего не нашли. Могу вас заверить: нам не в первой сталкиваться с проблемой такого рода. И *никогда* мы не находили тайного хода. И в этот раз не найдем... Ладно, нам нужно расспросить других жильцов. А пока – молчок! Самое главное, никаких намеков на убийство на Рэднор-сквер. Убийца не знает, что мы ищем его и за это преступление, и это наша козырная карта в... Скотт, что с вами?

– Забавно, но я только что подумал об одной вещи. *Он* присутствовал при обоих преступлениях.

– Кто *он*? – заорал инспектор.

Прежде чем ответить, Билл бросил быстрый взгляд на Марджори:

– Питер Шуйлер.

– Питер Шуйлер, – морщась, повторил Хёрст. – Но что заставляет вас думать, что он был на Рэднор-сквер в тот первый вечер?

Журналист повернулся к Марджори, которая пробормотала:

– Это правда... Я забыла назвать вам имя молодого человека, с которым я поссорилась в тот вечер. Это был он.

В комнате повисло тяжелое, гнетущее молчание.

– Но, в конце концов, он не мог быть тем мужчиной из сквера, – воскликнула Марджори. – Тот носил темную одежду и шляпу, а у Питера был довольно яркий костюм.

Ни наши две ищейки, ни журналист не шелохнулись. Было ясно, что попытки девушки оправдать Питера не произвели на них никакого впечатления.

Уильям посмотрел на детективов:

– А если эта ссора всего лишь притворство.... то есть, искусно спровоцирована нашим человеком, чтобы создать себе алиби? О да! Марджори, вы готовы клясться, что не он убийца, *из-за его одежды*. Но, если как следует подумать, это ровно ничего не доказывает.

Чуть подумав, Марджори возразила:

– А я говорю вам, что эта ссора – не розыгрыш! Кроме того, он был не в состоянии совершить это преступление... И к тому же, зачем ему убивать ту женщину?

Уильям долго смотрел на нее со снисходительной улыбкой:

– Вы иногда заставляете меня думать о молодых провинциалках, у которых нет опыта и которые позволяют себя...

– Скажите сразу, что я – дура!

– Вовсе нет! Я просто надеюсь, что теперь вы поняли, к какой категории нужно отнести этого молодого человека с претензиями! Меня ничуть не удивило бы, если эта Салли Джексон была его любовницей и он ее устранил, потому что... потому что она, возможно, слишком вцепилась в него.

– Любопытно, что вы это говорите, Скотт, – вмешался Хёрст. – Согласно различным свидетельствам, кажется, что у Салли Джексон была связь на стороне. Мы не могли, конечно, напрямую спросить мужа, но соседи видели, как она неоднократно выходила в неурочные часы.

Уильям с триумфом посмотрел на Марджори.

– Да, присутствие мистера Шуйлера на местах преступления довольно любопытно, – заметил инспектор. – Но он не может быть нашим человеком...

– А почему это? – полюбопытствовал Уильям сердитым и разочарованным тоном.

Хёрст широко улыбнулся:

– Да просто подумайте, Скотт! С одной стороны, мы знаем, что наш убийца живет здесь, с другой – мы уверены, что он не мог убить мисс Гарфилд!

Оставив поникшего молодого репортера сидеть под насмешливым взглядом Марджори, Хёрст с доктором Твистом вышли из комнаты.

– Почему я живу на последнем этаже! – переспросила миссис Дрейк с легкой улыбкой. – Люди часто задают мне этот вопрос. В какой-то степени я их понимаю...

– Вам не тяжело постоянно подниматься и спускаться по этой лестнице? – осторожно спросил доктор Твист.

Слепая помедлила перед ответом:

– Не больше, чем кому-либо другому, – я знаю дорогу, как саму себя. Видите ли, когда я приехала сюда, все комнаты были заняты, за исключением этой. У меня просто не было выбора. Когда освободились две комнаты на втором этаже, мистер и миссис Хадсон сразу предложили их мне за ту же арендную плату – очень мило с их стороны, так как они более просторные. Я тут же отказалась. Это дало бы мне почувствовать, что со мной возятся как с инвалидом. Этого я не могла принять. За исключением зрения, я – такой же человек, как любой другой. Кроме того, мне здесь очень хорошо. И я обнаружила, что никто из других жильцов не покинул свою комнату, чтобы переехать на второй этаж. Когда привыкаешь...

– Я очень хорошо понимаю вас, – перебил Хёрст, чтобы сменить тему. – Значит, к четырем часам вы заснули в кресле гостиной.

– Да, примерно в это время, – она привычным грациозным жестом провела по золотистым волосам. – Заметьте, это со мной не часто. Разумеется, время от времени... А затем вы меня разбудили, чтобы сообщить ужасную новость... Бедная мисс Гарфилд, я действительно не понимаю, как кому-то могло понадобиться... Хотя...

– Да? – спросил Хёрст с надеждой в голосе.

– В последнее время мне она казалась странной. Обычно именно она оживляла разговор, делилась старыми воспоминаниями, но вот уже несколько дней в основном молчала. Она казалась обеспокоенной, что-то ее мучило, но не могу сказать что. Но, полагаю, вы что-то знаете?

Твист и полицейский удивленно посмотрели друг на друга.

– Что заставило вас это сказать? – спросил Хёрст, внимательно наблюдая за слепой.

На лице дамы появилась стеснительная улыбка:

– Ну... Не думайте, что я шпионю, но когда я спала в гостиной, меня разбудил шум. Кто-то звонил по телефону, стараясь не разбудить меня. У меня очень тонкий слух, и я без труда узнала голос мисс Гарфилд. Я пыталась не слушать, но все-таки разобрала, как она назвала Скотланд-Ярд и...

Миссис Дрейк не закончила фразы и смутилась:

– Странно, я только что вспомнила, что почти одновременно с тем, как мисс Гарфилд повесила трубку, я услышала, как очень тихо закрылась дверь...

– Выходящая в коридор?

– Думаю, да.

– То есть, кто-то еще смог подслушать этот телефонный разговор?

– Да, по всей видимости.

– И когда это было?

– Трудно сказать, я сразу вновь заснула. Вероятно, между пятью и шестью часами.

– Не вспомните чего-нибудь еще? Подумайте, это может оказаться очень важным.

– Нет, в самом деле. Вы думаете, это может иметь отношение к убийству?

Хёрст прочистил горло:

– Не обязательно. Но в подобном деле мы вынуждены рассматривать гипотезы, в которых следует учесть каждую деталь.

Лицо миссис Дрейк разгладилось.

– Да, очевидно.

В молчании, которое последовало, доктор Твист обвел взглядом комнату: шкаф, кровать, стены, оклеенные обоями светло-розового цвета, и впечатляющий туалетный столик с зеркалами, на котором выделялся великолепный парик, надетый на болванку.

– Вы были парикмахером? – спросил он сочувственно.

– Да, – сказала она с горечью. – Догадываетесь, по какой причине я вынуждена была прекратить свою деятельность, хотя была еще абсолютно способна делать прически... Вы видите на столике мои рабочие инструменты...

Хёрст посмотрел туда, а затем его взгляд вернулся к слепой. Не зная в точности почему, он был удивлен выражением ее лица. Идеальный овал, гладкая кожа, окруженная золотистыми локонами. Тонкие и хорошо очерченные губы скривились в полуулыбке, а блестящие глаза, казалось, радостно смотрели вокруг.

– Инспектор... – начала она.

– Да, миссис Дрейк?

– Если желаете, можете воспользоваться моими услугами... У меня еще не было удовольствия причесывать инспектора из Ярда, и я была бы счастлива, если вы согласитесь...

Хёрст вскинул обе руки жестом категоричного отказа:

– О Боже, н... Хотя да, но... Нет, это невозможно! У меня свой личный парикмахер... Он очень мнителен. Обидится, если узнает, что кто-то другой занимается моими волосами... Просто заболит...

Когда оба детектива оказались в коридоре, Хёрст облегченно вздохнул:

– Еле ускользнул, но видит Бог: это было нелегко. А вы... вы ничего не сделали, чтобы помочь мне!

Твист приложил палец к губам и начал спускаться по лестнице.

– Я думал, мой друг, – сказал он, набивая трубку. – Мы знаем теперь, что убийца застал мисс Гарфилд в момент ее звонка в Скотланд-Ярд и из этого сделал вывод (совершенно правильный), что она собирается его разоблачить. Даже если у нее не было серьезных доказательств, он не мог рисковать и оставлять ее жить. Итак, мы знаем, что он был в доме между пятью и шестью часами и можем

вывести из подозрения одного подозреваемого: Уильяма Скотта.

– Твист, вы же не думали, что я считал его преступником! Он – первоклассный зануда, но не убийца.

Твист молча зажег трубку.

– Я подумал кое о чем, – продолжил Хёрст другим тоном. – Возможно, миссис Дрейк не такая уж слепая, как хочет заставить нас поверить...

– Вы меня удивляете, мой друг. Я с трудом представляю человека, играющего роль инвалида в течение нескольких лет. Это было бы сумасшествием.

– Я не в состоянии объяснить это, признаю. Но моя интуиция... Черт побери, вы видели ее глаза! Она смотрит на вас, словно видит насквозь!

– Это попросту потому, что она пытается определить, где вы находитесь, когда говорите. Но к чему вы клоните?

– К тому: она была в лучшем месте *et de loin*,⁶ чтобы совершить преступление.

– Понимаю. Вы продолжаете настаивать, что мисс Гарфилд убили из зарешеченного окна.

– Знаю, действительно *a priori*⁷ это кажется невозможным, но скажу, что это наименее невозможное из невозможного. Можно было бы, например, представить кинжал в виде копья, наконечник которого пуст и может соединяться с рукояткой или чем-то в этом роде.

– Напомню вам, что жертву закололи в спину. Если справедлива ваша версия, убийца должен был бы сделать так, чтобы мисс Гарфилд повернулась к нему спиной. Если даже предположить, что он нашел такой умелый способ, я считаю, что мисс Гарфилд слишком умна и не стала бы доверять человеку с копьем или кинжалом. Давайте так-

6 И намного (*фр.*).

7 Априори, на первый взгляд (*лат.*).

же не забывать, что у нее были все причины опасаться этого человека... Знаете...

– В шесть тридцать, – возразил инспектор, – миссис Дрейк находилась *одна* в гостиной.

– Прошу прощения: в кладовке и вооруженная копьем, если верить вашей теории.

– Все равно, – проворчал Хёрст, – никто другой не смог бы там оказаться. Или же она должна была бы его услышать, раз у нее такой тонкий слух. В любом случае во время преступления и до нашего прибытия всегда кто-то был коридоре, что помешало бы убийце незаметно удрать.

– Если только он не скрылся в кухонной плите.

– Очень смешно, Твист, очень смешно. И еще: вы не находите странной ту историю про тихо закрывшуюся дверь? Мне это кажется хитростью, чтобы отвести подозрения.

– Но за каким чертом? Мы знаем, что мисс Гарфилд звонила в Скотланд-Ярд в это время, чтобы поговорить с вами. Так как она была убита в течение следующего часа, мы можем почти быть уверенными, что убийца слышал, как она звонила. Одно из двух: или миссис Дрейк нам лжет и она виновна, или говорит правду и невиновна.

– Прекрасная дедукция, – не без иронии заметил Хёрст. Твист пожал плечами.

– Прекрасная, – повторил полицейский, – но неверная!

– В самом деле? – удивился доктор Твист, поправляя пенсне.

Улыбка с трудом сдерживаемого ликования осветила красное лицо инспектора:

– Существует третья возможность: миссис Дрейк действительно виновна, но говорит нам правду, утверждая, что кто-то другой застал мисс Гарфилд во время звонка. Но тот факт, что кто-то что-то случайно услышал, не доказывает, что этот человек обязательно убийца.

Твист некоторое время молчал, с восхищением глядя на инспектора:

– Хёрст, друг мой, вы на правильном пути.

– Когда сказал, что только миссис Дрейк может быть виновной?

– Нет, я хочу сказать, что вы начинаете думать. Скоро сможете обходиться без меня.

Спустившись на этаж ниже, они остановились перед комнатой Альфреда Лемана.

– Войдите! – слышалось тут же, когда Хёрст постучал в дверь.

Детективы увидели неприбранную комнату, в центре которой взад и вперед расхаживал музыкант.

– Я начинаю работу через четверть часа, – сообщил он с вынужденной улыбкой. – Если бы вы смогли покороче... Вообще-то, не вижу, чем могу быть вам полезным.

– Позвольте нам самим об этом судить, – авторитетно заявил Хёрст.

Допрос немного дал детективам: Альфред Леман знал жертву так же, как другие жильцы, он не покидал комнату во второй половине дня, а во время преступления отдыхал в кровати.

После некоторого молчания Хёрст словно между прочим спросил:

– Вы носите парик, мистер Леман?

Музыкант побледнел. Он зажег сигарету и сел лицом к окну, повернувшись спиной к следователям.

– Да, – сказал он срывающимся голосом. – Могу я узнать причину этого вопроса, джентльмены, если это не слишком нескромно?

Твист кашлянул, словно извиняясь за друга:

– По правде говоря, нас интересует не тот факт, носите ли вы парик. Скорее история, рассказанная одним из

жильцов в связи с инцидентом, относящимся к вашему парикю.

Леман нервно сжал сигарету. На безукоризненный черный костюм упало немного пепла, который он тут же смахнул тыльной стороной ладони.

– Как я понимаю, – заявил он, все еще сидя к ним спиной, – вы намекаете на Грэма Смита, который вырвал волосы соседке... на это, да?

– Да, на это, – повторил Хёрст, не сводя глаз с Лемана.

Тот обернулся, быстро взглянул на собеседников, затем опустил голову и озабоченно вздохнул. После затянувшегося молчания он заговорил срывающимся голосом:

– Довольно неприятно об этом говорить, но... что сказать? – я не мог не думать об этом в связи со смертью... Нет, не бедной мисс Гарфилд, но другой, ну, вы знаете, той несчастной, которую скальпировали в ночь понедельника!

Детективы обменялись взглядами, и Хёрст спросил сладким тоном:

– Как я понимаю, для вас Грэм Смит мог бы быть этим убийцей?

Леман улыбнулся, но с досадой.

– Я бы так не сказал, но... Это странный человек, никогда не знаешь, что он задумал. Возможно, после того несчастного случая с его матерью он несколько повредился головой... Впрочем, он отправился к соседке глубокой ночью, чтобы отрезать ей волосы! И как! Наполовину содрал с нее кожу, да! Надо быть безумным, чтобы сделать такое! Он получил по заслугам. – Леман с неприязнью посмотрел на огонек сигареты, словно это и был Грэм Смит. – Итак, да, мне не кажется невозможным, что убийца на Рэднор-сквер и этот тип – один и тот же человек!

– Но вообще-то, – спокойно заметил Твист, – насколько я знаю, вы вышли из комнаты, когда Смит рассказывал свою историю...

– Действительно. Но доктор Стэффорд на следующий день все мне подробно рассказал. Что меня больше всего поражает, это то, что Смит в этом признался. Словно тут есть чем гордиться! Впрочем, он покинул Гринхилл вскоре после этого неприятного акта.

– Гринхилл, вы говорите, – Твист вновь поправил пенсне. – Любопытно, но человек, который нам об этом рассказывал, утверждал, что Смит не уточнил названия деревни. Откуда вы можете знать об этой детали?

Улыбка застыла на лице Лемана.

– Дело в том, что мне уже рассказывали об этом инциденте. – Закрыв глаза, словно чтобы освежить память, он добавил: – Сейчас не вспомню, кто именно, но в любом случае знаю, что это был кто-то из Гринфилда... Там у меня друзья... Все это было довольно давно... Нет, в самом деле, больше ничего не помню. А теперь буду очень признателен, если вы позволите мне уйти. Спектакль начнет с минуты на минуту, и мое присутствие необходимо...

– Это правда, вы – пианист, – сказал Хёрст, задумчиво качая головой. – Последний вопрос: пианино внизу – кажется, вы заявили Хадсонам, что поломка непоправима...

– Это так, – подтвердил Леман, не скрывая недоумения. – Конечно, нет ничего непоправимого, если не постоять за ценой. Просто я хотел сказать, что расходы превзошли бы покупку нового инструмента.

– Вы тщательно его осмотрели?

Леман посмотрел на доктора Твиста, словно сомневался в психическом здоровье инспектора.

– Да, там сломана механика. Но не понимаю, как это может быть связано...

– Пока все, мистер Леман. Приятного вечера.

На лестничной площадке оба детектива смотрели, как пианист торопливо спускается вниз. Когда его шаги затихли, Твист спросил друга:

– Вы, кажется, цепляетесь за все, что связано с кладовой. Могу узнать, о чем вы думали, задавая ему этот вопрос о пианино?

– В какой-то степени это выстрел наугад, – сказал Хёрст, разглаживая усы. – Возможно, он что-то подстроил в пианино, кто знает?

– Подстроил в пианино? – недоверчиво повторил Твист. – Я вас не понимаю, мой друг. Если только вы не подумали о пресловутом копье, которое якобы было скрыто в инструменте...

Хёрст раздраженно махнул рукой.

– Повторяю, я не думал ни о чем конкретно. Не могу сказать почему, но уверен, что это пианино сыграло определенную роль...

– Вот здесь вы правы, – согласился Твист. – Пианино действительно сыграло роль в деле супруги полковника, но вы на много миль от того, чтобы знать как!

– Объясните, тысяча чертей!

– Предпочитаю пока ничего не говорить, так как не смогу все объяснить и опасаясь, что еще больше вас запутаю. Поэтому, ради Бога, забудьте то, что я сказал.

Комната доктора Стэффорда оказалась на том же этаже. Хёрст, который по опыту знал, что настаивать на уточнениях бесполезно, разрядил злость, неистова стуча в дверь. Когда Стэффорд открыл им, инспектор процедил в качестве оправдания что-то невразумительное и представился.

– Какая трагическая новость! – произнес хозяин комнаты, поправляя халат. – Ввиду сложившихся обстоятельств, как насчет скотча, джентльмены?

Согласившись, они уселись в кресла, предложенные Стэффордом. Виски пили молча, а затем Хёрст, как до этого у Лемана, узнал у врача, что тот провел всю вторую половину дня в своей комнате.

– Вы мне скажете, что я вмешиваюсь не в свое дело, – заявил Стэффорд, вновь наполняя бокалы, – но я чувствую, что в нашем доме скрывается убийца...

– Ничто не доказывает, что мисс Гарфилд заколол кто-то отсюда, – заметил Хёрст, добродушно раскуривая сигару. – Но полагаю, что у вас есть свои причины так говорить.

Любопытный блеск заиграл в стеклянных глазах Стэффорда.

– Я действительно говорил об убийце, но имел в виду не убийцу мисс Гарфилд. Рэднор-сквер – вам это что-нибудь говорит? – Его собеседники утвердительно кивнули. – Очень хорошо, тогда слушайте.

Вновь детективы услышали рассказ про тот вечер, когда Грэм Смит сознался в нападении на бывшую соседку – миссис Крошоу.

– Я ничего не утверждаю, – закончил Стэффорд, – но совсем не удивлюсь, если узнаю, что этот негодяй Смит – убийца на Рэднор-сквер. А что вы об этом думаете?

– Нам уже сообщили об эпизоде в тот вечер и сделали такие же выводы, – заметил Твист, осторожно разглядывая их визави сквозь пенсне.

– Значит, я не единственный, кто так думает. Между прочим, вы его самого допрашивали?

– Нет, он еще не вернулся.

Стэффорд рассмеялся.

– Меня это не удивляет. Эта ночная птица, и один черт знает, чем он занимается... Бывают времена, когда у меня возникает куча вопросов на его счет... Конечно, не мне давать вам советы, но на вашем месте я спросил бы у него об источнике доходов.

– Не беспокойтесь, – парировал Хёрст, – мы свое дело знаем. Что еще вы можете о нем рассказать?

– Увы, ничего! Я уже пытался разговорить его несколькими уловками, но он не поддается. Похоже, он постоянно настороже!

– Мне кажется, я слышал, что он – писатель, – рассеянно заметил доктор Твист, разглядывая фотографию на комод.

– Писатель! – засмеялся Стэффорд. – Почему не художник? Встречали где-нибудь его имя?

– Возможно, он пишет под псевдонимом...

Врач пожал плечами, а затем осушил свой бокал. Он предложил налить еще по одной, но детективы отказались и воспользовались этим моментом, чтобы распрощаться. Закрывая дверь, доктор Твист глянул через плечо. Стэффорд наполнял свой бокал, не отрывая взгляда от фотографии на комод.

– Еще чашку чая, джентльмены?

Хёрст, измученный расследованием, не отклонил предложения миссис Хадсон и тем более его друг Твист, который, как и он, оказал честь сэндвичам, приготовленным мужем этой дамы. Они ждали возвращения Грэма Смита, не проявляя особых признаков нетерпения, поскольку знали, что обычно он возвращается довольно поздно.

Тем временем разговор шел своим ходом в теплой кухне, где они удобно расположились на мягких сиденьях старых ивовых кресел.

– У нас были кресла, подобные вашим, во время моей далекой молодости, – заметил доктор Твист с явной ностальгией.

– Моя жена страстно любит все это старье. Она пожелала сохранить все барахло этого дома, где росла при своей тете после преждевременной смерти матери. Со своей стороны, я не жалую эту рухлядь...

– Джерри!

– Не сердись, дорогая, ты же знаешь, я обожаю тебя поддразнивать.

– Итак, – констатировал Хёрст, – вы знаете друг друга целую вечность.

– Вот тут вы ошибаетесь, инспектор. Я, конечно, знал о существовании Эллен и наоборот, по письмам наших родителей, у которых был сильно развит культ семьи. Но встретились мы только после смерти ее тети Аделаиды. Я жил в Новой Зеландии, как мой отец и дедушка.

Доктор Твист казался удивленным:

– В Новой Зеландии?

– Это – старая история, и я боюсь, что...

Хёрст рассмеялся:

– Мой друг их обожает. Давайте, дружище.

– Хорошо. После насильственной смерти его жены наш прадед стал еще более тираничным, и его сын дошел до

того, что сбежал из дома. Он устроился в Новой Зеландии у фермера-овцевода, сын которого учился вместе с ним в Англии, и пригласил парня уехать вместе с ним. Он женился на сестре этого друга, и от этого союза родился мой отец. Моя мать умерла от горячки, когда мне было десять. Отец вновь удачно женился на дочери владельца гостиницы в Веллингтоне, подруге покойной жены по пансионату. Я проводил каникулы у бабушки, успешно покрывая большие расстояния, но городская жизнь мне нравилась и я неплохо ладил с мачехой. Отец изо всех сил старался помогать новой супруге, но приспособлялся с трудом. Он расстался с жизнью, пытаясь остановить понесшую лошадь. Я заменил его – профессия меня устраивала – до начала Второй мировой войны.

Я вступил в десантные войска. Не буду утомлять. Война, перемирие, демобилизация, письмо от лондонского нотариуса, просящего прибыть в его контору как можно скорее. Назначили встречу. В тот же день, прежде чем идти к нотариусу, я решил отправиться на ланч в тихий уютный ресторанчик. Было лишь одно свободное место – за столиком прелестной девушки. Что говорить? Словно удар молнии – бывает же такое!

Миссис Хадсон, немного покрасневшая от удовольствия, закончила:

– Мы понравились друг другу и выяснили, что являемся троюродными братом и сестрой, а следовательно – сонаследниками дорогой тети Аделаиды, которая сохранила наследство для обоих последних отпрысков семьи. У Джерри был опыт гостиничного дела, я... я тоже кое-что умела. С обоюдного согласия мы решили превратить старое здание в семейный пансионат. Разумеется, мы модернизовали все оборудование и переделали большой холл в столовую.

С нежной иронией Джерри Хадсон добавил:

– И мадам сумела сохранить старую мебель, перенесла ее на второй этаж. У нас есть любители, которые регулярно приезжают, чтобы провести время в «Старом Лондоне».

Заскрипела входная дверь. Хёрст, который безуспешно боролся со сном, вздрогнул. Грэм Смит наконец вернулся. Было уже за полночь. Детективы встали из кресел, чтобы перехватывать жильца с пятого этажа, и прошли вместе с ним в его комнату для допроса.

– Вот так, – закончил Хёрст, рассказав об обстоятельствах убийства мисс Гарфилд. – Следовательно, похоже, вы – последний, кто видел старую деву живой...

Грэм Смит, который оставался неподвижным во время перечисления фактов и не отрывал взгляда от инспектора, вытянул длинные ноги, зажег сигарету и еще помолчал.

– За исключением убийцы, конечно, – произнес он, наконец, с намеком на улыбку.

У него был глубокий голос и хорошая артикуляция, а в тоне ни намека на волнение.

– Действительно, – продолжал он, – я видел ее, когда уходил, – около шести. Она выходила гулять, как обычно. Но не могу сказать вам, куда она пошла, поскольку направился в противоположную сторону.

– То есть, вы не сильно можете нам помочь, – сказал Хёрст преувеличенно любезным тоном.

– Нет.

Полицейский хранил молчание, предоставляя высказаться собеседнику, но не преуспел. Угольно-черные глаза жильца под густыми черными же бровями выдержали взгляд инспектора с выражением, граничащим с дерзостью.

– Можете что-нибудь сказать о мотивах этого убийства?

– Ничего.

В молчании, которое за этим последовало, Хёрст бросил вопросительный взгляд на Твиста, но тот, полупри-

крыв глаза, казалось, не следил за разговором. Инспектор сменил тон:

– Прекрасно. Где вы были в шесть тридцать?

– Гулял в городе, в районе Блумсбери.

– Может это кто-нибудь подтвердить?

– Не думаю...

– А затем?

– Что ж... я не делал ничего особенного. Немного бродил там-сям, как обычно...

– Прекрасно, – повторил Хёрст, чувствуя, что кровь приливает к голове. – Ваши документы, пожалуйста.

Смит сунул руку в карман пиджака и подал документы инспектору.

– Гражданин Америки, – прокомментировал полицейский, поглощенный изучением паспорта.

– Да, то есть...

– Родившийся в Лондоне...

– Да, фактически...

– Господин Смит, чем вы живете?

– Я – писатель, хотя...

– Писатель? Где? Здесь или в США?

– Хёрст, друг мой, – вмешался доктор Твист, – если вы позволите этому джентльмену говорить, мы сэкономим массу времени. – Он любезно улыбнулся Смицу. – Можете ли вы нам коротко обрисовать, что вы делали после войны с Японией?

Смит вздрогнул, затем, бросив взгляд на две военные медали, висящие над бюро, улыбнулся.

– Я демобилизовался в конце 1946 года, проведя немало времени на острове, захваченном японцами. Мне делали различные предложения, но в конечном счете я вернулся к своей старой работе наборщика. По совету своего шефа я писал военные рассказы, ведя рубрику, и, клянусь, они были не слишком плохи, так что в итоге вышло две книжки. Затем у меня возникли неприятности с шефом –

глупая история... и я перестал писать. Гонорар от обеих книг и некоторые сбережения позволили пережить финансовые неприятности. Я воспользовался этим, чтобы сменить обстановку. Короче, считая, что у меня есть голова на плечах, чтобы писать такого рода истории, я решил взяться за что-то посерьезней. И вот уже почти два года, как я покинул Америку и вернулся в старую добрую Англию.

– И чем вы занимаетесь с тех пор? – резко спросил Хёрст.

– Работаю над своим проектом.

– То есть?

– Изучение лондонского дна, – ответил Смит, прикрывая глаза. – Поэтому я часто гуляю по вечерам в районе Ист-Энда, чтобы пропитаться атмосферой. Я считаю, что для успешного завершения такого рода предприятия надо сначала в совершенстве овладеть темой.

Хёрст недоверчивую поднял бровь: этот тип морочит им головы или говорит правду? Он спросил имя и адрес его нанимателя, и Смит, порывшись в бюро, их дал.

– Во времена своей молодости вы покинули Англию довольно поспешно, – произнес доктор Твист, когда инспектор закончил делать записи. – Вы тогда жили в Гринхилле, не так ли?

Молния блеснула в глазах Смита, но затем его лицо расплылось в широкой улыбке:

– О! Вижу, вам поведали об этом эпизоде моей юности, об этой шалости, которую дернуло же меня им рассказать...

– Шалость? – удивился Хёрст. – Вы чуть скальп не содрали с соседки и называете это шалостью?

– Скальп... давайте не будем преувеличивать. Впрочем, эта старая карга... как же ее звали?... ах да, миссис Крошоу! Старая карга, говорю я, это заслужила... После того, что она сделала с моей матерью... – Внезапно Смит замолчал. – Но кстати, как вы узнали, что это было в Гринхилле? Я уверен, что не говорил названия деревни, когда рассказывал эту старую историю!

Настала очередь улыбаться Хёрсту.

– Мы же не просто так служим в полиции, мистер Смит. А теперь я хотел бы, чтобы вы сами рассказали нам об этих событиях.

Смит подчинился, но детективы не узнали ничего сверх того, что уже знали.

– Какой драматический конец для вашей матери и сестры, – заметил Твист, когда рассказ закончился. – Если память меня не подводит, в том кораблекрушении было мало выживших?

– Около тридцати. Мое положение было тем трагичнее, что мы путешествовали инкогнито. Я оказался на американской земле в 16 лет: без семьи, без друзей, без адреса, куда идти. В результате меня поместили в семью, и я получил американское гражданство... Ну вот, вы почти все про меня знаете. Но если честно, не понимаю, что может вас здесь заинтересовать...

Хёрст сознательно продлил молчание, а затем сменил тему:

– Имя Салли Джексон вам что-нибудь говорит?

Ни одна мышца не дернулась на лице Смита, чьи непронаемые глаза продолжали вопросительно смотреть на инспектора.

– Нет, – прозвучал ответ, – мне оно ничего не говорит.

– Последний вопрос, мистер Смит: что вы делали в ночь с понедельника на вторник?

– Я был здесь и спал.

Хёрст встал.

– Хорошо, мистер Смит, на настоящий момент это все. Вероятно, мы еще увидимся. Спокойной ночи.

Когда детективы ушли, Грэм Смит долго смотрел на дверь, которая за ними закрылась. Как только шум их шагов затих, он выругался и пнул стул, на котором сидел полицейский.

На следующий день, когда утро уже кончалось, доктор Твист застал Хёрста в его кабинете в Скотланд-Ярде: тот, опершись на подоконник, пристально разглядывал зимний пейзаж. С безоблачного неба солнце бросало лучи на выпавший накануне снег. По улице шло оживленное движение, и на мостовой образовалась широкая грязная полоса.

– Что нового? – жизнерадостно поинтересовался доктор Твист.

Хёрст обернулся и мотнул головой в сторону бюро, на котором лежал кинжал.

– Теперь мы знаем наверняка. Убийца на Рэднор-сквер несомненно тот же человек, кто убил мисс Гарфилд.

– И что стоит за этой уверенностью? – спросил Твист, останавливаясь перед инспектором.

– Убийца хорошо вытер оружие после первого преступления, но мы все-таки обнаружили на рукоятке недавние следы крови. Мелочь, но этого оказалось достаточно. Эта кровь не та, что запачкала лезвие, она относится к редкой группе крови, совпадающей с группой крови миссис Салли Джексон.

– Итак, сейчас мы знаем, с чем имеем дело, – констатировал Твист, доставая свой набор курильщика трубки.

– И еще. Этим утром я уже повидался с Бриггсом. Я попросил его уточнить некоторые факты по полковнику Хадсону... впрочем, без особой надежды. Он быстро взглянул на меня, словно не видя, и выскочил из кабинета, словно у него черти в штанах. Вернулся через три часа.

– И?

Хёрст с сардонической улыбкой уставился на свою ладонь:

– Не знаю, как ему удастся добывать сведения с такой скоростью, вот пройдоха! А дело-то относится к прошлому веку! Что бы там ни было, его сведения подтверждают странный рассказ миссис Хадсон: будучи в Индии, полковник действительно избил местного, позволившего себе пошалить с его любовницей, которую позже нашли заколотой при довольно странных обстоятельствах.

– Довольно странных обстоятельств?

– Да, по крайней мере, так считает Бриггс. По его мнению, как рассказ миссис Хадсон, так и его собственные источники дают странно мало деталей этого убийства, отсюда он заключает, что дело замяли. Это может означать, что подозрения пали на Хадсона. Он был на хорошем счету, и его командиры, учитывая ситуацию – 1857 год, назревало восстание сипаев, – не стали раздувать этого дела и выносить сор из избы, решив этот вопрос кулуарно. И маленькая миссис Хадсон совершенно права, говоря о мощной головомойке, устроенной ее предку. Но, если вернуться к нашему делу, действительно оказалось, что эта история про индуса, желающего отомстить, абсолютно точна. Убийство молодой местной девушки плохо пахнет. Что касается убийства его жены... ситуация была бы похожа, если бы он был один в коридоре, когда его жена упала на пол с кинжалом в спине...

– Верно, я еще не рассматривал этого дела под таким углом. Но, к счастью, он не был один. Присутствие его друга Стока спасло его.

– Я также обращаю ваше внимание на момент, который вы, кажется, забыли и который мы едва ли можем считать случайностью: его коллекция кинжалов упала со стены *в тот самый момент, когда его жена вернулась*.

Доктор Твист согласился и взял в руки кинжал.

– Очень красивое оружие, клянусь, – заявил он в восхищении. – Возможно, речь идет о магическом кинжале!

– Пожалуйста, сейчас не время для шуток. Магический кинжал, ковер-самолет – мы не в сказках «Тысяча и одна ночь», черт побери!

– Это потому, что именно вы, с вашими сравнениями, казалось, приняли гипотезу, что кинжал способен перемещаться без чьей-либо помощи в спину жертвы!

– Вы ничего не поняли, Твист: если коллекция оружия упала, то потому, что кто-то прикоснулся к ней чуть раньше! Вот что это означает.

Детектив не ответил, продолжая внимательно разглядывать кинжал.

– Только подумать, что, по крайней мере, трижды преступная рука схватила его и нанесла удар. Миссис Хадсон, Салли Джексон и мисс Гарфилд... Элементарный здравый смысл подсказывает, что его нужно куда-нибудь запереть.

– Не беспокойтесь, – возразил Хёрст. – Он больше не ударит.

– Что вы имеете в виду, оружие или преступника?

– И то, и другое. Я лично прослежу, чтобы этот предмет конфисковали. Что касается нашего убийцы, для него было бы чистым сумасшествием совершить новое преступление. А теперь рассмотрим то, что позволит нам лучше разобраться в этом скопище фактов, которые могут и не быть связанными между собой.

– Да! Проблема в том, чтобы знать, каким образом!

– Начну с подозрений мисс Гарфилд, которая разгадала истинную природу одного из жильцов. – Хёрст огорченно вздохнул. – Очень досадно, что я не отнесся всерьез к ее рассказу, когда она пришла в Ярд... Но поймите, Твист, мы не можем проводить расследование всякий раз, когда слышим подобные речи...

– Никто вас в этом не упрекает, друг мой. Все, что мы можем сделать для нее сейчас, это найти ее убийцу. Продолжайте, прошу вас.

– Несколько часов спустя наш убийца убивает Салли Джексон, снимает скальп и бросает его перед входом в дом. Встают

три вопроса: каков мотив этого убийства? Почему жертва скальпирована? Зачем бросать волосы перед входом?

Согласно некоторым свидетельствам, у жертвы была связь на стороне, хотя до сих пор никто даже мельком не видел этого удивительного любовника. Если предположить, что он существует, можно было бы из этого заключить, что речь идет об убийце? Тогда мы могли бы устранить из нашего списка подозреваемых по крайней мере женщин. Увы! Мы об этом ничего не знаем.

Совершив это злодеяние, убийца возвращается на место преступления, чтобы поискать там, по всей видимости, какой-то предмет. Что за предмет?

– Я искренне считаю, что это совершенно неважно. Что бы это ни было: связка ключей, борсетка или какой-то другой личный предмет, это нас не продвинет никуда. Но его забывчивость позволила мисс Конвей прибыть в пансионат *до* нашего шутника (ему пришлось идти окольным путем) и дать нам общее его описание. А без этого, Хёрст, я спрашиваю себя, могли бы мы связать убийства Салли Джексон и мисс Гарфилд?

– Вероятно нет, тут вы правы. Отсюда мы переходим к убийству старой девы, в котором единственной очевидной вещью является мотив. Она действительно сказала, когда пришла ко мне, что убийца, кажется, понял, что она его подозревает. Следовательно, он должен был следить за ней постоянно. Очень вероятно, что миссис Дрейк, если только она сама не виновница, действительно слышала, как закрылась дверь гостиной сразу после телефонного звонка мисс Гарфилд. Бедная старая дева подписала себе смертный приговор. До сих пор все выглядит относительно ясно и логично. Напротив, то, что произошло затем, противоречит всякой логике. Сначала преступление само по себе: его совершить мог только человек, не подчиняющийся закону тяготения. Как он это проделал? И зачем придавать этому преступлению сверхъестественное обличье?

Он же не мог рассчитывать, закалывая ее в спину, что мы станем рассматривать гипотезу самоубийства или несчастного случая! Далее, зачем в точности повторять убийство жены полковника да еще на том же самом месте! Мы знаем, что весь дом был в курсе этого дела, но как удалось подготовить такое совершенное преступление в течение часа? И последнее: ни убийца и никто другой не мог предусмотреть точный момент, когда прекратится снег. Меня никто не заставит поверить, что два во всех отношениях одинаковых преступления, совершенных точно в том же месте и тем же оружием, – это случайность. И что?

Твист с досадой покачал головой:

– Неразрешимая проблема, которая замыкается на себя же, как порочный круг: это прекращение снегопада именно в тот момент, который делает данное убийство почти в точности таким же «невозможным», как убийство из предыдущего века. Убийца не мог его разгадать, а с другой стороны, логика заставляет нас думать, что «невозможность» этих двух преступлений никак не может быть совпадением, а запланирована преступником, который не мог предугадать, когда прекратится снег, и так далее... Однако должно иметься объяснение, *нужно*, чтобы было...

Крупная волосатая рука Хёрста стукнула по бюро:

– По моему, первое, что нужно знать, это уловку, которую использовал убийца.

– Давайте попытаемся рассуждать, основываясь на обоих преступлениях. Мы можем, я верю, утверждать, что они были совершены одинаковым образом.

– К счастью! – проворчал Хёрст. – Иначе нам пришлось бы искать *два* объяснения.

– Условия этих двух загадок одинаковы, за исключением свидетелей, расположенных с обеих сторон прохода. В первом случае, именно живые существа собственной персоной утверждают, что не видели никого, кто выходил; во втором, именно девственный снег это доказывает. Поду-

майте немного, Хёрст, мы можем из всего этого уже сделать вывод...

Полицейский напрягся в кресле, сморщился и закрыл глаза. Вдруг его лицо осветилось:

– Ну да! Жену полковника не могли убить на улице, поскольку видели, как она вошла в проход, а следовательно и мисс Гарфилд тоже!

– Несомненно. Так что нам остается только одна альтернатива: она была убита либо в проходе, либо в тамбуре. Проблема улетучивания убийцы остается, но, по крайней мере, мы почти уверены, откуда он нанес удар. И поразмыслив, я спрашиваю себя, не действовал ли он из окна. Это кажется невозможным, но менее невозможно, чем все другие невозможности.

Лицо Хёрста озарила улыбка триумфа:

– Я твержу вам об этом уже не знаю сколько!

Твист задумчиво зажег трубку.

– И эта фраза, которую полковник повторял во сне: «Смерть за шторами». Это, кажется, указывает, что убийство произошло в тамбуре.

– Этот старый безумец заговаривался. К его словам следует относиться осторожно. Он видел, как его умирающая жена прошла через шторы; следовательно, для него она была убита действительно *за шторами* – и неважно, на каком расстоянии. Согласно свидетелям, мы знаем, что в тамбуре не было никого.

– Это не совсем точно. В шесть тридцать, когда вошла мисс Гарфилд, *она, возможно, не была одна!* Убийца, как-то затаившись в проходе, прекрасно мог последовать за ней в тамбур, заколоть ее и уйти. В этот момент невозможно его заметить, так как он был скрыт самой мисс Гарфилд, которая вцепилась в шторы перед тем, как упасть. И чем больше я об этом думаю, тем больше склоняюсь к этой гипотезе. Это – практически единственная гипотеза, которая объясняет некую деталь, которой мы до сих пор

пренебрегали. Входная дверь была закрыта! Да, Хадсон и Питер Шуйлер обнаружили, что входная дверь закрыта. Вы серьезно думаете, что с кинжалом в спине мисс Гарфилд могла закрыть ее за собой?

– Нет, – нехотя признал Хёрст. – Конечно нет. Следовательно, убийца ударил ее не в проходе, а в тамбуре, и следовательно, именно он закрыл дверь перед тем, как сбежать...

– Этот жест также может показаться странным, но он позволил выиграть несколько секунд, поскольку его преследователи, видя открытую дверь, кинулись бы сразу наружу. Эти несколько секунд позволили ему сбежать.

Инспектор достал из кармана платок и вытер лоб:

– Чем больше мы пытаемся решить эту загадку, тем больше вязнем. Мой мозг начинает закипать! Скоро я везде начну видеть магические кинжалы и ковры-самолеты.

Возвратив усталой рукой непослушную прядь на розовый череп, он продолжил:

– А теперь давайте перейдем к алиби наших подозреваемых. Лучшее у Дженет Пэдмор – непробиваемое. Она провела весь день в семье в 120 милях от Лондона. Двое других во время преступления оказались в своих комнатах – трое, считая Марджори: Харли Стэффорд и Альфред Леман. Я с трудом представляю доктора в роли убийцы...

– Почему это?

– Смерть жены и дочери сломала его жизнь, он топил печаль в алкоголе. Вы видите его снимающим скальп с женщины? И каков мотив?

Твист промолчал.

– С Альфредом Леманом дело другое: он лыс. Можно, по крайней мере, представить себе любовницу, которая насмеялась над ним по этой причине и кому он решил отомстить, сняв с нее скальп. И возможно также, что эта любовница не кто иная, как миссис Салли Джексон! Знаете, некоторые люди очень плохо реагируют, когда смеются над их недостатками. Кроме того, он – пианист...

– И что?

– Но, черт побери! Не вы ли утверждали, что в этом деле пианино играло важную роль?

Твист разгладил усы с той покровительственной улыбкой, которая так бесила его друга:

– Давайте рассмотрим это направление, если хотите. И скажите, что вы думаете об их алиби.

– Клянусь, они все друг друга стоят. Кажется невозможным, что они могли выйти из своих комнат через окно, когда подоконники покрыты тонким слоем девственного снега. И это справедливо для всех окон в доме! Как выходящих на задний двор, так и на улицу. Если кто-то из них виновен, он мог совершить убийство, только действуя из окна, забранного решеткой... Для этого, он должен был бы оказаться в кладовке в начале второй половины дня. Остается проблема выхода. И тут мы упираемся в стену...

– Преодолимую, если говорить строго. Он мог скрываться в гостиной и ждать благоприятного момента, чтобы выйти. Например за креслом, где дремала миссис Дрейк, или под столом... Согласен, рискованно, Хёрст. Но нам попадались и более рискованные убийцы.

– Но в коридоре все время кто-то был до прибытия констеблей! Миссис Хадсон не выходила...

– Миссис Хадсон вполне могла на секунду отвлечься. Но вообще-то, это кажется очень маловероятным.

– Если преступница – миссис Дрейк, проблемы исчезновения больше не существует. Согласно этой гипотезе, приходится допустить, что она владеет всеми органами чувств, то есть, не слепа. Что касается мотива... Но возможность имеется – вот что я хочу сказать.

Твист не смог подавить улыбку:

– Какое-то профессиональное безумие? Желание, безудержная потребность превзойти саму себя, сделать совершенную прическу: скальп!

– Что-то в этом роде, почему нет...

– Кто остается?

– Уильям Скотт. Если бы только это был он... Мы не сильно им занимались во время расследования. Но я в это не верю. В сущности, мне даже нравится этот паренек. Давайте перейдем к Хадсонам. У них также нет очевидного мотива. Но они лучше всего расположены – и близко, – чтобы быть в курсе происходящего...

– О чем вы?

– Убийство их прабабки. Убийца мисс Гарфилд должен был знать, как оно произошло, согласны?

– Да, мы это уже обсуждали.

– Кто помимо Хадсонов мог бы узнать эту тайну?

– Я бы сказал, что их оправдывают сопутствующие обстоятельства.

– Что такое, Твист?

– Именно они рассказали другим про это старое дело. Предполагая, что они знают разгадку тайны, возможны два варианта: первый – убийца их прабабки был кем-то из семьи; второй – он им не являлся. В первой гипотезе они явно воздержались бы от того, чтобы упоминать об этом преступлении. Во второй... Поставьте себя на их место: у вас есть тайна, которую вы хотите рассказать друзьям, и знаете объяснение. Как вы поступаете? Вы из этого делаете таинственную историю, предлагая всем разгадать, что произошло на самом деле, и не скрывая, что знаете решение. Вы заставляете своих друзей некоторое время попотеть, а затем раскрываете трюк и получаете максимум удовольствия... Хадсоны действовали так? Абсолютно нет. Они рассказали загадку и точка!

Хёрст со вздохом согласился.

– По-всякому, ни он, ни она, ни Питер Шуйлер не могли убить мисс Гарфилд. И по-моему, они не являются сообщниками, все трое, а рассказывать нам небылицы просто абсурдно и даже очень опасно для них.

Твист ненадолго задумался.

– Я не вижу, как Хадсоны могут быть причастны к этому убийству, и еще меньше верю, что человек, подобный Питеру Шуйлеру станет убивать старую деву. Я внутренне убежден, что наш убийца – одиночка, действующий по хорошо разработанному плану...

– Одиночка, – проскрипел Хёрст с кошачьей улыбкой, – вы сильно сужаете список. Это приводит прямо к последнему персонажу: Грэм Смит. Рано утром я звонил нашим американским коллегам. Они обещали сообщить новости как можно быстрее. Тогда узнаем, как там он... и что это за талант писателя! А вы поверили его истории?

– Он не похож на слабоумного. Совсем нет. Я скажу даже, что он напоминает вычислительную машину и дам руку на отсечение, что все сведения, которые он нам предоставил – по крайней мере те, которые поддаются проверке, – окажутся точными. Нет, здесь он нас не обманывает. Но в то же время уверен: он от нас что-то скрывает...

– А чего ему скрывать? – удивился Хёрст. – И так по всему это – наш человек! У него нет никакого алиби ни на убийство Салли Джексон, ни на убийство мисс Гарфилд. С половины седьмого и до своего возвращения в пансионат он не может ничем подтвердить свои передвижения! А когда мы раскопаем мотив... Он даже признался, что напал на свою бывшую соседку. Этот тип – психопат, параноик, который свихнулся на женских прическах. Несчастный случай с матерью заставил его съехать с катушек. И я почти не удивлюсь, если в Америке за ним потянется след из аналогичных убийств. Но в любом случае, это мы скоро узнаем. Если я его еще не арестовал, то только потому, что люблю иметь все карты на руках прежде, чем начну их раскрывать.

Доктор Твист, который задумчиво посасывал трубку, взглянул по направлению к окну:

– Какая сегодня великолепная погода. Хёрст, друг мой, что скажете о маленькой прогулке со мной во второй половине дня?

Алан Твист бодрым шагом спускался по лестнице, когда повстречал Бриггса. Он вцепился в инспектора, чтобы узнать подробности того, о чем только что рассказал ему Хёрст, и предложил пойти перекусить. Инспектор, высоко ценивший криминолога, последовал за ним тем более охотно, что меню Твиста обычно превосходило его собственное.

Они не сильно задержались за столом, спеша: один рассказать, другой выслушать. Вначале Бриггс объяснил, как он внезапно вспомнил о тетради, содержащей дневниковые записи и вырезки из газет, которые его двоюродный дедушка вручил ему, подчеркнув семейный и исторический интерес этого документа. Ему он достался от собственного отца – тогда молодого армейского врача в Индии, который долго колебался между медициной и журналистикой. Имя Хадсона и адрес семейного пансионата напомнили ему об удивительных обстоятельствах смерти жены полковника, но он не сразу связал это происшествие с рассказом в тетради.

– Вы прекрасно понимаете, сэр, я тут же бросился искать эту заметку, что, впрочем, не составило труда, так как история произошла в 1857 году в начале восстания сипаев. Итак, молодой офицер, Оливер Хадсон, безумно, влюбленный в очаровательную местную девушку, однажды неожиданно вернулся домой, когда она считала, что он уехал вместе с отрядом, которым командовал. Он и уехал, но вернулся, чтобы доставить своему полковнику устное секретное донесение. И он застал девушку в объятьях

мужчины, которого она до этого называла своим братом. Безумный от ревности, Оливер Хадсон избил соперника палкой, раздробив ему руку и сильно искалечив ногу. Наш обозреватель, будучи врачом, сделал, что можно, и рекомендовал ему прийти на следующий день на перевязку. Но мужчина исчез, оставив не больше следов, чем камень, брошенный в воду. Разумеется, в гарнизоне пошли разговоры. Оливер Хадсон был вызван в кабинет к сильно разгневанному командиру из-за этой более чем неприятной истории, случившейся в такой сложный период, хотя полковник относился к молодому офицеру скорее как к сыну. На следующий день вечером Хадсон присоединился к своему отряду вместе с проводником. Хорошо бы вам прочитать все, сэр, это очень интересно, но я скажу самое существенное. Три недели спустя все вернулись. Хадсон, казалось, простил неверную. Было ли с его стороны насилие и угрозы? Мой двоюродный прадед рассказывает только, что, направляясь к ней, офицер услышал как она дико закричала, и это заставило его бежать в маленький дом, где она жила, – немного в стороне; там он обнаружил девушку мертвой с кинжалом в спине посреди маленькой комнаты, где она мылась. Он бросился на поиски убийцы. Никого ни в доме, ни в маленьком саду, ни в ближайших рощицах. Это было непонятно. Была организована облава, но без результата. Для Оливера Хадсона дело начало принимать неприятный оборот. Разговоры шли своим ходом, и его признали бы виновным, когда, к счастью, нашли двух свидетелей, которые видели скрытно пробиравшегося индуса. При их приближении он убежал. Впрочем, нашли лоскут тюбана, зацепившегося за колючий куст около старого баньяна примерно в сотне ярдов от дома. Дело закрыли. Во всяком случае, имелись дела поважнее.

После обеда Марджори вернулась в свою комнату на третьем этаже. Спустя пять минут в дверь вежливо постучали и вошел Уильям Скотт.

– Вас никто не видел? – первым делом спросила она.

– Нет, никто. Но к чему столько предосторожностей? Имеем мы право встречаться и разговаривать или нет?

– Разумеется. Но вы же знаете людей. Простой факт, что юноша входит в комнату к невинной девушке...

Уильям хотел было произнести слово «невинной» с вопросительной интонацией, но передумал.

– Вы их всех видели за столом, как и я, – сказала она. – Ну, так кто?

Репортер небрежно сел рядом с Марджори на кровать.

– Трудно составить представление, когда все сидят с похоронным видом и раскрывают рот только для того, чтобы есть. Но этот Смит там был. Наверняка приходил выяснить обстановку. Он попал в скверное положение. Но я держу его под прицелом. Всегда считал его одним из главных подозреваемых.

– Одним из главных подозреваемых! Вы шутите, Уильям! Не надо никого больше искать: это наш убийца!

– Тогда почему вы спрашиваете?

– Ну... из принципа.

Он улыбнулся ей так, что Марджори насторожилась.

– Хотите, чтобы я вам рассказал, что внутри? – спросил он, постукивая указательным пальцем по лбу.

Марджори обиженно фыркнула:

– Я, кажется, и сама не тупая, чтобы знать, что «внутри».

– Согласен. Но фактически, вы знаете не осознавая. Часть вашего мозга отбрасывает очевидное по некоторой непонятной причине, которую я предпочитаю не анализировать.

Марджори скорчила озадаченную гримасу и посмотрела в глаза Уильяму:

– И эта очевидность?..

Уильям зажег сигарету.

– Следите за моими рассуждениями. Вы заявляете, что уверены в виновности Смита, но спрашиваете меня, кто убийца. Следовательно, подсознательно вы сомневаетесь. Отталкиваясь от этого, мы можем спросить себя, какова причина этой блокировки вашего мозга. Единственная возможность – блокировка эмоционального плана. Следовательно, вы защищаете кого-то – подозреваемого, которого, кажется, нет причин защищать... кого-то, кто вам чем-то дорог. Кто среди людей, замешенных в этом деле, отвечает этому условию? Только один, и вы это прекрасно знаете.

Глаза Марджори стали круглыми от удивления:

– Кто-то, кто для меня... Тогда не понимаю. Но скажите мне, о ком идет речь, так как, по вашему, я это знаю, не осознавая.

Уильям улыбнулся.

– Я сказал вам, что рассматриваю Смита как одного из главных подозреваемых, но имеется кое-кто другой, кого я поставил бы перед ним. И оказывается, вы, Марджори, думаете так же, как и я, хотя отказываетесь это принять...

– Только не говорите мне, что имеете в виду Питера Шуйлера!

– Да.

На несколько секунд лицо Марджори скривилось от гнева. Затем гнев сменился нервным смехом, который она не могла сдержать.

– Успокойтесь, дорогая, – сказал Уильям, яростно сверкая глазами, – и поведайте, что в этом странном и трагическом деле привело вас в такое состояние.

– Питер Шуйлер, – произнесла Марджори, чуть заикаясь – вызывает у меня симпатию?!.. Да я разорвать готова этого лицемера с претензиями, этого маменькиного сынка... Послушайте, похоже, вы ревнуете!

– Ревновать к нему? Разумеется нет! – возмущенно заявил репортер.

– И кстати, мне кажется, что инспектор доказал вам его невиновность?

Уильям с улыбкой на губах встал, несколько раз прошелся перед окном, а затем снова сел рядом с девушкой.

– Вы, как и я, слышали об обстоятельствах смерти мисс Гарфилд? Никто, абсолютно никто, не мог ее заколоть.

– Но все-таки она была убита, разве нет?

– Очевидно. Только вот что: вовсе не рука вонзила ей нож в спину!

– Тогда что, по-вашему? Дух? Фантом?

– Ничего подобного, успокойтесь. Понимаете, я потратил бóльшую часть жизни, изучая преступления. Во всех формах: отчеты о судебных процессах, детективы и так далее... И я убедился в одном: иногда, хотя довольно редко, приходится допускать, что реальность превосходит вымысел. Я слышал, что некоторые убийцы намного превосходят макиавеллизм книжных преступников. И видит Бог, множество писателей умудряется изложить на бумаге самые извращенные махинации. Давайте возьмем дело маркизы Бренвилье.⁸ Она отравила своих любовников, родителей, детей...

– Не сомневаюсь в вашей эрудиции, но избавьте меня от этих ужасов. К фактам, прошу вас.

– Ужасы, возможно, – не смущаясь, продолжал Уильям, – но очень поучительные ужасы. А также эти сундучки с драгоценностями, снабженные смертельной ловушкой: скрытый тонкий отравленный дротик пронзает несчастного, который открывает крышку. Маленькое

8 Мари-Мадлен-Маргарита Дрё д'Обрэ, маркиза де Бренвилье (1630–1676) – французская отравительница, с задержания которой началось нашумевшее дело о ядах.

чудо столярного искусства, гениальный механизм, *настоящая машина для убийства...* Вы все еще не понимаете?

– Нет.

– Но это же очевидно, Марджори: мисс Гарфилд заколол механизм такого рода!

– Механизм, который мечет нож? Но где? И как?

В голосе Уильяма послышалось смущение.

– Не знаю в точности как, у меня еще не было времени, чтобы над этим подумать. Это по необходимости не может быть чем-то объемным: простой пружины на неподвижной опоре вполне достаточно.

– Хотите знать мое мнение?

– Конечно...

– Вы прочли слишком много романов.

Уильям встал и принялся мерить шагами комнату девушки, заложив руки за спину и сердито сдвинув брови.

– Но, черт побери! – взорвался он наконец. – Не может быть другого объяснения этому преступлению! Легко говорить: «Вы читаете много романов»! А у вас есть решение?

– У меня? О! Вы же знаете, я – всего лишь молодая неопытная провинциалка, которая многого не знает, и даже не осознает того, что знает. С такой спрос невелик!

Уильям, красный как рак, сжал кулаки.

– Пожалуйста, остановитесь! Вы прекрасно знаете, что я хотел сказать этим сравнением. Попробуйте понять...

– Я попробую.

Уильям на секунду закрыл глаза, а затем взял себя в руки:

– *Человеку* было невозможно заколоть мисс Гарфилд. Невозможно, вы слышите? Не-воз-мож-но!

– Я никогда не утверждала противоположного.

– Этот механизм, каким бы изощренным он ни казался, – единственное разумное объяснение.

– Допустим.

– В добрый час, – вздохнул он. – Само собой разумеется, что этот инструмент можно поместить только в проходе. И это приводит нас к вопросу: кто был последним до убийства, кто шел по этой дороге?

Марджори задумчиво посмотрела на молодого человека:

– Начиная спрашивать себя, не правы ли вы...

– Да, дорогая, это был Питер Шуйлер. Он появился здесь вчера вечером в шесть часов, после чего никто не входил в тамбур до прибытия мисс Гарфилд. Если ее убили именно так, *только он один* мог установить ловушку. Мы уже видели, по каким причинам верится в его виновность. А теперь, когда его алиби уже не такое надежное, как казалось...

– Но в какой момент он убрал свой «механизм»?

– Я вам уже сказал, что этот механизм может состоять из простой пружины и металлического бруска. Никто не обратил бы на него внимания. Что касается момента, мне вспоминается, что он остался охранять следы на снегу до прибытия полиции.

Марджори молчала, нервно сжимая и разжимая руки.

Уильям глянул на часы:

– Ладно, мне пора идти.

– Я была так уверена, что убийцей может быть только Грэм Смит, – сказала Марджори, словно не слыша последних слов ее компаньона.

Уильям печально пожал плечами и встал перед девушкой:

– Послушайте, давайте продолжим говорить обо всем этом с глазу на глаз в интимной обстановке маленького ресторана...

– Вы приглашаете меня на обед?

– Да.

– Но я не хочу... Действительно не хочу...

Уильям дернулся и побледнел, как от удара в лицо. Опустив голову, он направился к двери.

– Прекрасно, – бормотал он. – Я подумал, что это могло бы доставить вам удовольствие. Я ошибся, тем хуже.

Быстрым движением Марджори вскочила на ноги, бросилась к двери и прислонилась к ней спиной, встав перед молодым человеком, как тореадор перед готовым броситься быком.

– Вы – дурачок! Я просто не хочу снова говорить об этом убийстве, вот и все! Я не говорила, что отклоняю ваше приглашение.

Они посмотрели друг на друга, а затем Уильям подхватил ее на руки, словно тряпчатую куклу, и закружил, распевая во все горло:

– *О, через Таммель, Лаг Рэннох и Лохейбер я пойду...*⁹

– Остановитесь, отпустите меня! – кричала Марджори, впрочем, не сильно сопротивляясь. – Вы сошли с ума!

– Есть одна вещь, которую мне очень хотелось бы знать, – сказал Хёрст, глядя на заснеженный пейзаж за окном их купе.

– Да? – рассеянно ответил Твист, погруженный в чтение газеты.

– Почему, великий Боже, почему я, как собачка, всегда иду за вами? У меня ведь есть и более серьезные дела, чем ехать с вами на полдня. У вас хоть адрес есть?

– В Гринхилле не больше пятисот душ, и мы без труда найдем миссис Крошоу.

– Если она еще жива...

– Не будьте таким пессимистом, друг мой. Именно это провоцирует несчастья и разочарования.

– Увидим, – усмехнулся инспектор, зажигая сигару. – Но предположим, мы ее встретим, – что может она нам рассказать, чего мы уже не знаем? Что этот Смит – жестокое

9 Строка из народной шотландской песни The Road to the Isles.

существо, сущий дьявол? В этом и так нет сомнений. Что вы надеетесь найти, Твист?

– Я просто хотел бы услышать подтверждение рассказа Смита от главного свидетеля, миссис Крошоу.

– Но его уже подтвердил пианист! В любом случае Смит никогда не сочинил бы историю, в которой выглядит не лучшим образом.

– Именно это меня настораживает.

– Не всегда контролируешь собственные слова... Вам никогда не случалось ляпнуть что-нибудь, о чем потом жалеешь?

– Полагаю, вы заметили, этот Смит семь раз думает, прежде чем произнести хоть слово.

– Что ж, с этим согласен.

Твист отложил газету и аккуратно сложил ее.

– Понимаете, я никак не могу не связывать это нападение на миссис Крошоу и бойню на Рэднор-сквер.

– Но мы знаем об этой связи, это – Грэм Смит! Не понимаю, вы ставите под сомнение единственное, что четко выяснено... У вас извращенный ум, мой друг.

На вокзале в Эпсоме они взяли такси и четверть часа спустя прибыли в Гринхилл. По просьбе Твиста шофер высадил их у булочной. Доктор на секунду задержался перед витриной, созерцая булочки и хлебцы. Хёрст, скрипя зубами, заявил, что не намерен здесь задерживаться. Все-таки они толкнули дверь магазинчика. Прозвенел звонок, и через несколько секунд появилась крупная дама с приветливым лицом. Твист купил полдюжины булочек, а затем справился об адресе миссис Крошоу.

– Боги с нами, – ликовал детектив, выходя из булочной. – Послушайте, друг мой, попробуйте эту аппетитную булочку.

– Нет, спасибо, – проворчал инспектор. – Давайте не будем терять времени. Маленький серый дом на выходе из

деревни. «Вы не можете ошибиться», – так всегда почему-то говорят.

– Слушайте, давайте не будем портить друг другу настроение... Прелестные, действительно прелестные...

С отвращением Хёрст смотрел, как его друг за рекордный срок проглотил все шесть булочек. Всю дорогу он шел с каменным лицом, тогда как Твист весело посвистывал, восхищаясь маленькими домиками, утопающими в зелени и цветах.

«Словно никогда таких не видел, – ворчал Хёрст. – Мальчишка, просто состарившийся мальчишка!»

– Это без сомнения здесь, – сказал криминолог после десяти минут быстрой ходьбы.

Хёрст, который запыхался, пытаясь не отстать от компаньона, не ответил. Они прошли через решетчатые ворота в маленькую аллею, которая, как и дом, явно испытывала недостаток внимания. Они позвонили, и появилась женщина неопределенного возраста с желтоватым лицом и высохшими губами. Детектив с трудом объяснил цель их визита, но наконец их впустили. Пройдя в гостиную, Твист почувствовал, что попал в другое время. Цилиндрическая печь пыталась побороть сырость плохо освещенной и еще хуже проветренной комнаты. Стены были обиты еловыми досками, потемневшими от времени, пол покрыт плиткой ручной работы. Косые лучи солнца исчезали, ничего не освещая и оставляя лишь пучки света, в которых танцевала пыль.

– Это – очень старая история, – сказала миссис Крошоу, садясь в кресло-качалку со множеством подушек. – Джон к тому времени уже покинул меня, – добавила она, указывая на фотографию, прикрепленную к стене, где мужчина солидного возраста в парадном костюме стоял неестественно прямо. – Он был хорошим мужем, но ушел слишком рано, увы!.. А детей у нас не было. С другой стороны,

нет недостатка в племянниках и в племянницах – нас было девять братьев и сестер!

– В самом деле, – подбодрил ее Твист, вежливо покачивая головой.

После паузы миссис Крошоу продолжила:

– Этот Грэм Смит был гадким маленьким хулиганом. Но почему вы им интересуетесь?

– Мы подозреваем его в убийстве, – серьезно заявил Хёрст. – И думаем, что нападение, жертвой которого были вы, может в некотором роде иметь связь с этим убийством.

– Но ведь все произошло более пятнадцати лет назад, и я действительно не понимаю...

– Позвольте нам самим об этом судить, – отрезал полицейский. – Все, что мы у вас просим, это, если можно, рассказать о той трагической ночи... и об этом Смите.

– Я все еще не забыла эту выдающуюся ночь, – вздохнула миссис Крошоу. Она откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. – Они жили в деревне в те годы. Мне не в чем упрекнуть миссис Смит, она всегда была очень любезна со мной, но...

– Но?

– Что ж, она была немного сомнительной морали. Знаете, ей никогда не везло с мужчинами, но дело не в этом. Она часто меняла друзей, если вы понимаете, что я хочу сказать. Напротив, Диана, ее дочь, казалось, пойдет по лучшему пути. Она была серьезной и сдержанной – полная противоположность своему брату. Негодяй, я вам это повторяю, который не давал проходу девушкам своего возраста и даже более старшим. И он не ограничивался вещами, которые были бы, по крайней мере, простительны для подростка...

– Например?

– Ну, была дочь бакалейщика. Прелестная, милая и хорошо воспитанная девушка. Она была без ума от него. Од-

нажды ее родители заметили, что у них в кассе явные хищения... Пойманная на месте преступления, малышка призналась: она крала, потому что он требовал от нее денег, угрожая бросить.

Доктор Твист согласно кивнул:

– Смиты, кажется, были очень бедны?

– Вовсе нет. На жизнь им хватало. Впрочем, в тот момент у миссис Смит было хорошее место. А насчет трагедии... Бедняга, если бы вы видели, в каком состоянии оказалась ее шевелюра! Но что за мысль, завивать столь красивые волосы с помощью солей железа ради какого-то местного колорита! Этот режиссер, я имею в виду. Он дал мне флакон с чем-то, и я использовала его очень неохотно, уж поверьте мне. У меня у самой был шок при виде результата, да меня еще вдобавок и обвинили! И еще потребовали возмещения убытков! Представляете!

Что бы там ни было, я совершенно не предвидела, что меня ждет. Спустя три дня глубокой ночью я проснулась от дикой боли. Я кричала, выла, отбивалась... Зажегся свет, он держал меня за одну руку, и бритвой в другой пытался срезать мне волосы. Внезапно я подумала, что он хочет меня убить. Его глаза... Действительно, – добавила она после небольшого размышления, – его взгляд был довольно странным... Это не был взгляд человека, пьяного от гнева, как можно было бы ожидать ввиду сложившихся обстоятельств, взгляд человека, желающего отомстить. Была холодная решимость, я не могу сказать вам точнее...

– Взгляд одержимого, взгляд сумасшедшего? – спросил Хёрст, наклоняясь к миссис Крошоу.

– Нет, не это. Неважно. В любом случае, я не задавала себе вопросов в тот момент, когда на меня замахивались бритвой... Не могу сказать, сколько времени это продолжалось, но когда он убежал, вся моя голова была в крови и намного меньше волос!

Доктор Твист кашлянул:

– Это было серьезно? Ваша жизнь была в опасности?

– Нет, но пришлось наложить несколько швов. Я понимаю ваш вопрос, вы желаете знать, хотел ли он меня убить? Нет, должна признать. Он хотел срезать мне волосы и больше ничего. Но вновь скажу: его взгляд не соответствовал действиям.

Твист задумался:

– Вы хотели подать жалобу, как я понимаю?

Миссис Крошоу ответила не сразу.

– Бедная миссис Смит, она чуть не умерла от стыда. Но думаете, она наказала своего сына? «Нет, это не его вина», – заявила она. Короче говоря, она простила бы «своему малютке» даже убийство. Впрочем, именно это глупое ее отношение подтолкнуло меня к тому, чтобы *заставить его поверить*, что я пошла жаловаться в полицию. Когда через два или три дня они все исчезли, никого не предупредив, я ничуть не жалела. В конце концов, мы с миссис Смит хорошо ладили. Если бы она захотела... но она никогда не дала о себе весточки. И все из-за этого несчастного хулигана.

– Они с дочерью погибли при кораблекрушении, – заметил Хёрст, – но парень спасся... Словно дьявол заботится о своих, – добавил он с раздражением.

– Возможно, для миссис Смит так даже лучше. Уверена, ее сын заставил бы ее умирать на медленном огне. Он подзревается в убийстве, вы говорите? И кого он убил?

– Мы считаем его ответственным за смерть *двух* женщин. Но не можем рассказать вам об этом больше, у нас еще нет доказательств, хотя...

Произошло движение, и на коленях у Хёрста оказался черный пушистый шар.

– Его зовут Эдгар, – радостно уточнила миссис Крошоу. – Это кот мистера Фарра, моего соседа, – живет в том самом

доме, который занимали Смиты. Вы должны были видеть его – прямо на другой стороне дороги?

– Низкий дом с оштукатуренными стенами? – спросил Твист, продолжая рассматривать зверька.

Тот с удовольствием замурлыкал на коленях у напряженного Хёрста и сделал несколько шагов, устраиваясь поудобнее.

– Да, это он, – ответила миссис Крошоу, с улыбкой глядя на полицейского, который пытался гладить Эдгара, словно перед ним еж. Не любите кошек, инспектор?

– Напротив, обожаю, – процедил сквозь зубы Хёрст, сильнее глядя маленькое животное.

Твист, наморщив лоб, склонился к другу, чтобы лучше рассмотреть Эдгара.

– Но он одноглазый, бедняжка!

– Да, – подтвердила их хозяйка, направив полный сострадания взгляд на засыпающего котика. – Очень печально. Дело, в том, что именно его хозяин стал причиной этого несчастного случая. Он, который так любит кошек... Он был просто потрясен. Но именно после этого случая Эдгар взял привычку приходить ко мне с визитом.

– И как это случилось? – спросил Твист.

– Только никогда не задавайте этого вопроса мистеру Фарру, если его встретите. Ему от этого делается плохо. Прелестный холостяк, любитель дам и коллекционер хороших вин, но ограничивается дегустацией. Тем вечером, однако, он, как говорится, сделал исключение. И он был настолько пьян, что даже не может вспомнить, что произошло. Его нашли внизу, в его погребке, среди осколков разбитых бутылок. Он на чем свет стоит ругал своего кота, который расцарапал ему лицо когтями... и лишился глаза. На следующий день, опомнившись, он не мог объяснить то, что теперь называет самым трагическим моментом своего существования.

Повисло молчание. Все взгляды устремились на Эдгара, который в настоящий момент совсем не производил впечатление несчастного.

– Последний вопрос, – сказал Хёрст, глядя на часы, – как приняли новость о нападении Смита в деревне? Это, должно быть, породило массу разговоров?

– О да! Все были возмущены. Миссис Смит все жалели. Впрочем, она не смирилась с происшедшим, так как оставила деревню почти сразу. Я считаю, едва ли она могла поступить иначе. Здесь ведь жили и мои родственники, которые пришли в ужас, – главным образом, один из моих племянников, почти ровесник Грэму Сми-ту, и он поклялся, что отомстит за меня... Дайте вспомнить, кто именно? Боб? Нет. Энди? Тоже нет. А! Конечно же, это был Альфред! Мой Бог, стоит только подумать, чем он грозил этому Сми-ту! Альфред, – мечтательно повторила миссис Крошоу, – уже давно он не приезжал меня навестить... Альфред, он так хорошо играет на фортепьяно...

– На фортепьяно! – воскликнул Хёрст так громко, что испуганный Эдгар спрыгнул на пол. – О каком Альфреде вы говорите?

– Об Альфреде, моем племяннике Альфреде!

– Альфред... Фамилия?

– Альфред Леман. Сейчас он профессиональный музыкант.

В купе поезда, который вез обоих детективов назад в столицу, царило некоторое напряжение. Твист с непроницаемым лицом смотрел в окно на грозовые облака, скапливающиеся на горизонте, одновременно дымом своей трубки описывая арабески под носом возмущенного Хёрста, который не спускал глаз с друга. Твист решительно отвергал все попытки разговора.

– Эдгар, – задумчиво произнес криминолог, обращаясь к себе самому.

– Вот уже в сотый раз вы повторяете имя этого проклятого кота! – вспыхнул Хёрст. – Почему? Вы не заставите меня поверить, что эта проклятая скотина играет хоть какую-то роль в этом деле! Это был бы конец!

Доктор Твист раздраженно потребовал молчания. Слышен был лишь стук колес и скрип осей. Затем, вернув на лицо мирную улыбку, он прервал молчание:

– Смотрите, друг мой, я все больше и больше убеждаюсь, что счастливая звезда заботится обо мне, управляет моими мыслями и направляет меня по нужной дороге. Ирония судьбы – иногда очень любопытная штука...

– Я был бы очень благодарен, если бы вы выражались яснее, – сказал Хёрст, стараясь сохранять спокойствие.

– Эдгар...

Инспектор подавленно вздохнул.

– Все еще не понимаете? Эта черная кошка с разодранным глазом! Да еще по имени Эдгар! Речь не может идти о простом совпадении! Или же, если это совпадение, то по

воле высшей справедливости. Это – двойное указание предельной ясности...

– Предельной ясности? – поперхнулся полицейский. – Одно из двух: или я – трижды идиот, или вы обладаете высшим разумом! Или еще, и я сильно склоняюсь к этой последней гипотезе, вы издеваетесь надо мной ради удовольствия, которое всегда испытываете в подобных случаях.

– Дорогой друг, вы же не имеете в виду того, что говорите. Впрочем, я понимаю, что, возможно, вы не ухватываете этого «послания». У вас недостаток... я не скажу воображения, но поэзии.

– Тогда вы абсолютно неправы, – с достоинством возразил Хёрст. – Мне случалось писать стихи...

– В самом деле? – удивился доктор Твист, с новым интересом рассматривая своего спутника. – Я и не знал об этом даре. Не могли бы вы процитировать мне несколько строк?

– Что ж, если вы настаиваете, – сказал Хёрст, красный от удовольствия. – Давайте посмотрим, что выбрать... Их столько... – Он прочистил голос и начал:

*Ты набегашь вечерней волной,
Мыслей безумных валы нагоняя.
Я – смелый рыцарь с седой головой...*

– Невероятно! – восхищенно воскликнул Твист, когда полицейский закончил. – Какая чувственность и какой талант!

– Да, – скромно согласился Хёрст.

– Кто бы поверил, мой добрый друг, что под вашим суровым панцирем скрывается столь нежное сердце!

– Это правда, люди часто обманываются на мой счет и...

Он резко замолчал и уставился на котелок, лежащий рядом с ним на сиденье. Прошло несколько секунд, а затем его кулак с бешенством обрушился на ни в чем не повинный головной убор.

– Проклятье! – гремел он. – Мы здесь не для чтения стихов! А вы даже не прокомментировали тот факт, что Альфред Леман скрыл от нас, что он – племянник миссис Крошоу!

– Ах да! Я и забыл. Итак, он не сказал нам всю правду, заявив, что не может вспомнить человека, который рассказал ему эту историю.

– Но это – явная, намеренная ложь! Так как речь шла о его собственной тете! Его собственной тетке, за которую он собирался отомстить любой ценой! Все это подозрительно, крайне подозрительно... до такой степени, что я начинаю спрашивать себя...

– Но какой поворот вы делаете, дружище! Вы меняете подозреваемых, как перчатки! Только что вы были убеждены в виновности Смита, а теперь уже думаете о Лемане! И каков его мотив? Если бы он совершил убийство, то убил бы Грэма Смита, а не Салли Джексон, как мне кажется!

– Да, это правда, хотя...

– Да?

– Нет, это пустяки, – ответил Хёрст с удивительной улыбкой. – Но в таком случае, почему он солгал нам? И должны ли мы рассматривать как простое совпадение, что он живет под той же крышей, что его «старый» враг?

– Не думаю, что можно говорить о совпадении, когда перекрещиваются пути двух человек, которые когда-то вступали в контакт друг с другом каким бы то ни было образом. Вам случается встретить на улице старинного друга, без того чтобы поговорить с ним о совпадении? И это простейший случай. Кроме того, миссис Крошоу действительно сказала нам, что мальчики никогда не видели друг друга. Следовательно, только Леман знает, с кем имеет дело. Он, разумеется, больше не думает о том, чтобы отомстить, как, должно быть, ему хотелось в то время, но очевидно, что в его чувствах к Смиту нет ничего неж-

ного. Столь же очевидно, что он начал подозревать его после убийства на Рэднор-сквер. Для него речь идет об опасном индивиде, маньяке, который особенно неравнодушен к дамским шевелюрам и к кому у него еще есть неоплаченный счет. Поэтому его поведение легко понять: он не скрывает от нас своих подозрений, но не хочет, чтобы мы обнаружили связь, которая соединяет его с миссис Крошоу, чтобы мы не расценили его как пристрастного свидетеля.

– Как всегда, у вас есть ответ на всё, – проворчал Хёрст. – Но могут быть и другие объяснения...

– Например?

– Позвольте и мне иметь свои маленькие тайны. Но если вы объясните ваше *двойное указание предельной ясности*, я мог бы пойти на уступки...

Твист поднял глаза к небу:

– Если бы вы только смогли когда-нибудь избавиться от печальной привычки вести себя как капризный надутый ребенок! Поймите, что лишь в ваших собственных интересах я иногда храню молчание о некоторых вещах!

Голос Хёрста поднялся на несколько тонов:

– В моих собственных интересах? Я спрашиваю себя, каких! К тому же, если вы не хотите ничего говорить, просто молчите. Ни слова. Никакого Эдгара, ни предельной ясности, ни отсутствия поэзии.

Взгляд Твиста стал серьезным.

– Если я расскажу вам то, что я только что понял благодаря Эдгару (хотя в данный момент я ни в чем не уверен), вы тут же броситесь арестовывать одного человека. А это было бы ошибкой – ошибкой, не будучи таковой... но все же ошибкой.

– Ошибкой не будучи таковой, – повторил Хёрст отчаянным голосом. – Остановитесь, Твист, умоляю. Не говорите больше ничего. На сегодня достаточно!

Развалиясь в кресле, доктор Твист задумчиво смотрел на кинжал из своей личной коллекции, который он положил на журнальный столик, чтобы тот помог сконцентрироваться. Он услышал как Биг Бен пробил 9 часов, а затем набил новую трубку.

«Черт побери! – внутренне негодовал он, – вот уже более двух часов я размышляю... и ни малейшего результата. Однако я уверен, что стою на пороге решения и у меня есть все данные, чтобы раскрыть тайну убийства мисс Гарфилд. Как могли ее заколоть? Как?»

Внезапно ему в голову пришла одна мысль. Он резко встал и прошел в библиотеку, где взял красивое издание «Тысяча и одной ночи». Он быстро перелистал том, затем обратился к оглавлению, прочитал и перечитал названия каждой сказки. Никакого отклика в голове. Разочарованный, он закрыл книгу и поставил на место.

«Вот, я ищу вдохновения в сказках, – подумал он, усаживаясь в кресло. – Это абсурдно, совершенно абсурдно. Хотя, – он чуть улыбнулся, – хотя это мне уже помогло... и не далее, чем сегодня днем! Ладно, не будем трубить о победе слишком рано, так как надо будет проверить. Но, черт побери, если моя гипотеза подтвердится, это было бы редкое везение! Увы! Это объяснило бы только одну сторону дела, остается раскрыть самую существенную часть. Если бы только здесь был Хёрст и рассказал мне свои вечно ошибочные выводы, которые, хотя и не верные, всегда указывают мне путь...»

Именно в этот момент зазвенел дверной звонок. В голубых глазах детектива вспыхнул огонек надежды. Он встал и пошел открывать дверь.

– Заходите, дорогой друг, – пригласил Твист, радушнее и предупредительнее, чем обычно. – Позвольте помочь

вам избавиться от пальто и садитесь в кресло. Я приготавливаю вам чашку горячего чая.

– Спасибо, – поблагодарил Хёрст, заинтригованный и даже немного смущенный такой сердечностью. – Знаете, Твист, я не хотел вновь беспокоить вас в этот вечер. Да еще на улице слякоть, а вы видели туман? А дороги – с этим снегом, который начинает таять... Но я все-таки здесь. Только что получил сведения о Грэме Смите. Наши американские коллеги не ленились. Увидите, это довольно удивительно, что по мере того, как...

– Один момент, друг мой, – перебил его Твист очень любезным тоном. – Попробуйте не думать ни о чем, создайте пустоту...

– Прошу прощения?

– Да, создайте пустоту в мыслях. Закройте глаза, тогда будет легче.

Давно знакомый с причудами друга, Хёрст повиновался, не слишком возражая.

– Вот. Что теперь?

– Скажите мне, что вы видите.

– Как вы хотите, чтобы я что-то видел, если попросили меня закрыть глаза?

– То, что видите мысленным взором.

– Я всегда вижу кинжал на вашем столе...

– Нет, Хёрст, попытайтесь отвлечься, позвольте мыслям плыть и говорите обо всем, что приходит в голову.

– Хорошо, попробую... Ничего не поделать, я всегда вижу этот кинжал... магический кинжал... ковер-самолет... летающий кинжал... шторы... смерть... смерть за шторами... летящий кинжал. Как вам это?

Молчание.

– Могу ли я теперь открыть глаза? Скажите, Твист... да ответьте, черт возьми! Предупреждаю, считаю до трех. Если вы не ответите, то я...

– Замолчите!

Одновременно удивленный и рассерженный его тоном, Хёрст уже был готов вспылить, но вид друга, погруженного в напряженные размышления, остановил его. Он поудобнее уселся в кресле, зажег сигару и стал ждать. Прошло не меньше пары минут, когда Твист заявил:

– Только что произошло маленькое чудо, друг мой... Еще совсем недавно я жаловался на ваше отсутствие, говорил себе, что без вас, без ваших умозаключений я не способен рассуждать, распутать этот клубок тайн и... и на тебе! *Смерть за шторами!* Летящий кинжал! Теперь все ясно! Вы – моя путеводная нить, дорогой Арчибальд!

«Как бы не так!» – подумал Хёрст. А вслух произнес:

– Вы хотите сказать, что теперь знаете как преступник убил мисс Гарфилд?

– Да, и могу добавить: мы – ослы, что не поняли этого раньше. Это убийство совершено с изумительной, абсолютно изумительной простотой! Мы уже сталкивались с подобными делами...

– Не буду спорить, вам лучше знать!

– Но никогда не было столь простого объяснения, если говорить о способе, использованном убийцей. Никогда. Просто невероятно, когда я об этом думаю... И какая отвага! Мы рассмотрели все возможные решения... все кроме одного! К несчастью (для убийцы, конечно), его изобретательность сразу указывает прямо на него. Он – единственный, кто мог совершить это преступление. Одна единственная душа и никакая другая.

Очень спокойным жестом Хёрст стряхнул пепел с сигары.

– Мой длительный опыт говорит, что вы не откроете мне секрет сегодня вечером, не так ли?

– Это ничего хорошего не дало бы. Поскольку доказательств нет. Этот фокус тайл огромную опасность, но вы-

полнив его, автор становится неуязвим. Если мы не схитрим, то спугнем этого человека. Кроме того, имеется еще несколько неясных моментов, а именно мотив. У меня есть небольшая догадка, но предпочитаю проверить некоторые детали. Не ломайте голову, мой друг, вы узнаете разгадку совсем скоро, обещаю. Скажем, завтра вечером, подойдет?

Хёрст напустил на себя равнодушный вид, прекрасно сознавая, что, даже если он начнет на коленях умолять своего друга, то ничего не добьется.

– Подойдет. Между тем, мне хотелось бы задать вам пару вопросов, если не возражаете. Мисс Гарфилд была убита таким же способом, что и жена полковника Хадсона?

– Абсолютно.

– Хорошо, – кивнул Хёрст, хитро прищуриваясь. – Воспользовался ли преступник каким-то приспособлением, чтобы совершить убийство – металлический ствол, зеркало или что-то еще? И действовал ли он из зарешеченного окна?

Твист замотал головой.

– Нет на оба вопроса. Повторяю, это убийство – сама простота. – Он схватил оружие, лежащее на столе, и положил его под нос инспектора: – Рука и кинжал и ничего больше. Чтобы вас подтолкнуть в правильном направлении, повторю: *смерть за шторами*. Смерть появилась из-за штор.

– Начинаю понимать, – тихо сказал Хёрст, который фактически ничего не понимал. – А убийство, было ли оно в конечном счете подготовленным?

– Ну, – замялся Твист, – конечно да, но по сути не совсем...

– Не могли бы вы выразиться яснее... А знаете, давайте пробежимся по сведениям, которые мне удалось собрать о Смите. Если, конечно, это вас интересует...

Твист пожал плечами.

– Естественно. Всё интересует. Я вас слушаю.

– Наш человек действительно спасся с «Уайт Стар». Он действительно работал наборщиком и действительно написал две книги, которые были опубликованы. – Хёрст оторвал глаза от записей и взглянул на своего визави: – Вы были правы, все его слова подтверждаются. Но некоторые моменты любопытны. Например, эти маленькие неприятности с его патроном, вследствие которых он прекратил писать. Смит соблазнил жену последнего. Нужно уточнить, что мистер Мортимер, был ему как приемный отец. Он очень любил Смита. Измена глубоко его возмутила, и он сделал все возможное, чтобы его «протеже» встречал закрытую дверь везде, куда мог обратиться за работой. Писательская карьера на этом и закончилась.

Все это, казалось, не удивило Твиста.

– С другой стороны, – продолжал Хёрст, – на военной службе его упрекнуть не в чем. Удаль и отвага. Короче, что-то вроде героя. Война против японцев – это, конечно не плетение кружев. Однако если читать между строк, он лишь выполнял то, что велел долг, но эти ужасные бои холодным оружием, где он выделялся, ему нравились. В жестокости он сравнился с японцами, если не превосходил их. Это подтверждает вашу гипотезу?

– Абсолютно. Теперь мы твердо знаем, с чем имеем дело.

– Перестаньте петь так громко, Билл, уже почти одиннадцать часов – вы перебудите весь город!

– Я пою, потому что хочу петь. А хочу петь, потому что счастлив. А счастлив я, потому что...

– Потому что? – повторила Марджори, глядя на своего спутника.

– Ну, потому что мы провели хороший вечер. Еда была превосходна, моя чудесная подруга... Но все-таки странно, вот уже больше года, как, мы видим друг друга практически каждый день, но у нас никогда не возникало мысли куда-то пойти... Но скажите, вы, надеюсь, не скучали?

– По правде говоря... – протянула Марджори притворяясь, что сомневается, прежде чем улыбнуться Уильяму. – Нет, вы такой забавный, главным образом, когда немножечко...

Она закончила фразу слегка щелкнув указательным пальцем по горлу.

– Надеюсь, вы шутите, дорогая. Уж не думаете ли вы, что только два бокала вина и несколько рюмок виски смогли превратить старого пня в весельчака.

– Не говорите так – вы мне кого-то напоминаете...

– Не сравнивайте ястреба с воробьем, умоляю.

Разговор продолжился в том же духе, когда парочка вышла на Хокстон-стрит. Марджори всматривалась в спящую улицу. Уходящие все дальше и дальше уличные фонари старались пронзить туман, но их молочный свет лишь подчеркивал окружающие тени.

Она задрожала от холода. Уильям воспользовался этим, чтобы обнять ее за плечи. Молча они направились к пансиону и вскоре заметили отверстый зев крытого прохода.

– Вы думаете о бедной мисс Гарфилд, – мрачно сказал репортер, убирая руку.

– Как этого избежать? Едва сутки прошли, как ее убили.

– Правосудие восторжествует, не беспокойтесь. Даже если полиция сломает себе зубы, я приду и покараю убийцу. Это мое личное дело.

– Вы все еще уверены в виновности Питера Шуйлера?

– Не знаю, больше не уверен... Неважно, кто бы он ни был, я заставлю его заплатить за преступление.

С этими словами Уильям вставил ключ в замок, затем сделал шаг в сторону, пропуская Марджори. Он включил свет, и оба остановились в маленьком тамбуре. Марджори вопросительно посмотрела на него:

– Вы думаете, ее... ее закололи где-то здесь?

Он задумчиво посмотрел на шторы перед ним.

– Да, но это лишь впечатление. Если бы только эти шторы могли говорить... Но давайте не будем задерживаться здесь – нехорошее место.

Они вступили в коридор и тут же остановились перед фотографией полковника Хадсона и его супруги.

– Она тоже, – вздохнул Уильям, – как мисс Гарфилд. Убита в том же месте, за теми же шторами, таким же способом и тем же оружием. Сверхъестественно, не правда ли? Вы меня слышите, Марджори? Почему вы так пристально смотрите на это фото?

– Странно, но я только что подумала об одной вещи. Часто случалось, что мисс Гарфилд, главным образом в последние дни, долго смотрела на эту фотографию, как будто ее что-то беспокоило или пугало... И я, мне тоже кажется что-то странное. Но я не способна сказать что.

Уильям погрузился в созерцание фотографии, затем пожал плечами. Они поднялись на третий этаж. Марджори взялась за ручку своей двери и повернулась.

– Спасибо за этот вечер, Уильям. Я... мне совсем не было скучно!

– Только от вас зависит продолжение, – ответил Уильям, пристально глядя на девушку.

Марджори хитро улыбнулась:

– Доброй ночи и хороших снов... Но что с вами? Почему вы на меня так смотрите?

– У меня создалось впечатление, что вы что-то задумали...

– Задумала? О чем вы?

– Будьте осторожны, не забывайте, что мы имеем дело с опасным индивидуумом. – Он закусил губу. – Мне в самом деле хочется занять охранный пост в вашей комнате...

– О! Да вы нахал! – смутилась она.

Она тронула его щеку легким поцелуем, махнула рукой, и Уильям вновь оказался один в коридоре, грустно созерцающая закрытую дверь. Вздыхнув, он направился к лестнице.

«А ты хитрее, чем кажешься, малыш», – подумала Марджори бросаясь на кровать. Некоторое время она лежала вытянувшись, скрестив руки за головой и глядя в потолок. На губах бродила легкая улыбка.

Затем она взглянула на часы: стрелки показывали, что до полуночи осталось меньше четверти часа.

«Давай, дочь моя!» – внезапно сказала она себе.

Она сменила платье на темные брюки, натянула толстый шерстяной свитер и надела берет. После чего погасила свет и на цыпочках вышла из комнаты.

С тысячей предосторожностей она на ощупь поднялась по лестнице на последний этаж. Ее внимание тотчас привлекла светящаяся точка, которая оказалась замочной скважиной.

Хотя она редко поднималась на этот этаж, но достаточно хорошо ориентировалась, чтобы понимать: этот луч света шел ни с чердака, ни из комнаты миссис Дрейк, ни Дженет Пэдмор.

«Он все еще бодрствует», – с опаской подумала она.

Крадучись, она приблизилась к точке, которая выглядела как единственная звезда на темном небе. Когда она

прижала глаз к источнику света, то слышала далекий шум с нижнего этажа. Не двигаясь, она задержала дыхание и прислушалась. Тщетно. Что это был за шум? Скрип двери? Марджори не могла сказать с уверенностью. Она нагнулась и заглянула в замочную скважину.

Спиной к ней за бюро сидел Грэм Смит. Она не могла видеть ни его лица, ни того, чем он занимался. Она замерла, стараясь не шевелиться, и вдруг осознала деталь, которая ее встревожила: *Он был полностью одет, причем во все черное.*

Следовательно, он мог в любой момент выйти.

Она задумалась лишь на мгновение, а затем быстро направилась к двери чердака. Дело оказалось непростым, так как она не видела ни зги. В горле все сжалось, когда она положила ладонь на дверную ручку. А если эта старая дверь заскрипит? Что делать? Было только две возможности: или повернуть обратно, или скрыться на чердаке. Если Смит ее обнаружит (а он непременно это сделает, если она быстро не примет решения), она окажется в затруднительном положении. Самым разумным было бы вернуться в свою комнату и закрыться на два оборота ключа, поскольку инстинкт кричал об опасности. Но, как с ней случалось довольно часто, Марджори не прислушалась к голосу, призывающему к осторожности. Она сжала зубы, повернула ручку и стала толкать дверь миллиметр за миллиметром.

Ничего. Никаких звуков. Вообще-то это удивительно. Кто-то должен был смазать маслом петли.

На чердаке было отнюдь не жарко. Съежившаяся Марджори оказалась в том же положении, что и раньше: глаз приклонен к замочной скважине.

Дверь чердака располагалась перпендикулярно трем комнатам на этаже. Если Смит выйдет, она не может его не увидеть.

Сколько времени она оставалась на чердаке, дрожа от холода и всматриваясь в темноту? Она не могла сказать, но решила, что было уже, наверное, полчаса после полуночи. В голове мешались разные мысли и, между прочим, детективные истории, которые она обычно проглатывала, прежде чем закрыть глаза под теплым одеялом. Приключения в романах явно были поинтереснее, а главное безопаснее. Она вспомнила о Рэднор-сквер, о последних минутах жизни Салли Джексон, о мужчине с поднятым воротником и в шляпе с опущенными полями, когда тот занялся жертвой, и о моменте, когда он бросил окровавленный скальп на ступени дома...

Она, должно быть, потеряла голову, если действует так, как сейчас. Полицейские уверены, что убийца живет в доме. Уильям подозревает Питера Шуйлера. Она вспомнила о красноватых следах на полотенце. Никоим образом неизвестный, который вымыл руки в ванной, не мог быть Питером. Безусловно, полицейские правы. И в этом случае кто, кроме Грэма Смита, мог быть убийцей? Надо признать очевидное: никто.

«А впрочем, зачем эти вопросы? – спросила она себя. – Ты же прекрасно знаешь, что это – *он*. Для этого ты и здесь. Чтобы выследить его, подстеречь поступок, который его выдаст...»

Она как раз думала об этом, когда во тьме появился желтый прямоугольник. Дверь комнаты Грэма Смита открылась. Он включил свет в коридоре и запер за собой дверь на ключ. Марджори смотрела на него во все глаза. Он был одет в длинное черное пальто и шляпу, плотно надетую на лоб. Если это не был неизвестный с Рэднор-сквер, то явно его двойник.

Он начал спускаться по лестнице. Марджори выждала около тридцати секунд, прежде чем покинуть чердак и последовать за ним.

Когда она вышла из прохода, то успела увидеть, как его силуэт тает в тумане. Спокойным шагом он направился к центру. Улицы были пустынные, что никак не облегчало задачу нашего детектива-любителя. Тем не менее, рискуя быть замеченной, она старалась держаться поближе, чтобы ни на секунду не терять его из виду. Минут через десять, он свернул налево и вышел на Олд-стрит. Пока все шло хорошо, но, когда они добрались до Шордича, освещение на улицах почти пропало. Марджори пришлось еще приблизиться. Талый снег начал проникать в обувь, и она назвала себя трижды идиоткой за то, что не надела ботинки. Когда он внезапно остановился, это оказалось для нее такой неожиданностью, что она поскользнулась на грязной мостовой и упала. Хотя и приглушенный снегом, шум падения заставил Смита обернуться, но, к счастью, она упала за выступом дома. Казалось, он ее не заметил, так как тут же вновь отвернулся. Марджори увидела короткую вспышку, которая ее успокоила: он остановился, чтобы закурить.

Он продолжил путь. С бьющимся сердцем Марджори на небольшом расстоянии преследовала его в этом лабиринте гадких улиц. Ей пришлось приложить усилия, чтобы не запаниковать. В этом шествии между стенами облупившихся домов не было ничего успокаивающего. Время от времени, но все реже и реже, густой туман пронизывался мрачным светом фонаря. Затем стали попадаться менее отталкивающие строения. Но это не слишком успокоило девушку, которая поняла, что заблудилась. И тут она увидела, как Смит свернул куда-то вправо. Она осторожно подошла к крытому проходу. Прежде, чем заходить в него, она подняла глаза чтобы рассмотреть здание. Не будучи роскошным, оно казалось зажиточным. Не долго думая, она осторожно углубилась в темный туннель, который вывел на довольно просторный внутренний двор. Она остановилась и быстро огляделась: свет из одного из

окон скупое освещал окрестности. Она услышала нечто вроде приглушенного ругательства и тотчас посмотрела в том направлении. Она увидела присевший на корточки силуэт, но затем дыра в тумане позволила ей увидеть эту сцену гораздо четче. Кровь застыла у нее в жилах: Смит стоял на коленях, наклонившись над каким-то длинным объектом.

Несколько бесконечных секунд она стояла, спрашивая себя, что делать, прежде чем охваченная ужасом, бросилась бежать.

Спустя пять минут безудержного бега она остановилась, чтобы отдышаться. Сперва она слышала только удары своего сердца. Затем послышались шаги.

Поспешные шаги, направляющиеся к ней.

Ее охватила паника. Она бросилась в противоположном направлении. Несколько раз она падала, поскольку мостовая была скользкой, но девушка тут же вскакивала и вновь бежала еще быстрее. Ее жизнь зависела от быстроты ног, и она это понимала. В колледже она всегда была лучшей бегуньей и, хотя давно не тренировалась, все еще была в хорошей форме. Возможно, именно это ее спасло, так как человек, который ее преследовал, продвигался в темпе стайера. Но скоро она уже не могла поддерживать этот адский ритм.

Казалось, что ее легкие сейчас разорвутся, и она прижалась к земле под сводом портика. Через несколько секунд она увидела своего преследователя. Чуть восстановив дыхание, она устремилась в другом направлении. Но отсрочка оказалась непродолжительной, снова позади послышались шаги по мостовой.

Она несколько раз применила этот прием, но (увы!) не смогла оторваться от преследователя. Однако пятая попытка удалась. Она стояла, запыхавшись и прислонясь лицом к стене, и ее уши больше не слышали зловещего шума шагов. Она помедлила и осмотрелась. Ее окружали огром-

ные заброшенные здания, соединенные между собой переходами; видны были подъемники и транспортеры.

Доки! Ничего себе, куда ее занесло!

Чуть позже она увидела Темзу, которая спокойно несла свои темные воды. Ленты тумана поднимались из реки, расползались вдоль набережных и медленно втягивались в улицы.

Она подошла к берегу и двинулась вдоль него – опустошенный человек, вымотанный страхом и усилиями, медленно идущий по снегу, еще не затоптанному редкими прохожими. Она облегченно вздохнула, увидев телефонную будку, появившуюся почти по волшебству.

В нескольких шагах от нее некая тень внимательно рассматривала мостовую. Поднятый воротник пальто и шляпа с опущенными полями позволяли видеть только нижнюю часть его лица. Губы его кривились в странной улыбке. Следы ног, которые человек рассматривал, были недавними, ошибки быть не могло.

Тень тоже заметила телефонную будку. Ее рука погрузилась в карман пальто и извлекла блестящий предмет.

– Да, Скотланд-Ярд, мне нужен Скотланд-Ярд, – скороговоркой твердила Марджори. – Быстрее! Это срочно! Очень срочно!

Прижав трубку к уху и всматриваясь сквозь запотевшее стекло будки, Марджори нетерпеливо ждала ответа. Через несколько секунд, которые показались ей бесконечными, она услышала мужской голос:

«Скотланд-Ярд, я слушаю».

Она хотела ответить, но ее голосовые связки парализовало: *дверь будки открывалась*.

У тени, которая встала перед ней, она видела лишь отражение внезапно блеснувшей стали. Она закрыла глаза и закричала от ужаса.

– Алло! Что происходит? Ответьте! – гнусавила трубка, раскачиваясь на конце шнура.

Волосатая рука шарила во тьме, стараясь прекратить этот непрерывный адский трезвон.

– Тысяча громов! – глухо проворчал голос. – Что еще произошло! Хоть бы одна спокойная ночь! Да, алло! Конечно, это я – инспектор Хёрст! А кто еще, по-вашему, это может быть? Что! Повторите имена, пожалуйста... Да, хорошо, выезжаю...

Хёрст посмотрел на часы, стоящие на бюро и показывающие 3 часа ночи, затем его взгляд перешел на лицо собеседника. Фиолетовый ореол окружал правый глаз, другой, не менее живописный синяк, украшал челюсть.

Инспектор осуждающе покачал головой, затем зажег сигару, которую тут же раздавил в пепельнице.

– Если бы только вы довольствовались тем, что занимались своим делом, черт побери! – проворчал он.

– Но к счастью...

– К счастью, что? Что? – перебил Хёрст. – Вы не находите, что уже и так достаточно трупов, мистер Скотт? Конечно нет. Хотим сыграть в детективов... Надеюсь, это послужит вам уроком.

– Лишь бы только она выпуталась, – пролепетал Уильям, опутив голову.

Повисло молчание, а затем послышались три коротких стука, и в дверь вышел доктор Твист.

– Вот и вы, наконец! – воскликнул Хёрст.

Детектив не ответил, уставившись на молодого репортера. Помимо следов борьбы на лице последнего, Твист увидел, что под его пальто надета лишь ночная рубашка.

– Как вы понимаете, – сказал Хёрст, – новости не очень веселые.

– Я это подозревал: вы не стали бы вытаскивать меня среди ночи по пустякам. Что случилось?

– А то случилось, – повторил полицейский, раздраженно стукнув кулаком по бюро, – что этот мистер и его друга вообразили себя Шерлоками Холмсами. Но результат их, мягко говоря, плачевный. Он еще куда ни шло, но для мисс Конвей все гораздо серьезнее... Врач, который занимается ею, должен позвонить с минуты на минуту. Она... Но мистер Скотт вам все расскажет лучше, чем я.

Со вздохом Уильям начал:

– Ну, дело было так... Мы с мисс Конвей пообедали в одном маленьком ресторанчике около... неважно. Мы вернулись к половине одиннадцатого и, провожая ее до двери ее комнаты, я понял, что она что-то замышляет. Я лег, но не смыкал глаз, раздумывая, что у нее на уме. Должно быть, была половина первого, когда я заметил в замочной скважине, что в коридоре зажегся свет... Я увидел, что это Грэм Смит. Меня это не удивило. Я собирался снова лечь, когда заметил, что за ним кто-то идет...

– Мисс Конвей, – со вздохом уточнил Хёрст.

– Да, и она была одета как гостиничная воровка. Я тут же понял, что к чему. Накинул пальто, влез в ботинки и последовал за ними.

– Проклятье! – перебил его Хёрст, – но почему же вы тогда не присоединились к мисс Конвей?

– Не сыпьте соль на рану, умоляю! Если бы я знал, к чему это приведет... Как бы то ни было, я подумал, что лучше последовать за ней на расстоянии, не сомневаясь, что при необходимости смогу вмешаться вовремя. Так мы и шли какое-то время до Шордича, и затем... я не уверен, трудно было ориентироваться из-за проклятого тумана. Затем я увидел, как она остановилось перед каким-то зданием. После некоторого колебания она вошла в кры-

тый проход. Место было относительно освещено, и я не знал, что делать... У меня почти не было времени на размышления: она выскочила из прохода и бросилась бежать, ничего не замечая. Через несколько секунд другой человек – наверное Смит – также выскочил и побежал за ней. Мне потребовалось некоторое время, чтобы понять, что на этот раз роли переменялись: дичь стала охотником. Я устремился за ними.

Твист, закрыв глаза, жестом руки остановил его:

– Один момент. Вы видели также, как Смит входил в проход?

– Да. Передняя часть дома была освещена, и я хорошо видел, как он вошел туда.

– И сколько времени прошло, прежде чем за ним последовала мисс Конвей?

– Около тридцати секунд, не больше.

– А до того момента, как она выбежала оттуда?

Уильям задумался, покачивая головой:

– Трудно сказать... Приблизительно столько же, то есть, приблизительно двадцать секунд.

Хёрст вмешался, сжав кулаки:

– Того, что произошло в этом промежутке, мы не знаем. А Смит, он заметил, наверное, что мисс Конвей следовала за ним, и, возможно подготовил ей ловушку? Мисс Конвей где-то выдала себя по дороге... Но что мог он сделать за пятьдесят секунд? – добавил он, мрачно. – Если бы мы только знали, где это произошло...

– А дальше? – попросил Твист.

– Преследовал их в тумане практически вслепую, образно говоря, так как я задержался и ориентировался только по шуму их шагов. Мы бежали примерно в течение четверти часа, я задышался... затем я заметил Смита, остановившегося перед Темзой. По всей видимости, он потерял ее из виду. Он двинулся вдоль берега, а затем направился к телефонной будке. Я понял, бросился туда, но

слишком поздно: он ударил Марджори, но я прыгнул на него сверху. Я отнюдь не хиляк, но у этого типа стальные мышцы. Я получил удар локтем в живот, крюк в челюсть, еще в глаз... В голове все закружилось... но тут прозвучал свисток. Смит убежал. Подошел констебль...

– Вам сильно повезло, – сказал Хёрст, – так как иначе...

– Согласен, – кивнул Уильям. – Но бедная Марджори неподвижно лежала в будке, а из свитера торчала рукоятка ножа. Она еще дышала, но...

Уильяма прервал телефонный звонок. Хёрст тут же снял трубку.

– Прекрасно, – сказал он после небольшой паузы, – мы едем. – Он повесил трубку и обратился к своим компаньонам: – У страха глаза велики: она вне опасности. Мы можем поехать и расспросить ее.

Уильям был уже снаружи.

– У меня такое впечатление, что вы у нас тут не надолго, – сказал врач, улыбаясь Марджори.

– Но почему вы не разрешаете мне уйти прямо сейчас? – возразила раненая. – Вы же сами сказали, что это пустяки!

– Ну уж пустяки, не преувеличивайте, – сказал врач, напуская на себя строгий вид. – Вы были в шаге от смерти. – Он повернулся ко вновь прибывшим: – Да, джентльмены, ей исключительно повезло! Удар был нацелен в сердце, но чуть отклонился. В результате она отделается простой раной в грудь.

– Ну, вы же сами говорите! – вновь заволновалась Марджори. – Почему я должна оставаться прикованной к постели, если речь идет всего лишь о простой...

– Я зайду к вам через несколько часов, и мы об этом поговорим, – отрезал ее собеседник, направляясь к двери. – Господа полицейские, оставляю ее вам.

Пока Твист и Хёрст прощались с врачом, Уильям устремился к Марджори и протянул к ней руки.

– Боже, Билл, что с вами случилось! У вас такая голова!

И Уильям объяснил, как дошел он до жизни такой, не преувеличивая свою роль, но и не преуменьшая.

– Но тогда, – воскликнула она, – без вас я умерла бы!

– И без этого смелого полицейского, – уточнил он, напустив на себя скромный вид.

Марджори смотрела на репортера глазами, полными восхищения. Затем схватила за руку.

– О, Билл! Я никогда этого на забуду. Не знаю, как вас отблагодарить. Вы...

– Но это же просто нормальный поступок, – пробормотал молодой человек.

Твист и Хёрст обменялись улыбками, а затем полицейский откашлялся:

– Ладно. У вас еще будет возможность вернуться к этому разговору. А теперь, мисс, я хотел бы, чтобы вы рассказали подробно о вашем вечере, а именно: о причине вашего столь внезапного бегства.

Когда Марджори закончила рассказ, в больничной палате повисло тяжелое молчание.

– Есть основания опасаться самого худшего, – нахмурился Хёрст. – А мы даже не знаем места...

Марджори вздохнула:

– Я видела, что он склонился над чем-то. Не могу утверждать, что речь идет о теле, но мне показалось...

– Сцену легко реконструировать: когда вы спугнули его, он только что совершил новое убийство. Иначе зачем ему бросаться на вас?

– Да, конечно... В любом случае ему пришлось действовать очень быстро, ведь он только что вошел в проход.

– Жертва должна была ждать его, как Салли Джексон на Рэднор-сквер. – Хёрст недовольно потер висок. – Если бы мы только знали место...

– Возможно, около Святого Луки, – предположил Уильям, впрочем, без особой уверенности.

– Да, где-то там, – согласилась Марджори.

Хёрст пожал плечами:

– Это слишком расплывчато, слишком неточно... нам остается только ждать.

– Но разве вы не арестуете Смита? – забеспокоилась Марджори.

Полицейский криво улыбнулся:

– Я про него не забыл, успокойтесь. Впрочем, не будем медлить, идем...

– Я бы не стал этого делать сейчас, – вмешался Твист. – Лучше подождать, когда обнаружат этот труп.

– Но он же пытался убить нас обоих! – воскликнул Уильям.

Твист нахмурился:

– Кстати, вы его узнали?

– По правде говоря, – замялся репортер, – я не видел его лица...

– Но это был действительно он! – воскликнула возмущенная Марджори. – Я следовала за ним с тех самых пор, как он вышел из комнаты!

– Я с этим и не спору, – несколько раздраженно ответил Твист. – Но что скажете о человеке, который вас преследовал? Можете ли вы утверждать, что это именно Смит?

– Утверждать? Нет... Но не думаете же вы, что...

– Скажите мне, Твист, – вскинулся Хёрст, – вы шутите?

– Нет, не шучу! – вспыхнул детектив. – Сейчас четыре часа, и я уверен, что, если мы постучим в его дверь, то увидим его в пижаме с заспанным лицом. У него была куча времени, чтобы избавиться от всего компрометирующего. Не мне вам указывать, Хёрст, но на вашем месте я бы подождал еще несколько часов, чтобы найти этот удивительный труп и иметь на руках все карты, прежде чем их раскрывать.

– Это разумно, подождем еще немного. Надеюсь, мы об этом не пожалеем!

– В любом случае никто не мешает вам послать пару своих людей в пансионат. Один пусть следит за домом снаружи, а второй пусть вместе с мистером Скоттом несколько раз обойдет все этажи. Вы не против, Скотт?

– Можете положиться на меня.

Твист уставился на какую-то воображаемую точку далеко впереди, а затем улыбнулся, и в улыбке этой не было ничего дружеского.

– А самое позднее, завтра или даже сегодня вечером мы прольем свет на это зловещее дело. Вероятно, у нас не будет доказательств, чтобы его прижать... но он расколется. Я за это ручаюсь.

На рассвете, бледном и туманном, полицейская машина остановилась перед домом № 14 по Баннер-стрит. Констебль открыл ворота в крытый проход, ведущий в здание, и направился к двум мужчинам, которые только что вышли из машины.

– Не самое красивое зрелище, шеф, – сказал он с отвращением.

– А вам, Джонсон, часто случалось в нашей профессии видеть *красивые вещи*? – возразил Арчибальд Хёрст, кутаясь в пальто.

Увидев непослушную прядь, упавшую на лоб начальника, полицейский воздержался от комментариев. Он взглянул на доктора Твиста в надежде найти поддержку хоть там, но тот, отвернувшись, уже большими шагами направился во двор.

Вокруг суетилось несколько полицейских. Один выслушивал женщину не первой молодости и делал записи, в то время как его коллеги склонились над неподвижной массой перед дверью черного хода. Подойдя к ним, оба детектива долго рассматривали молодую женщину, лежавшую ничком. На ее шубке в районе плеч темнело пят-

но. На голове, повернутой вправо, зияла огромная рана вместо волос, которые, черные с алым, лежали на влажной мостовой в нескольких футах оттуда.

– Заколота и скальпирована, – посчитал нужным уточнить полицейский. – Ее обнаружила консьержка, – добавил он, кивнув в сторону женщины, которую допрашивал его коллега. – Пока никаких данных.

Хёрст кусая губы, приступил к опросу свидетелей. Они с доктором Твистом узнали, что жертва жила в этом здании, звалась Сарой Андерсон и была замужем.

– Бедняга муж, – простонала консьержка. – Когда он узнает... Нужно наказать чудовище, которое это сделало.

– Для этого мы здесь, – поспешно ответил Хёрст.

– Скажите мне, мадам, ей часто случалось выходить в такое время? – спросил Твист.

Женщина ответила отрицательно, но все же чуть замялась, что не ускользнуло от сыщиков, которые как следует на нее нажали. Заставив их обещать никому ничего не рассказывать (и, главным образом, бедняге мужу!) она поведала им, что у миссис Андерсон был «друг».

– Друг, – повторила она, – и больше ничего об этом не знаю. Вообще-то даже странно, что они виделись в достаточно позднее время, а мистер Андерсон ничего на это не говорил.

– Совсем ничего?

– Я просто хочу сказать, что он позволял ей выходить так поздно. Иногда было одиннадцать часов или даже за полночь... вы не думайте, что я шпионю за жильцами, но я просто обязана...

– Можете нам описать этого друга? – без обиняков спросил Хёрст.

– Описать его? Клянусь, да, хотя я никогда не развлекаюсь, подсматривая, вы же понимаете... Он большой, худощавый, с костлявым лицом и густыми бровями. У него пронизывающие, довольно близко посаженные глаза, ко-

которые придают ему странный вид. Фигура у него не плохая, но лицо мне не нравится. Вот и все, что я могу сказать о нем.

На красном лице инспектора появилась легкая улыбка.

– Скажите мне, мадам, чем занимается мистер Андерсон? – спросил Твист. – Какая у него профессия?

– У него магазин около Пиккадилли. Мебельный магазин, дела идут хорошо. Впрочем, они живут здесь только по будням. На выходные ездят в свое бунгало около Фолкстоуна. Ну, они не нуждаются. Но вы же видите: этого отнюдь не достаточно, чтобы сделать счастливым бедного мистера Андерсона.

Детективы распрощались с консьержкой.

– На сей раз это чересчур! – прорычал Хёрст, сжимая кулаки. Затем взглянул на часы: – Половина восьмого. Хочу позвонить и дать распоряжения, которые просто напрашиваются: пусть частым гребнем просеют всё в комнате Смита да и весь пансионат. И хочу приставить к нему парочку человек, которые не отпустят его ни на шаг. Больше не собираюсь рисковать. Он уже нанес достаточно вреда.

– Да, – задумался Твист. – Пожалуй, это не такая уж плохая мысль. Хотя беспокоиться не о чем. Уже и так есть два полицейских, которые будут держать ухо востро.

Позвонив, Хёрст решил сообщить трагическую новость мужу и попросил Твиста сопровождать его.

– Полагаю, мы просто потеряли время, – заявил инспектор, когда они простились со вдовцом. – Как всегда, муж – единственный, кто не знает, что жена его обманывает.

– Я в этом не так уверен, – ответил Твист.

– Но, черт побери! У нас есть свидетельство консьержки! Все ясно, как божий день: у миссис Андерсон был любовник, который не кто иной, как Смит!

– Да, конечно, но я думал не об этом. Вы сказали, что мы потеряли время, а я с вами не согласен.

– Да это я так сказал, – проворчал Хёрст. – Просто я знал, что кто-то должен сообщить новость этому человеку.

– Опять не то. Вы не заметили ничего странного у мистера Андерсона?

– Нет, не понимаю...

– Мне показалось, что у него очень заспанные глаза даже для человека, которого только что разбудили.

Хёрст стукнул кулаком в ладонь другой руки.

– Да, проклятье, вы правы! И это мне кое-что напоминает...

Редкий мелкий дождь падал на Лондон, когда Уильям и Марджори в 15:30 вышли из больницы.

– Так здорово, что вы решили идти за мной, – радостно говорила девушка, не отталкивая мужественную руку, обнимающую ее за плечи. – Наверное, я никогда не выбралась бы оттуда живой. От этой раны у меня такая слабость...

Уильям вздохнул:

– В любом случае, когда я увидел, как он вас ударил и вы сползли по стенке будки, то опасался худшего.

– На самом деле, наверное, я потеряла сознание еще до того, как он меня ударил. Но неважно. Теперь расскажите мне обо всем, что произошло после того, как вы ушли от меня утром.

Уильям, казалось, весь ушел в созерцании автобуса, который заполнялся пассажирами. Он подождал, пока тот тронулся и его красноватый силуэт исчез за углом:

– Я провел остаток ночи в обществе сержанта из Скотланд-Ярда, хотя мы ничего не делали. А в восемь часов пришли человек десять полицейских и начали рыться в доме сверху донизу... Оказалось, скальпировали женщину неподалеку от церкви Святого Луки.

– Боже, значит, я как раз застала его, когда...

– Неудивительно, что он бросился за вами, как бешеная собака, – мрачно заметил репортер. – К одиннадцати

часам прибыли Твист и Хёрст. Дав какие-то объяснения Хадсонам, они тут же присоединились к Смиту, который находился в своей комнате с двумя полицейскими. Они уехали перед самым полуднем и увезли его с собой. За столом было довольно весело. Доктор Стэффорд был взбешен: *они* осмелились вынуть из рамки фотографии его жены и дочери. Миссис Дрейк слушала очень внимательно. Хадсоны старались выглядеть спокойно, но сильно нервничали из-за присутствия везде полицейских. Дженет оставалась молчаливой, как всегда, однако в глазах заметно было беспокойство. Что касается Лемана, он не уставал повторять, что всегда считал Смита последней дрянью. К четырнадцати часам миссис Хадсон сказала нам, что ее только что вызвал инспектор Хёрст и просил всех жильцов собраться в гостиной во время чая. Затем я позвонил в больницу, чтобы узнать, как вы тут...

Марджори с улыбкой покачала головой:

– Что-то мне подсказывает, что именно доктор Твист собирается руководить собранием...

– Я на него надеюсь. И надеюсь также, что он раскроет нам, как была убита миссис Гарфилд.

– Не говоря уже о таком же убийстве три четверти века назад.

Уильям заметил скамейку и направился к ней, ведя за собой подругу.

– Скажите мне, юная леди, – начал он легкомысленным тоном, ухватившись за ветку над ее головой, – вы еще не подумали, как отблагодарить своего спасителя?

Марджори удивленно подняла брови.

– О какой благодарности вы говорите?

Уильям любезно продемонстрировал. Шокированная пожилая дама, проходящая мимо, отвела глаза, но молодых людей это не волновало: они ее просто не заметили.

Звонок у входной двери прозвучал точно в 17 часов. Мистер Хадсон отставил чайник и пошел открывать. В гостиной пансионата повисло молчание, и казалось, что единственным живым существом в помещении был потрескивающий камин. Миссис Хадсон подбросила несколько поленьев в уже и так жарко пылающий огонь. Миссис Дрейк, расположившаяся в кресле, смотрела на невидимую цель с полуулыбкой на губах. Доктор Стэффорд взболтал содержимое бокала, опустошил его и зажег сигарету, предложив пачку Уильяму и Альфреду Леману. Бесспорно, именно этот последний нервничал больше всех. Рука непрерывно вытирала лоб. Наконец, открылась дверь и Марджори вздрогнула, увидев появившегося Питера Шуйлера, одетого почти сдержанно. Но все-таки он не забыл вложить в карман платок, хотя и гораздо меньших размеров. Затем в двери показалась массивная фигура инспектора Хёрста, за которым а за ним доктор Твист, взгляд которого весело сверкал за стеклами пенсне вопреки серьезности лица. Вошел Грэм Смит, сопровождаемый двумя полицейскими. Мистер Хадсон, который замыкал шествие, указал пришедшим на стулья. Смит сел между двумя своими ангелами-хранителями. Все старались не смотреть на него.

Когда чай разлили, Хёрст откашлялся и взял слово:

– Думаю, вы догадываетесь о цели этого собрания?

Ответом ему было молчание. Он кивнул, сделал несколько шагов перед камином и некоторое время смотрел на огонь, прежде чем продолжать.

– В этой комнате присутствует человек, который выйдет только в наручниках. Человек, на совести которого три убийства, и два из них – особо кровавые и гнусные, так как жертв не только закололи, но и скальпировали. И лишь немного не хватило, чтобы этот список не удлинился. На мистера Скотта и мисс Конвей вчера вечером напал все тот же человек.

По аудитории пробежала волна восклицаний, и все повернулись к репортеру и Марджори.

– Наконец, все это свидетельствует, что этот человек особо опасен...

Несколько взоров обратились к Смиту, который, опустив голову, рассматривал носки своих туфель.

– Сейчас я хотел бы сказать вам, каким образом это дело попало к нам и почему мы так быстро решили, что убийца живет в пансионате. После чего я предоставляю слово доктору Твисту.

Инспектор рассказал о событиях в хронологическом порядке. Он не умолчал ни о чем: ни о визите мисс Гарфилд в Скотланд-Ярд, ни о следах крови, обнаруженных Марджори на полотенце.

– Как можно убедиться, – закончил он, – убийца мог попасться неоднократно. Воспользовался ли он подвернувшимся шансом или продемонстрировал незаурядную ловкость? Разумеется, и то, и другое. Но неважно, в настоящее время это ему не поможет. – Инспектор замолчал и кошачьим взглядом обвел аудиторию. – Среди множества возникших вопросов я подчеркну следующие: как он сумел чудесно исчезнуть, убив мисс Гарфилд? Почему это убийство во всех отношениях походит на убийство жены полковника Хадсона? И, наконец, почему миссис Джексон и миссис Андерсон скальпированы?

Вновь все посмотрели на Смита.

– Хорошо, – откашлявшись, закончил Хёрст. – Сейчас доктор Твист хочет поделиться с вами своими выводами.

Последний, устремив взгляд на потолок, мирно потягивал трубку. Начав говорить, он помрачнел:

– Первый вопрос, который возникает в этом деле, состоит в том, чтобы понять, какая связь между ним и убийством супруги полковника. Я просто скажу, что он одновременно и прост, и сложен.

Уильям, сгорающий от нетерпения узнать разгадку этой истории, мысленно обзывал Твиста всеми возможными эпитетами. Он достаточно хорошо знал детектива и его любовь расточать парадоксальные утверждения и приковывать к себе внимание. «Спокойнее, спокойнее, – сказал себе журналист, – он еще только начал».

– Когда я говорю прост, я слышу, что убийца просто вдохновился тем преступлением, чтобы убить мисс Гарфилд. Вначале мы обратимся к этому убийству, которое вновь всплыло на поверхность спустя три четверти века. Миссис Хадсон, будьте так любезны принести портрет ваших прадеда и прабабки – тот, что висит в коридоре!

Эллен Хадсон на мгновение застыла, прежде чем ответить:

– Да, конечно, но...

Твист поблагодарил ее движением век, и она вышла. Когда она вручила ему фотографию, детектив посмотрел на снимок со странной улыбкой, а затем показал аудитории:

– Вот, леди и джентльмены, полковник Оливер Хадсон и его супруга...

Некоторые с удивлением переглянулись, спрашивая себя, в своем ли уме доктор Твист, когда указывает на очевидное, но они изменились в лице, когда он добавил:

– Полковник и его супруга, или убийца и его жертва!

Мистер и миссис Хадсон хотели возразить, но Твист жестом остановил их:

– Простите меня за прямоту, но это – истинная правда: ваш прадед убил свою жену. – Повернувшись к Хёрсту, он добавил: – По крайней мере, в этот раз меня нельзя упрекнуть в том, что я увлекся описанием. – Он вновь повернулся к Хадсону: – Давайте признаем, что это прошлое слишком далеко, чтобы затронуть вас лично. В любом случае, ни вы, ни ваша супруга не знали ваших общих прадеда и прабабку.

Мистер Хадсон пожал плечами, а его жена согласно кивнула. Марджори прошептала:

– Теперь я понимаю, почему мисс Гарфилд так часто смотрела на эту фотографию...

– В самом деле, – продолжал Твист, – у старой девы был живой ум, и ее, без сомнения, поразил холодный взгляд полковника... Эти ясные глаза с металлическим блеском... Вероятно, она догадалась, что именно он убил свою жену. – Он вновь посмотрел на фотографию и сказал: – Жестокий человек с болезненной ревностью... так вы мне сказали, миссис Хадсон?

– Да, кажется, так.

Твист осторожно положил фотографию на стол и продолжил:

– Я сказал инспектору Хёрсту, что пианино сыграло в этом деле важную роль. Действительно, именно оно явилось причиной этой драмы. Очень похоже, что именно за этим инструментом Ли Харпер, учитель музыки, ухаживал за своей ученицей. Мы поймем, что в этих условиях она и не могла достигнуть больших успехов в игре. Вновь полковник пришел к выводу, что обманут. Но мы в Лондоне, а не в Индии. Однако это напрямую возвращает нас к тому, другому делу. Но что мы о нем точно знаем? По счастливому стечению обстоятельств инспектор Бриггс из Скотланд-Ярда сумел собрать по зернышку некоторые факты.

Лейтенант Хадсон избил местного жителя, которого застал со своей подругой, и она погибла немного позже. Точка. Это все. Это – единственные факты, на которые мы можем опереться. Про все остальное: месть индуса, угрозы, проклятия и действия – мы знаем только со слов полковника... Если говорить прямо, *речь идет об истории, полностью придуманной им*. Если мы рассмотрим факты в хронологическом порядке, то легко разгадаем причины этой лжи.

Он избивает своего соперника довольно жестоко и, разумеется, при свидетелях, без чего власти вообще не обратили бы внимания на подобный инцидент. Совершенно очевидно также, что именно он убил молодую местную девушку. Обманула ли она его вторично? Почувствовал ли он вновь запоздалый приступ ревности или же исходил из принципа, что месть – блюдо, которое подается холодным? Мы этого никогда не узнаем, да это и не так важно. Что бы там ни было, убийца выпутался из этого дела тем легче, что все происходило в крайне нестабильный период в стране, когда назревал кровавый мятеж, принесший бесчисленные жертвы. Лейтенант Хадсон вел себя образцово, с незаурядным мужеством, и никто его потом не беспокоил. Впрочем, выжили совсем немногие из его полка – военные ли, гражданские, женщины или дети.

Прошли годы, сменяя друг друга, и вот опять: жена полковника виновна в супружеской измене. Но на этот раз речь о его законной супруге. Мы понимаем чувство, которое возникает в нем в этот момент, тем более, что мы знаем характер персонажа. Но мы больше не в Индии. Если он хочет отомстить и остаться безнаказанным, нужно придумать план гораздо тоньше, чем тот, что он применил несколькими годами раньше, когда прикрепил тюрбан на куст и, вероятно, переоделся в подозрительно-го местного. То, что вышло из этого дьявольского мозга, в

некотором смысле довольно замечательно. Как мы знаем, он смог представить неуязвимое алиби на время убийства, поскольку его друг, Годфри Сток, не оставлял его ни на секунду.

– Он заплатил сообщнику, и тот убил его жену! – воскликнул Уильям.

Твист тихо покачал головой:

– Нет, ее заколол именно он. Я не собираюсь раскрывать вам сейчас его трюк, но запомните: полковник был сильным бойцом, коллекционером холодного оружия, а щит, на котором размещалась его коллекция, упал почти в тот же момент, когда в спину его жены вонзился кинжал. Кроме того, его план должен был позволить ему перевести подозрения в преступлении на ее любовника, Ли Харпера. Вспомните: какой была бы ситуация, если бы не неожиданная его встреча с другом перед входом в проход? Несомненно, его бы повесили. Впрочем, именно эта неожиданная встреча придала всему убийству такую сверхъестественную окраску. Как он добился, чтобы его сын оказался во дворе со свидетельницей, жена провожала учителя музыки и чтобы у самого имелся свидетель? Не могу вам этого сказать, поскольку не хватает слишком много информации, но полагаю, что в области стратегического планирования для него тайн не существовало.

Что бы там ни было, он избегает правосудия. По крайней мере, людского. Преступление, или скорее *преступления*, начинают преследовать его во сне. Некоторые видения происходят постоянно: избиение индуса, убийство бывшей любовницы и жены. Он начинает разговаривать во сне: «Индус... кинжал... смерть за шторами». И когда близкие родственники просят его объяснить, мы понимаем, почему ему трудно ответить. Не забудем также, что убийство его жены осталось нераскрытым и что тяжелая тайна подозрений все еще висела в доме.

– Понятно, – сказал Уильям. – Поэтому он придумывает историю, которая основана на некоторых фактах и объясняет его слова, сказанные во сне: индус, который приносит проклятие и угрожает кинжалом, любовница, которая находит *смерть за шторами* – как и его жена – и убийца, который исчезает, как по волшебству, – что и произошло в случае с миссис Хадсон. Как не подумать в то время, что последнее преступление совершено этим удивительным индусом, поклявшимся отомстить? Да, хитро, и можно даже сказать, что одним выстрелом он убил двух зайцев.

– Все это хорошо, – вмешался мистер Хадсон, зажигая сигарету. – Но нужно еще рассказать нам, как убийца смог поразить мисс Гарфилд...

Доктор Твист улыбнулся:

– Как это ни забавно, именно полковник направил меня по верному пути. Не желая этого, конечно. «*Смерть за шторами, всё там!*» Произнося эти слова, он вновь увидел, как его жена появляется из-за штор тамбура и падает на пол. Кто бы мог подумать, что эти несколько слов фактически дают ключ к разгадке. Смерть за шторами, – повторил Твист, не переставая улыбаться, – все становится просто очевидно, если подумать. Мы к этому вернемся, не волнуйтесь.

Если Уильям и испытывал безграничное восхищение доктором Твистом, сейчас он с удовольствием свернул бы ему шею. У него создалось впечатление, что детектив помогает правосудию исключительно для того, чтобы иметь удовольствие видеть людей, ловящих каждое его слово в течение окончательного объяснения, играть на их нервах и мучить загадочными речами.

– Но давайте вернемся к убийству мисс Гарфилд. Было семнадцать тридцать, когда она позвонила отсюда в Скотланд-Ярд. Мы знаем, что она подозревала человека из пансионата и понимала, что находится в опасности. Этим

звонком она подписала себе смертный приговор. Миссис Дрейк, дремлющая в кресле, слышала, что после того, как миссис Гарфилд повесила трубку, тихо закрылась дверь.

Парикмахерша согласно кивнула.

– По всей видимости, это был убийца, – продолжал Твист. – У мисс Гарфилд, вероятно, не было никаких улик против него, но он не хотел рисковать. И в восемнадцать тридцать ее не стало. Возникает вопрос, который, вынужден признать, чрезвычайно меня беспокоил: как за один час убийца смог подготовить свой удар, разработать это идеальное преступление, такое, как совершенное Оливером Хадсоном много лет назад, и почему с такой точностью воспроизвел обстоятельства той драмы?

Кроме того, он не мог предусмотреть момент, когда прекратится снег, то есть именно тот элемент, который единственно придал нереальный аспект этому преступлению. И однако мы уверены в преднамеренности. Еще один волнующий момент: убийца должен был по необходимости знать о хитрости, использованной полковником, но давно ли он о ней знал? Это маловероятно, так как, думаю, он не стал бы хранить эту тайну, поскольку не мог знать, что настанет день, когда ее придется использовать. Не очень убедительная гипотеза, согласен, но я склонен считать ее правильной. Поэтому я сделал следующее предположение: возможно ли, что он еще не проник в тайну полковника, когда застал мисс Гарфилд за звонком в Скотланд-Ярд, призванном его разоблачить?

Столько вопросов без ответов, столько необъяснимых фактов. А тут еще само преступление. Свидетели готовы клясться, что в коридоре и тамбуре во время убийства не было никого, кроме них самих и жертвы. Отсутствие следов на снегу на концах прохода, за исключением следов самой мисс Гарфилд, конечно же, абсолютно доказывает, что убийца не убежал туда. Но это не все. Имеется другой

факт, очевидно абсурдный: входная дверь за мисс Гарфилд была вновь закрыта. Стала бы она это делать, если бы уже получила ножевой удар? Очевидно, нет. Я подумал, что именно убийца сделал это, чтобы выиграть несколько секунд. Но если подумать, он выиграл столько же, заставив преследователей открыть дверь, сколько потерял сам, закрывая ее. Кроме того, эта гипотеза предполагает, что он оказался в тамбуре, – а это кажется совершенно невероятным, если верить свидетельствам. Тогда как объяснить, что дверь оказалась закрыта?

Больше не в силах сдерживаться, Уильям вскочил с места:

– Но, черт побери, вы же ничего не объясняете! Вы только и делаете, что еще больше углубляете тайну!

– Спокойнее, спокойнее, – ответил детектив. – Я лишь показываю дело таким, как оно предстало перед моими глазами. Продолжу. Экспертиза официально доказала, что оружие в самом первом преступлении – я, разумеется, говорю о супруге Оливера Хадсона, а не об Авеле, брате Каина...

– Сыне Адама и Евы, – иронично уточнил Уильям.

– Именно это оружие, – невозмутимо продолжал Твист, – послужило для того, чтобы снять скальп с Салли Джексон. Все это приводит нас к еще одному аспекту этого дела, столь же загадочному: две женщины скальпированы. Две женщины, которые, очевидно, никак не связаны с жильцами этого пансионата. По крайней мере, так мы думали вчера. Но в настоящее время мы знаем, что такая связь существует. Не так ли, мистер Смит?

Жилец с последнего этажа еще ниже опустил голову, но ничего не сказал.

– В это утро, как вы могли видеть, полицейские обыскали дом сверху донизу, особое внимание уделяя комнате мистера Смита. И там мы кое-что нашли...

По знаку Твиста инспектор Хёрст достал из кармана черную записную книжку и вручил ему.

Легкая улыбка осветила лицо детектива по мере того, как он переворачивал страницы:

– *Кларисса Адамс, 29 лет, Рассел-стрит, 43 бис. Муж – предприниматель. Любит Моцарта и фиалки. Алиса Браун, 31 год, замужем за военным, особенно любит...*

И Доктор Твист процитировал еще полдюжины женских имен, прежде чем обратиться к Смит:

– Как видим, любопытная бальная книжка! Можно подумать, вы держите брачное агентство. – Он перевернул страницу: – Ага! *Салли Джексон!* И имя дважды перечеркнуто... странно. А вот через две страницы: *Сара Андерсон!* Разве это не женщина, убитая сегодня ночью?

Смит что-то процедил сквозь зубы, но никто не разобрал.

– Что ж, поскольку вы, кажется, не собираетесь комментировать (заметьте, я вас прекрасно понимаю), я это сделаю сам. Все здесь присутствующие без труда поняли, что у вас слабость к женскому полу и вы прекрасно знаете, как совместить приятное с полезным. Не желая входить в детали, скажу лишь, что некоторые моменты вашей анкеты, уточненные нами, это подтвердили. Кроме того, у ваших «побед» всегда, словно случайно, имеется «зажиточный» муж. Если говорить яснее, вы – обычный жиголо.

Если некоторые и выразили удивление, были и те, кто совсем не удивился: доктор Стэффорд, Альфред Леман и, разумеется, Уильям Скотт триумфально обвели глазами аудиторию, прежде чем бросить презрительный взгляд на Смита.

– Легко понять, – продолжал доктор Твист, – что, дабы ублажить всех этих дам, приходится отлучаться в любой час дня или ночи. Какую тактику вы использовали для выманивания у них денег? Обольщение, умильные взгляды, пламенные слова? Сказку о художнике, не способном найти сочувствующее сердце; о музе, посыпающей золотой пылью? – Увидев, как на виске Смита запульсирова-

ла жилка, Твист сменил тон. – Ладно, неважно. Давайте вернемся к вашей записной книжке. Как вы объясните этот крест на имени Салли Джексон?.. О, как же я глуп! – добавил он тотчас же, ударив ладонью по столу. – Вы вычеркнули ее из списка, потому что она умерла и больше не может быть вам полезной. Это так?

Смит кивнул и дрожащей рукой зажег сигарету.

– Так, так, так, – продолжал Твист. – Давайте обратимся к убийствам двух ваших пассий. Как странно, разве не так? Обе скальпированы, кем и почему? – Твист сделал вид, что размышляет. – Говоря о скальпах, мистер Смит, не могу не вспомнить факт из вашей молодости, когда вы «уже играли в краснокожих», если можно так выразиться...

Леман, сжав кулаки, бросил на Смита ледяной взгляд. Он открыл было рот, чтобы что-то сказать, но сдержался.

Твист попросил Марджори подробно рассказать собравшимся о своем ночном приключении, которое чуть не закончилось трагически. Она с трудом сделала это, глядя в пол и стремясь любой ценой не встречаться глазами со Смитом, смотревшим на нее с улыбкой, которую она так ненавидела.

Когда она закончила, повисла мертвая тишина. Если бы глаза собравшихся были пистолетами, Смита превратили бы в решето.

Раздался голос Стэффорда, звонкий от гнева:

– Но черт возьми! Чего вы ждете, чтобы убраться отсюда эту мразь? Разве не очевидно, что...

– Нет, доктор Стэффорд, – возразил Твист. – Совсем не очевидно. Или скорее, да: убить Сару Андерсон мог кто угодно *за исключением мистера Смита*.

Затихли удивленные и протестующие возгласы. Твист продолжил приятным голосом:

– Мисс Конвей, которая преследовала мистера Смита, как она только что об этом рассказала, увидела, как он во-

шел во двор на Баннер-стрит, 14. Она чуть замешкалась, прежде чем последовать за ним, а затем увидела мистера Смита, склонившегося над телом. Мисс Конвей, повторите нам, сколько времени вы не видели мистера Смита...

– Меньше минуты, – ответила она.

– А вы, мистер Скотт, вы согласны с ней?

– Абсолютно, – подтвердил репортер.

Твист зажег трубку, прежде чем продолжить:

– Судебный эксперт свидетельствует, что удаление волос Сары Андерсон было сделано очень тщательно, что никак нельзя было выполнить за несколько секунд.

– Но тогда, – прошептала Марджори, – это не он...

– Да, это не мог быть он, вы правильно поняли. Это совершенно невозможно. И не он преследовал вас.

– Но тогда кто?

– Убийца, – ответил Твист. – Убийца, который подстергал Смита в углу двора. Он хотел убить вас, потому что вы увидели Смита, а преступник сразу же понял, что, рано или поздно, ваше свидетельство оправдает Смита.

Взмахом руки детектив пригласил Смита высказаться.

– Это была ловушка, – пробормотал тот. – Впрочем, мне следовало догадаться, получив письмо, подписанное Сарой, которая просила меня встретиться с ней у нее на заднем дворе в час ночи. В самой встрече в этом месте и в это время не было ничего странного, но записка была напечатана на машинке. Она так не делала. Несмотря ни на что, я пошел туда. Должен поздравить мисс Конвей, так как ни на секунду не заметил, что она следует за мной. Когда я наткнулся на труп Сары, и главным образом, когда увидел рану на ее голове, я тотчас же подумал о Салли Джексон. У меня почти не было времени на размышление: рядом прозвучали поспешные шаги. Затем тень пересекла двор и устремилась в погоню за силуэтом, который только что исчез на улице. Не задерживаясь ни се-

кунды, я вернулся в пансионат, начиная понимать угрожающую мне опасность: две мои подруги скальпированы за несколько дней – это не могло быть случайностью.

Марджори огромными глазами смотрела на Смита:

– Тогда... Но его одежда была такой же, как у вас...

Твист кашлянул:

– Разумеется, речь не идет о совпадении. Думаю, вы все понимаете теперь, что мы имеем дело с подлогом, имевшим целью выдать мистера Смита за виновника преступлений. Я имею в виду убийства, где жертвы были скальпированы. Таким образом, мы не знаем, как убийца хотел инкриминировать мистеру Смиту нападение на мисс Конвей, поскольку лишь в последний момент он понял необходимость броситься за ней в погоню, но он явно подготовил нечто, чтобы мистер Смит оказался на месте трагедии. Запланировал ли он убийства и других «подруг» мистера Смита? Вполне возможно. Его план состоял в следующем: он понимал, что эта серия кровавых убийств поднимет на ноги всю полицию, которая очень быстро обнаружит, что у жертв есть нечто общее – любовник. Если бы она не сумела взять след и сейчас, я убежден, что один из вас – по крайней мере! – пришел бы в Ярд и рассказал о странном жильце. Тогда с учетом нескольких свидетельств мистер Смит непременно был бы идентифицирован как этот удивительный любовник. А главное, у полицейских была бы история этого дикого нападения с отрезанием волос у миссис Крошоу. Давайте на секунду поставим себя на место полицейских: как не поверить, что они поймали своего маньяка-убийцу?

Также отметим умное поведение убийцы, который воздержался от того, чтобы подбросить грубые улики типа визитной карточки, часов, портфеля и т. д... что могло бы посеять сомнения у следователей. Впрочем, совершенно понятно, что обвинение которое готова была выдвинуть

мисс Гарфилд, даже если оно и не основывалось ни на чем материальном, направило бы подозрения на преступника, что, конечно, противоречило его планам и могло даже стать очень опасным для него. Поэтому он, не колеблясь, убил ее.

Доктор Твист остановился и обвел глазами собравшихся. Хёрст елеинным голосом обратился к пианисту:

– По вашему мнению, мистер Леман, кто мог так ненавидеть мистера Смита, чтобы пойти на подобные крайности?.. Ах да! Я забыл сказать: вчера во второй половине дня мы были в Гринхилле, привет вам от вашей тетушки!

Музыкант, казалось, превратился в камень.

Твист кашлянул и продолжил:

– Его первым порывом, разумеется, было желание убить самого Смита. Но он быстро сообразил, что «прямое» убийство предполагает наличие преступника, а это означает расследование, которое может вывести на него. Особенно если у Смита не было личных врагов. А в тот момент он практически ничего не знал о Смите. Следовательно, он собирался следить за ним во время его ночных выходов, если только не нанимать частного детектива. Я представляю, как он роется в его комнате и находит эту маленькую черную записную книжку, содержимое которой достаточно ясно. Как бы там ни было, он быстро понимает «род деятельности» своего врага, что может лишь усилить его ненависть. И вот он лелеет свои черные мысли, когда (всего лишь несколько недель назад) слышит удивительные признания Смита о нападении на свою бывшую соседку. И вот рождается совершенно макиавеллевский план – медленно, но неумолимо приводящий Смита в тюрьму, где он на досуге мог бы поразмышлять о судебной ошибке и о веревке, на конце которой скоро повиснет. Более жестокое наказание, чем быстрая и слепая месть, когда у жертвы едва ли есть время понять, что во-

обще происходит. Особо изощренное, поскольку никто не нашел бы связи между ним – убийцей – и этим удивительным «снимателем скальпов» у женщин.

Смерть за шторами... Как я вам уже говорил, именно эти слова полковника Хадсона объяснили мне, как была убита мисс Гарфилд. Если как следует подумать над ними, возможны две интерпретации. В первой мы естественно представляем, что «смерть» обрушилась на мисс Гарфилд за шторами, следовательно в маленьком тамбуре. Что касается второго – смерть тоже появляется из-за штор, но на этот раз давайте посмотрим со стороны жертвы, а это означает коридор.

– Коридор! – воскликнул Питер Шуйлер, не скрывая возмущения. – Разве мисс Гарфилд поразили из коридора? Это бессмысленно! Там не было никого, готов поклясться!

– Я тоже, – подтвердил мистер Хадсон.

Доктор Твист с улыбкой покачал головой, словно разговаривая с юными школьниками, которые неправильно ответили преподавателю.

– Я сказал не что мисс Гарфилд была убита в коридоре, а что смерть пришла оттуда. Что касается утверждения, что в коридоре не было никого, это абсолютно не так: *там были вы двое.*

Мистер Хадсон и Питер Шуйлер выглядели явно удивленными. Последний поправил платок и с вызовом спросил доктора Твиста:

– Мы были в сговоре?

– Нет, мистер Шуйлер, убийца действовал один. Как всегда.

– Значит, это был один из нас? Но это еще абсурднее, так как мы не расставались ни на секунду до прибытия мисс Гарфилд.

Твист замолчал, но это совсем не разрядило напряжения.

– Возникает вопрос, – сказал он, задерживая взгляд на Марджори. – Была ли мисс Гарфилд порывистым челове-

ком и спонтанной в движениях? Или наоборот – спокойной и аккуратной? Давайте возьмем пример: когда она закрывала дверь, она просто захлопывала ее или поворачивалась, чтобы аккуратно притворить?

Марджори почти не задумалась:

– Она закрывала ее аккуратно, как вы только что сказали.

– Так, так, – кивнул Твист, по-видимому удовлетворенный этим ответом. – Давайте вернемся к убийству, совершенному Оливером Хадсоном. Он оказался в обществе своего друга у подножия лестницы, когда вернулась его супруга, еще живая. Что случилось потом? Резко упал щит с коллекцией оружия, и на лестнице раздался оглушительный грохот. Это, говоря мимоходом, являлось частью плана, который состоял в том, чтобы предварительно привести щит в неустойчивое равновесие и вывести от него скрытую нить, которую достаточно дернуть, чтобы вызвать падение. У всей этой конструкции была единственная цель: отвлечь внимание его друга секунды на три-четыре, и чтобы он отвернулся в точный момент, предусмотренный Оливером Хадсоном. Годфри Сток должен был оказаться между лестницей и полковником, стоящим чуть в стороне рядом с дверью в кухню. Иными словами, когда мистер Сток повернулся к лестнице, привлеченный грохотом, он не мог видеть того, что делал Оливер Хадсон. – При убийстве мисс Гарфилд, – спокойно продолжал Твист, – положение практически аналогично.

– Но вы – сумасшедший! – воскликнул Питер. – Ни на одну секунду мы...

– А вот и нет! – Голос Твиста прозвучал, как удар хлыста. – Когда вы слышали, как открылась входная дверь, мистер Хадсон указал вам на лестницу, «чтобы спокойно продолжить разговор». Вы повернулись и поднялись на пару ступенек...

Давайте остановим время – маятник, если предпочитаете. В другом конце коридора мисс Гарфилд закрывает за собой дверь. Когда человек делает это нормальным образом, я хочу сказать, не спеша, он частично поворачивается к двери и стоит несколько боком.

Здесь немного отвлекусь и расскажу вам о кинжале, который обнаружили в спине у супруги полковника и который был взят из коллекции, которая только что упала. Отсюда мысли о магическом кинжале, который сам по себе прилетел в спину жертвы. Магический кинжал, – мечтательно повторил доктор Твист, – летящий кинжал... Но если хорошенько подумать, все кинжалы способны летать! Для этого, *достаточно их метнуть!*

Доктор Твист медленно повернулся к мистеру Хадсону, который смотрел на него неподвижным взглядом, полуприкрыв глаза.

– Давайте встанем в этот момент на ваше место, мистер Хадсон, если хотите. Слева от вас мистер Шуйлер только начинает подниматься по лестнице, а прямо перед вами, приблизительно в тридцати футах, за шторами (которые, между прочим, всегда немного раздернуты) вы видите мисс Гарфилд, которая обращена к вам боком и спиной.

Когда я рассматривал коллекцию, то понял, что ваш прадед – превосходный метатель кинжалов. И вы, если не ошибаюсь, также очень умело управляетесь с холодным оружием.

Когда мисс Гарфилд готовилась повернуться, вы метнули кинжал ей в спину и бросились на лестницу по пятам за мистером Шуйлером. На все это достаточно трех секунд. Весь успех зависит от координации движений, то есть, главным образом, от момента, когда вы вводите мистера Шуйлера на лестницу, в то время как мисс Гарфилд готовится закрыть за собой дверь. Точность вашего броска – также существенный фактор. Со своей стороны, жертва,

которую закалывают, когда она собирается повернуться, заканчивает это последнее движение, оказывается лицом к шторам и ухватывается за них. Миссис Хадсон, которая только что открыла дверь кухни, видит, как старушка делает еще шаг или два перед тем, как упасть. Вам повезло, мистер Хадсон, что ваша жена не открыла дверь пятью секундами раньше.

Под смущенными взглядами присутствующих Джерри Хадсон откинул голову назад и зашелся хохотом:

– Это все фикция, мистер Твист, чистая фикция! Ха! Ха! Ха! Начать с того: как нанести удар, чтобы...

– Но это абсолютно по вашей части, мистер Хадсон, – перебил его детектив. – Ночная атака, внезапная атака с применением холодного оружия... вы в таких участвовали. Мы собираемся запросить ваши служебные характеристики во время войны. Что касается точности броска, просто напомню вам (хотя уверен, вы прекрасно это знаете), что некоторые специалисты в этом деле легко поражают цель на расстоянии в три или четыре раза больше. И при этом малайские виртуозы действуют еще лучше. Кроме того, эта гипотеза подтверждается положением кинжала, обнаруженного в спине мисс Гарфилд: горизонтальный удар и немного справа – давайте не забывать, что она не полностью повернулась, закрывая дверь. Положение, которое было объяснено тем, что удар нанес низкорослый правша.

Мертвенно-бледная миссис Хадсон с удивлением и страхом смотрела на мужа.

– Но, дорогая, – закричал этот последний, – ты же не веришь этому человеку, он заговаривается!

– Я еще не закончил, мистер Хадсон, – грубо оборвал его Твист. – На оружии не было никаких отпечатков. Во время преступления на вас были перчатки: вы были одеты для выхода на улицу. Следовательно, вы могли легко

спрятать кинжал в кармане пальто. Затрудняюсь отгадать, почему вы придали этому преступлению внешность преступления своего прадеда, но кое-какие догадки у меня есть. Итак, семнадцать тридцать, и вы застаете мисс Гарфилд во время звонка в Скотланд-Ярд. Вы принимаете решение: она становится слишком опасной, ее нужно устранить. Вы знаете, что она совершает свою прогулку в восемнадцать часов, и именно в этот момент вы положите конец ее жизни. Это – свободный день вашей прислуги, и вы не без причины полагаете, что, если заявите, что закончился чай, предпочитаемый мисс Гарфилд, ваша жена отправит вас за ним. Вы поднимаетесь в свою комнату, одеваетесь, берете кинжал и ждете, когда выйдет мисс Гарфилд. Замечая Смита на лестнице, вы говорите себе, что, помимо прочего, было бы неплохо постараться, чтобы преступление было приписано ему. Но не успела мисс Гарфилд выйти, в дверь звонит визитер. Ваш план летит к чертям, и убийство приходится отложить. Очень быстро разговор с пришедшим переходит на убийство вашей прабабки. И тут происходит удивительная вещь – самая удивительная из всего этого дела, так как именно это воспоминание объясняет вам, *как именно и кем* было совершено это преступление...

До этого дня вы рассматривали обстоятельства этой трагедии из далекого прошлого просто как загадку, что-то вроде ребуса, который неплохо бы разгадать. Поэтому вы размышляли над этим несколько отстраненно, как над детективным романом, концентрируясь на загадке и отбрасывая все другие чувства.

Но теперь вы в абсолютно другом настроении, вы рассматриваете проблему под другим углом, вы рассматриваете ее *глазами убийцы*. Поскольку в этот момент вы собираетесь выработать оптимальную стратегию, чтобы

уничтожить мисс Гарфилд. Ваш мозг просто кипит, интенсивность ваших размышлений стимулируется самим местом преступления: тамбур, тяжелые плюшевые шторы, коридор... летящий кинжал, который воткнулся в спину жертвы... а сейчас он в вашем кармане, в ваших пальцах, то же самое смертельное лезвие, которое вы ласково поглаживаете. Не забываем фотографию жертвы и ее убийцы, странный взгляд полковника Хадсона, которому вы внезапно придаете устрашающее значение. И вот свершилось! Меньше, чем за время, которое требуется, чтобы все это сказать, ваши серые клеточки совершают синтез всех этих данных.

Признаю, что все это только рассуждения. Но по уже сказанным причинам я бы очень удивился, если бы вы поняли всю эту удивительную историю раньше. Что бы там ни было, именно в этот момент, вы решаете убить мисс Гарфилд, используя тот же способ, что и ваш предок, ту же дьявольскую хитрость, которая предоставит вам золотое алиби, заставив поверить во вмешательство извне. И сверх того, раз мистер Смит вышел, вы убьете одним ударом двух зайцев. В одно мгновение, вы обнаруживаете, что на самом деле оказались в очень хорошей ситуации, чтобы успешно осуществить убийство: у вас в руках оружие, использованное вашим прадедом – абсолютно подходящее оружие – а вы сами – специалист по метанию ножей. Кроме того, вы знаете, что мисс Гарфилд непременно вернется ровно в восемнадцать тридцать. Между тем, поскольку у вас нет щита с холодным оружием, чтобы организовать шум его падения, вам надо срочно найти способ отвлечь внимание свидетеля, мистера Шуйлера. То, что вы сделали – весьма изобретательно... Остается присутствие вашей жены... Но, взглянув на часы, она быстро возвращается на кухню. Мы видели, каким образом вам удалось заставить мистера Шуйлера начать подниматься

по лестнице, когда мисс Гарфилд вернулась со своей прогулки. В этот момент и только в этот момент, когда оказались соблюдены все условия, чтобы ваш бросок имел успех, вы выхватываете кинжал. Менее, чем через две секунды, он оказывается в спине жертвы. Если исключить возможность промаха, вы практически ничем не рисковали. Действительно, если бы ситуация не оказалась в точности такой, как вам нужно, вы бы просто оставили оружие в кармане.

Все прошло так, как вы хотели, за исключением одного: снег прекратился. Девственный снег, беспристрастный свидетель, скажет, что *никто* не мог заколоть мисс Гарфилд. И, как и в преступлении вашего предка, это непредвиденное событие придало убийству сверхъестественные черты. На первый взгляд – какое-то дьявольское везение. Но если задуматься, мы убедимся, что оба преступления имели целью акцентировать внимание на вмешательстве снаружи (помимо алиби, которое они предоставили), и лишь небольшая случайность могла бы привести к тому, что произошло в действительности. Например, мог появиться прохожий, который увидел бы как мисс Гарфилд вошла в проход или даже открыла дверь, жертву могла сопровождать подруга и т. д.

Эти факты, как можем заключить, вновь доказывают, что невозможно учесть всего. Мы постоянно решали: было ли это преступление замыслено заранее или нет. Разумеется, было, но убийце пришлось на ходу менять план, да еще добавилось прекращение снегопада.

Ничего не хотите сказать, мистер Хадсон? Хорошо. Я еще не закончил. Но прежде я хотел бы задать вопрос вашей супруге: в это утро вы не почувствовали, что просыпаетесь с трудом? Совсем как в утро вторника! Не отрицайте, утром в тот день вы были не в форме, нам об этом рассказали. По случайности это как раз дни убийств мис-

сис Джексон и миссис Андерсон. Да, вы начинаете понимать, что муж давал вам наркотик, чтобы...

– Он говорит не пойми что! – завыл Джерри Хадсон, повернув к жене неузнаваемое лицо.

Миссис Хадсон, съежившаяся на стуле, разрыдались. Было что-то патетическое и трагическое в контрасте между супругами, да и дьявольское: пламя камина блестело, отражаясь в золотых локонах Эллен Хадсон, и словно высекало из огня безумное лицо Джерри Хадсона, словно пришедшего прямо из ада.

– Не пойми что! – повторил он, зажигая сигарету, чтобы попытаться взять себя в руки.

В мертвой тишине все смотрели на Джерри Хадсона, того Джерри Хадсона, который убил несчастную мисс Гарфилд. Голос Твиста вновь поднялся и безжалостно жалил:

– Мужьям жертв также давали наркотик в ночь преступлений. Их супруги, но, конечно, по другим причинам. Впрочем, именно это вызвало у меня подозрения. Если не ошибаюсь, мистер Смит, они действовали именно по вашим советам, чтобы иметь возможность «встречаться» с вами без помех.

Вновь Джерри Хадсон рассмеялся, но никто его не поддержал.

– И почему я затеял подобную махинацию против этого типа? – спросил он, скалясь и разводя руки в стороны. – Почему?

Твист пристально посмотрел на него, а затем спокойно спросил:

– Хотите, чтобы мы задали этот вопрос мистеру Смиту?

В течение секунды в ясных глазах Джерри Хадсона вспыхнул зеленый огонь. В следующее мгновение он бросился на Смита, словно хищник, опьяневший от крови.

ЭПИЛОГ

Держа руку Марджори в своей, Уильям смотрел как мистер Фарр наполняет бокалы портвейном. Он был счастлив и в превосходном настроении вопреки тому зловещему делу, конец которому положил Твист несколько дней назад. Накануне журналист спросил у Марджори, хочет ли она выйти за него замуж, и она ответила, что это честное предложение и она не видит возражений. Тем не менее, его беспокоило, что здесь делают они: Марджори и он, Хёрст, Твист и Грэм Смит – в Гринхилле у мистера Фарра, нынешнего владельца бывшего жилища Смита? Кроме того, прежде чем зайти в дом, доктор Твист шепнул им с Марджори на ухо странные слова: «Если вы услышите несколько странные звуки и у вас спросят, действительно ли вы их слышите, отвечаете, что нет».

На самом деле у него создалось впечатление, что Твист не хотел говорить всего в присутствии Марджори. Но она решила сопровождать жениха, а чего хочет женщина...

В доме 48 по Хокстон-стрит настали непростые времена. Миссис Хадсон пребывала в шоке. Доктор Стэффорд, которого потрясла эта ужасная история, вышел из своей апатии, перешел на безалкогольную диету (или почти безалкогольную) и сам решил заняться несчастной молодой женщиной. Дженет, такая неприметная малышка Дженет, оказалась очень эффективной. Марджори ей помогала изо всех сил, а жених Дженет, который искал работу, оказался мастером на все руки. Следовательно, заявила Марджори, «ничто не мешает мне вас сопровождать». И вот она здесь, единственная женщина среди присутствующих.

– За ваше здоровье! – сказал мистер Фарр поднимая бокал, в котором отражался солнечный луч.

Это был маленький мужчина около пятидесяти лет, любезный сельский джентльмен, одетый с намеком на стиль.

Все чокнулись, и Уильям с Марджори чуть задержали взгляд друг на друге.

Грэм Смит поставил бокал на журнальный столик и взял печенье, которое стал грызть с задумчивым видом.

– Это очень любезно с вашей стороны пригласить нас, мистер Фарр, но...

– О! Я знал, что это доставит вам удовольствие, мистер Смит, снова увидеть ваш бывший дом, – ответил хозяин, вновь наполняя бокал.

– Конечно, но...

– Вновь увидеть дом своей юности всегда очень трогательно. Ставлю себя на ваше место!

– Да, конечно...

– И если честно, – сказал мистер Фарр с хитрым видом, – я хотел бы кое-что уточнить относительно того дела, которое попало в заголовки газет в эту неделю. Мой друг доктор Твист сказал мне накануне по телефону, что он с радостью даст мне все объяснения и что он знает кое-кого, кто может рассказать мне об этом лучше, чем он, кого-то, кто будет счастлив приехать ко мне... Нет, было бы совершенно бессердечным не дать вам возможности вновь увидеть ваше бывшее жилище. Всегда остается что-то в памяти, я это понимаю...

– Я, – запнулся Смит, – просто не знаю, как вас благодарить.

В такой веселой и беззаботной обстановке был произнесен новый тост, после чего доктор Твист сделал подробный разбор дела. Когда он упомянул о визите к миссис Крошоу на прошлой неделе, мистер Фарр перебил его и обратился к Смигу:

– Печенье, которое вы, кажется, оценили по достоинству, приготовила именно миссис Крошоу. Оно превосходно, не правда ли? Я редко встречал такого милого человека: она балует меня, словно...

– Ну же, мой мальчик, – сказал Хёрст, по-отцовски шлепая по спине Смита, сидящего с каменным лицом. – Это – старая история, и я уверен, что, если вы встретитесь с ней сейчас, она простит вас!

– Хотелось бы верить, – вздохнул Смит беря сигару, которую ему предложили.

– Но конечно, конечно, – продолжал настаивать инспектор, в свою очередь погружая толстые пальцы в коробку с сигарами. – Не мне вас учить, как разговаривать с женщинами. – Он зажег сигару и сладострастно затянулся. – Кстати, Твист, в тот день в поезде, который вез нас назад в Лондон, я уже частично понял правду...

– В самом деле?

– Да, мы говорили об Альфреде Лемане. У меня была гипотеза, которой я хотел с вами поделиться, но я замолчал, потому что вы раздражали меня своими тайнами, вспоминаете?

– Конечно.

– Так вот: я уже тогда подумал о кознях против мистера Смита. Конечно, я ошибся в преступнике...

– Козни, за которыми якобы стоял Леман? – удивился Смит.

Твист рассказал ему о связи этого человека с миссис Крошоу.

– Да, – заметил Смит, – похоже, меня не слишком любили в пансионате.

– Мистер Хадсон уж точно, – усмехнулся Хёрст. – Черт побери! Вы были на волоске в тот вечер, когда он прыгнул на вас!

– Действительно, – признал Смит, бледнея при воспоминаниях. – Без вмешательства ваших людей, полагаю,

он разорвал бы меня в клочья. Я неплохо владею кулаками, но тут признаю, что безумие, должно быть, удесятерило его силы.

– Я тоже имел возможность в этом убедиться, – вмешался Уильям, чувствуя, как сердце забилося быстрее при воспоминании о драке в телефонной будке, где Марджори чуть не рассталась с жизнью.

Твист с печальным видом обратился к Смит:

– Это был, увы, единственный способ заставить его выдать себя.

Смит согласился с горькой улыбкой. Он все еще страдал от многочисленных ударов, которые получил.

– Но, мой мальчик, вы нам еще не объяснили точную природу ваших отношений с миссис Хадсон! – бросил Хёрст с улыбкой в уголке рта.

Смит внимательно уставился на свою сигару, прежде чем ответить:

– Пустяки, и именно это – самое странное во всем этом деле. – Внезапно, он к чему-то прислушался, чуть помолчал и продолжил: – Это произошло в начале весны... ну, вы знаете, как ведут себя женщины в это время года... Я увидел во взгляде миссис Хадсон... как это назвать? Некую готовность. Вечером мы встретились в коридоре и бросились друг другу в объятия в бесконтрольном порыве. Все это не зашло слишком далеко... да и продолжалось недолго. Ничего такого. Пустяки, наша... э-э... связь не продлилась и неделю, но эта дура пошла и призналась мужу! Лучше бы промолчала! Когда я думаю, что он использовал снотворное для своих кровавых экспедиций! Наверняка он пришел к этой мысли, следя за мной...

Смит замолчал и затянулся сигарой с явным удовольствием, вероятно не разделяя чувств своих слушателей.

Твист прочистил горло и сказал:

– Мистер Хадсон был страшно болезненно ревнив, как его прадед, полковник Хадсон. Когда я говорил об основ-

ной связи, соединяющей оба дела, я намекал именно на это, помимо их родства. Если существовало некоторое физическое сходство между миссис Хадсон и ее прабабкой, как мы могли заключить по фотографии в коридоре, то мистер Хадсон унаследовал характер своего предка при все-таки более мирной внешности. Тем не менее, во взгляде полковника было выражение, которое иногда проскальзывало в глазах мистера Джерри Хадсона. Не очень заметное, краткий блеск...

Хёрст сквозь зубы процедил:

– Этот стальной блеск, присущий убийцам... Бедная мисс Гарфилд увидела его... Нет, действительно, у меня нет к нему никакой жалости. Хладнокровно убить эту милую даму, не говоря уже о других убийствах и попытках убийства. Жалко только его жену.

Смит пожал плечами: это должно было означать, что арест такого мужа будет счастьем для супруги и что такая красивая женщина, как она, без труда сможет начать новую жизнь.

– Какое дело! Какое невероятное дело! – повторил мистер Фарр с выразительной гримасой. – Но что самое удивительное – это преступление само по себе! Убийца, который мечет нож в тот момент, когда его компаньон на мгновение отворачивается. И он ничего не заметил... Когда бросаешь нож, все-таки тело совершает определенное движение! И жертва должна же была вскрикнуть! Этот мистер Шуйлер не был ли немного глуховат?

– Не больше, чем мы с вами, – сказал Твист, качая головой. – Это вновь подчеркивает ловкость нашего убийцы. Я скажу также, что его хитрость превосходит хитрость его предка, которому пришлось сделать целую конструкцию, чтобы его коллекция холодного оружия упала в нужный момент: наш мистер Хадсон просто в решительный момент пригласил мистера Шуйлера на лестницу, не только отвлекая этим его внимание, но также, хотя бы частично, заглушая возможные шумы. Проведите эксперимент: нач-

ните резко подниматься по деревянной лестнице, шум ваших шагов и скрип ступеней легко перекроет любые слабые звуки. Так или иначе, я ограничусь тем, что повторю: если бы все условия для преступления не сложились, Хадсон просто не стал бы бросать нож. Признаю, что никогда не сталкивался с таким удивительным убийством, объяснение которого заключается в его крайней простоте: ничего лишнего, ни дополнительного аксессуара или трюка. Перчатки на руке и кинжала *достаточно*, чтобы полностью сбить нас с толку.

Вдруг Смит поднял руку, словно призывая к молчанию.

– Вы ничего не слышали? – спросил он, удивленно вскинув брови.

Марджори хотела что-то сказать, но встретила грозный взгляд Хёрста. Мистер Фарр ласково улыбнулся Смигу:

– Прошу прощения?

– Но я же не глухой, вы в самом деле ничего не слышали?

– Слышали что? – поинтересовался Твист.

– Мяуканье кошки. У вас есть кошка, мистер Фарр?

Их хозяин помрачнел:

– У меня был кот. Но он умер на прошлой неделе.

– О! – выдохнул Смит.

В гостиной, освещенной последними лучами заходящего солнца, повисло удивленное молчание.

– Как его звали? – осведомился Твист, словно не зная, как поддержать разговор.

– Эдгар. Это был красивый черный кот.

– Был ли он в добром здравии? – продолжал Твист.

– Да. Но он лишился глаза.

Уильям и Марджори обменялись удивленными взглядами. Их удивлял разговор, но еще больше его тон. Слово люди повторяли выученные роли.

– Знаете, о чем все это заставляет меня подумать? – спросил Твист. – Эдгар По. По двум причинам: конечно, имя животного, но, главным образом, тот факт, что он был чер-

ным и потерял глаз. Как в знаменитой новелле этого писателя «Черный кот».

Хёрст пожал плечами, а мистер Фарр казался удивленным. Уильяму показалось, что он увидел хитрый блеск в глазах инспектора, который заявил:

– Мистер Фарр, вы обещали показать нам ваше святилище и все сокровища!

– Ну да! – кивнул хозяин. – Где моя голова! Вперед, друзья, следуйте за мной!

Пока мистер Фарр и Хёрст выходили из салона, доктор Твист подмигнул Смиту и молодой паре:

– У нашего хозяина имеется замечательная коллекция французских вин, которой он очень гордится.

Через несколько секунд все очутились в погребке, где на специальных стеллажах лежали многочисленные ценные бутылки. Пока мистер Фарр комментировал историю своих сокровищ и хлопоты, которые они ему доставляют, Смит нервничал все сильнее:

– Но это просто невозможно, здесь где-то кошка! Вы ничего не слышите? Она непрерывно мяукает!

В этот момент у входной двери раздался звонок.

– О, я как раз жду двух своих друзей, – оживился мистер Фарр. – Один момент!

Когда он исчез, Твист заявил:

– Знаете, мистер Смит, что меня очень заинтриговало во всей этой истории: тот факт, что вы вообще рассказали про эпизод вашей юности, когда вы вырвали волосы у миссис Крошоу.

– Я и сам удивлен, мистер Твист, можете мне поверить, – ответил тот с раздражением.

– Я прекрасно знаю, что все это неважно, но хотел бы все-таки вам сказать, что я по этому поводу думаю и как интерпретирую. Естественно, именно парик мистера Лемана вызвал это воспоминание. Прекрасно знаю, как это происходит: одно или два слова, которые выскакивают,

ваша аудитория давит на вас и вот вы вынуждены говорить. Но позвольте мне сказать вам вот что: человек вашего склада должен был бы легко вывернуться и перевести разговор на что-то другое. И мы вновь возвращаемся к тому же вопросу: почему это признание? И я скажу больше: уверен, вы и сами не знаете, почему!

– В самом деле, – раздраженно согласился Смит. – Но вы несомненно мне все объясните.

Твист задумался.

– Если бы речь шла о простой лжи, проблема стояла бы по-другому. Но, как мы знаем, это не так. Я не вижу другого решения, чем мое, но могу ошибаться, конечно, и в этом случае рассчитываю, что вы меня поправите. Вот что я думаю: вы в этом рассказе, как маленький мальчик, старались заставлять поверить в то, что говорите. Вы рассказали об этих фактах в том же состоянии ума, как в 16 лет: чтобы *убедить*. Вот и все: убедить. Но кого убеждать и зачем? Жильцов дома 48 на Хокстон-стрит? Разумеется нет. Речь шла о том, чтобы *убедить вообще*. А это заставляет думать, что в вашем рассказе есть *теневая, «замазанная часть»*, и что вы очень хотите, чтобы она осталась тайной. *Что-то, что вы желали скрыть еще тогда, когда были юношей*. Вот, что я сказал себе в тот момент.

Твист сделал движение плечами, показывая, что больше он ничего не знает.

Смит задумался, а затем бросил на собеседника странный взгляд:

– Вы, возможно, не ошиблись...

На лестнице послышались голоса, и появился мистер Фарр в сопровождении двух мужчин. Он представил их. Имена Патрика Миллера и Энтони Пэлмера показались Уильяму незнакомыми, хотя он был уверен, что уже встречал вновь прибывших. Большой из них напоминал колосса с короткими волосами, которые торчали, не закрывая лба, словно срезанные садовым ножом. У его компаньона,

блондина приблизительно сорока лет, также мускулатура была явно выше средней.

Последовал веселый легкий разговор, и Уильям узнал, что они, как и мистер Фарр, были коллекционерами и пылкими поклонниками доктора Твиста.

– Понимаете, доктор Твист, – сказал Патрик Миллер, человек с короткими волосами, – когда мистер Фарр узнал, что вы приедете, он пригласил к себе и нас.

– Ну же, Патрик! – проворчал мистер Фарр с улыбкой, которая опровергала его тон. – Это вы мечтали узнать все детали о «краснокожем» в Лондоне!

– Но джентльмены, – спросил Твист, – что именно вы коллекционируете?

Миллер и Пальмер обменялись взглядами, а затем почти одновременно достали револьверы.

– О! – воскликнул Хёрст, – вы любители старинного оружия! – Он похлопал Смита по спине: – Это заставляет нас задуматься, не правда ли, мой мальчик?

– Прошу прощения? – сказал Смит, чей вид демонстрировал недоумение, смешанное с страхом.

– Но полковник Хадсон, черт побери! Он также коллекционировал оружие!

– Ах да, конечно...

Пока обсуждение перешло на пистолеты, револьверы, кинжалы, ружья и прочее, Уильям задавался кучей вопросов. Прежде всего, кто эти неизвестные? Он был уверен, что уже встречал их. В любом случае, они не блефовали, говоря, что являются мастерами рукопашного боя, их эрудиция в этой области была несомненной. Затем, что они все делают здесь, в погребке мистера Фарра? Взглянув на Марджори, репортер понял, что она заинтригована не меньше него.

В подвале раздался жалобный и тоскливый крик, застававший собравшихся замолчать. Несомненно, это было мяуканье.

– Но теперь-то вы слышите! – воскликнул Смит, который явно сильно нервничал.

Все кивнули ему в ответ.

– Где-то заперта кошка, – заметил Миллер, направив в ту сторону оружие, которое постоянно держал в руке.

– Это... это невозможно, – прошептал совершенно потерянный мистер Фарр. – Мой кот умер на прошлой неделе... и однако мне действительно кажется, что я узнаю его голос.

– Черный кот, – серьезно сказал доктор Твист.

– Черный кот? – удивился Пальмер.

Твист не ответил, а повернулся к мистеру Фарру:

– Вы здесь его похоронили, в погребе?

– Да, – ответил хозяин дома, опуская голову. – Он очень любил это место. Здесь его любимые охотничьи уголья. Но почему этот вопрос? Вы же не хотите сказать, что...

– Видите ли, мистер Фарр, – начал детектив, – если кошка похоронена, это совсем не значит, что она умерла. Недавно я говорил вам о причинах, которые заставили меня подумать о «Черном коте» Эдгара По. Вы, разумеется, знаете об этой истории, джентльмены? – спросил он Миллера и Пальмера. Те жестами показали, что нет. – Тогда я коротко перескажу ее для вас и вы поймете связь, которую мы можем установить с котом мистера Фарра, черным одноглазым котом, который оказался теперь...

Снова послышалось мяуканье.

Смит посмотрел в сторону шума – сводчатый проход, идущий между двумя бочонками. В раздражении он направился было туда, словно намеревался преподать урок нежелательному животному, но одумался.

– Вы, кажется, очень нервничаете, мистер Смит, – заметил Твист приятным голосом.

– Нет-нет, пустяки. Этот проклятый кот действует мне на нервы, вот и все.

– Понимаю, – сказал Твист тоном, природу которого Уильям не смог определить. – Но я полагаю, что вы знаете «Черного кота»?

– Нет, нет, нет! – вспыхнул тот. – Но рассказывайте, черт побери!

– Тогда вот. Это – история о человеке, который любил кошек. Но он пристрастился к вину. В припадке безумия, вызванного пьянством, он выколол глаз собственному коту. Сожалея об этом, он завел другого, похожего. Я не очень хорошо помню подробности, но, как бы то ни было, этот человек впал в безумие и убил свою жену. Он замуровал ее погребу, но, когда через несколько дней пришли полицейские, их привлекло мяуканье из подвала. Таким образом преступника изобличили, так как по недосмотру он замуровал рядом с телом жены живого кота!

– Значит, вы думаете, что мой кот может быть все еще жив! – воскликнул мистер Фарр.

– Это не так уж невозможно, – спокойно ответил доктор Твист.

– А что если взглянуть? – предложил Хёрст.

– Клянусь, это неплохая мысль, – подхватил мистер Фарр.

– В любом случае, – заметил Твист, – в этом погребу очень живая кошка, которой явно что-то не нравится. Давайте посмотрим, что ей мешает.

Марджори с Уильямом обменялись взглядами. Тон и слова их хозяина показались им крайне странными.

– Хорошо, идем! – сказал мистер Фарр.

– Мисс Конвей, – обратился к ней Алан Твист, – сделайте доброе дело: принесите мне фонарик, который должен лежать в машине в отсеке для перчаток или около сиденья водителя!

Удивленная Марджори посмотрела на криминолога, но что-то в его глазах помешало ей протестовать, и она послушно ответила:

– Охотно, сэр.

Мистер Фарр проводил ее до выхода из погреба и быстро вернулся.

– Идем, – сказал он, направляясь к сводчатому проходу. За ним последовали все за исключением Смита.

– Боитесь кошек, мистер Смит? – спросил Патрик Миллер, улыбаясь.

Вместо ответа Смит пожал плечами и тоже вошел в проход, откуда вновь донеслось еще более громкое мяуканье.

В этой части погреба полом служила утоптанная земля. Плитками был выстелен лишь центральный проход и место, где хранился уголь. Каменные стены сочились влагой, а впереди зиял еще меньший проход, чем тот, через который они вошли. Там виднелось несколько ящиков с бутылками, а в углу – штабель пустых ящиков. Когда вновь раздалось мяуканье, всем стало очевидно, что звук идет из-за этих ящиков.

– Как раз там я... там я его и замуровал, – с трудом произнес мистер Фарр. – Кто-нибудь мне поможет?

Движением руки Хёрст послал Уильяма на помощь хозяину.

Журналист подошел к мистеру Фарру, и они освободили стену. Они отодвинули все ящики за исключением самого маленького, который был закрыт проволоочной сеткой и который мистер Фарр быстро зажал между коленями. Если этот жест и ускользнул от остальных (оба сидели на корточках отвернувшись), Уильям это заметил, как и явно услышал мурлыканье, прежде чем увидел, как запертый котик трется о проволоочную сетку. Онемев от удивления, журналист наблюдал, как мистер Фарр вытаскивает из стены камни, которые, очевидно, были уложены совсем недавно. Когда значительная часть стены открылась, мистер Фарр незаметно освободил кота, открыв ящик, и воскликнул:

– Эдгар! Дорогой мой малыш! Ты не умер! Это невероятно! Просто невероятно!

Он поднялся и с умилением смотрел, как его кот отправился тереться о ноги инспектора Арчибальда Хёрста.

Уильям тщетно пытался постичь смысл этой комедии, впрочем очень плохо сыгранной никудышными актерами: Твистом, Хёрстом и Фарром. Но в этот момент он увидел лицо Смита: тот весь позеленел, тонкие губы дрожали. Еще более странным было поведение Пальмера и Миллера, которые продолжали рассматривать оружие, почему-то не убранный в карманы. И тут в голове у Уильяма щелкнуло: он узнал двух сержантов Ярда, прославившихся как лучшие бойцы в полиции.

– Итак, все к лучшему, – удовлетворенно заявил мистер Фарр. – Можно подниматься наверх. Что нам нужно сейчас, это хорошая рюмочка... – Он замолчал, рассматривая что-то под ногами: – Что это...

– О чем вы? – спросил Твист, приближаясь к нему.

– Что-то странное, я бы сказал... Это было там, за камнями, там где был Эдгар...

Он протянул предмет доктору Твисту, который взял его и поднес поближе к лампочке, висящей над их головами.

– Да, – произнес он, – я бы сказал, что это кость...

– Кость! – воскликнул Хёрст. – Но это собаки любят кости, а не кошки!

Повисло молчание. Смит сделал было движение к выходу, но столкнулся с Миллером и с Пальмером, которые улыбнулись ему во весь рот и погрозили оружием.

– Вы правы, мой друг, – продолжал Твист. – Это, конечно, не Эдгар их спрятал. Но тогда...

После нескольких бесконечных секунд притворного размышления Твист взял лопатку для угля и начал копать. Через нескольких минут появился скелет, затем другой. Наконец, он выпрямился и подошел к Смигу, который увидел два направленных на него револьвера. Выражение лица у Твиста было очень серьезным, но он скорчил улыбку, обращаясь к Смигу:

– Я уже встречал множество гнусных преступников, мистер Смит, но честно скажу, никто из них вам и в подметки не годится.

Смит сделал было резкое движение, чтобы убежать, но познакомился с кулаком Миллера и растянулся на земле.

– Убить мать и сестру ради нескольких фунтов, – продолжал Твист, – думаю, не может быть более подлого преступления. Вы поправите меня, если я ошибусь. Когда ваша мать лишилась одновременно и своих волос, и заработка, вы сразу решили завладеть ее сбережениями плюс компенсацией, прежде чем они растают, как снег на солнце, в трудные дни, которые вам предстояли. Хладнокровно, цинично и трусливо вы убили мать и сестру. Жестокое выдирание волос у миссис Крошоу естественно было лишь постановкой. Очень характерной, однако. Совершая этот поступок, вы знали, что станете позорищем всей деревни и никто не удивится, если ваша семья после этого «сбежит». Очень хорошо представляю, что должны были говорить люди: «Боже мой, эта бедная миссис Смит, которая потеряла свои красивые волосы из-за миссис Крошоу! – Боже мой! Юный Смит отомстил за свою мать, вырвав волосы у миссис Крошоу среди ночи! – Какой позор, он ее чуть не убил... Бедная миссис Смит, какой стыд! – Неудивительно, что они собрали манатки и уехали».

Кто, я вас спрашиваю, хоть на секунду подумает, что трупы вашей матери и сестры покоятся замурованными в погребке? Это был очень сильный ход, мистер Смит, *очень сильный*, и я это признаю. Все это заставляет меня вспомнить другой рассказ Эдгара По, где тщетно ищут документ, который оказывается на самом видном месте. Вы скрыли одно ваше преступление другим. Действительно, ваше дикое нападение на миссис Крошоу казалось настолько гнусным и настолько сидело у всех в головах еще долго после вашего отъезда, что оно полностью задушило возможные подозрения, которые могли бы возникнуть. Скрыть пре-

ступление преступлением – это высшая хитрость! Наконец, кораблекрушение «Уайт Стар» дало красивую возможность объяснить «исчезновение» вашей семьи. Достаточно оказалось заявить, что все вы путешествовали инкогнито.

– Доказательства, – пробурчал Смит, чувствуя под ребрами дуло револьвера Пальмера.

Твист достал из кармана бритву:

– Мы нашли ее около трупов. Поскольку, как вы догадываетесь, мы не сегодня их обнаружили. Думаю, вы извините нас за этот маленький спектакль (ради чистого удовольствия!), который мы разыграли...

– ...не только ради удовольствия, – закончил Хёрст, на лице которого удовлетворение смешивалось с глубоким отвращением. – Это, конечно, не в наших привычках, но мы подумали, что преступник вашего типа заслуживает чего-то специального... И я благодарен мистеру Фарру за то, что он любезно помог нам. Надеюсь, это не доставило вам слишком много хлопот, мистер Фарр?

– Нет, совсем напротив. И Эдгар развлекся.

– Если вернуться к доказательствам, мистер Смит, – сказал доктор Твист, – начну с того, что нет никаких сомнений в идентификации трупов: ваша мать еще носила обручальное кольцо. А также эта бритва – по всей видимости, орудие преступления. Эту бритву вы «заимствовали» у миссис Крошоу чтобы отрезать ей волосы той замечательной ночью, и, разумеется, вы ее не вернули. Я уверен, парикмахерша узнает свое бывшее орудие труда. Понимаете, что я хочу сказать, мистер Смит? И наконец, закончу вот чем: Джерри Хадсон благодаря своим гнусным преступлениям в конце концов добьется своей цели. Так как вне всяких сомнений, мистер Смит, ваши дни отныне сочтены и скоро вы будете качаться на конце веревки.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Список персонажей.....	6
1.....	7
2.....	14
3.....	24
4.....	31
5.....	39
6.....	52
7.....	62
8.....	75
9.....	81
10.....	87
11.....	95
12.....	103
13.....	112
14.....	125
15.....	133
16.....	143
17.....	158
18.....	167
19.....	175
20.....	186
Эпилог.....	208

Литературно-художественное издание

16+

Поль Альтер
Смерть за шторами

Гарнитура Cambria

© Перевод. Николай Баженов, 2020